S 2/772

МНЕМОЗИНА,

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

издаваемая

Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1825 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два екземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Октября 13 дня, книгу сію разсматривалъ Адъюнктъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
33327-55

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	О способахъ изслѣдованія природы (п. п.)	1.
II.	Еще два Аполога:	
	1. Новый Демонъ	35.
	2. Моя управительница (Кн. Одоевскаго)	42.
III.	Жертвы Амуру (— й)	49.
IV.	Мысли (Нечаева)	52.
V.	Спутники жизни (Н. Полеваго) . .	56.
VI.	Амуръ Живописецъ (В. Кюхельбекера)	63.
VII.	Отрывокъ изъ путешествія по Полуденной Франціи (В. Кюхельбекера)	66.
VIII.	Гимнъ Бакхусу (В. Кюхельбекера) -	92.
IX.	Олимпійскія игры (В. Кюхельбекера)	96.
X.	Къ морю (А. Пушкина)	102.
XI.	Тимонъ или Мизантропъ, изъ Лукіана съ Греческаго (С. Шевырева) .	105.
XII.	Очки (Елегія)	153.
XIII.	Ливонія (Н. Языкова)	156.
XIV.	Пѣсня	158.
XV.	Секта Идеалистико-Елеатическая — отрывокъ изъ словаря Исторіи Философіи (Кн. Одоевскаго)	160.
XVI.	Буря (****)	214.
XVII.	Отрывки изъ Поэмы: Эда (****) . .	216.
XVIII.	Леда (****)	221.

XIX. Различныя потребности (С. Н.) . . 223.
XX. На свиданіе съ сестрою (С. Н.) . . 224.
XXI. Статьи особенныя:
——— Короткій отвѣтъ Кн. Одоевскаго Г-ну Булгарину; Замѣчанія на письмо къ Изд. Л. Л. Госп. Ій-ова; Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ самихъ Издателей; Одиссеевъ конь, (Кн. Одоевскаго) . . . . . 227.

ОПЕЧАТКА.

Послѣ страницы 191 сдѣлана ошибка въ числахъ страницъ и статей, вмѣсто 214 должно читать 192 и такъ далѣе.

I.

О СПОСОБАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПРИРОДЫ.

Все сотворенное, подлежащее нашему изслѣдованію и вообще называемое природою, есть или 1) познаваемое только, или 2) познаваемое и познающее вмѣстѣ. Первому названіе: *природа*, дается исключительно, второе именуется *разумѣніемъ* (intelligentia) и относится къ познающему въ человѣкѣ духу.

Природа своею обширностію, разнообразностію частей и гармоніею цѣлаго не могла не поразить познающаго духа; сей, по ограниченности бытія, стѣсненный въ точкѣ вещества, а познавательною способностію своею носясь по всему царству творенія, не могъ въ послѣдствіи не обратиться и къ самому себѣ, какъ предмету не менѣе природы достойному изслѣдованія. Человѣкъ, говорю, съ самаго начала своего появленія среди природы, пораженный ея

величіемъ и вмѣстѣ изумленный самимъ собою, невольно долженъ спросить себя: что все ето, что внѣ меня? И что такое я самъ на семъ великомъ зрѣлищѣ? Остановимся на первомъ вопросѣ?

Всѣмъ извѣстна скорость, съ какою разпространяется свѣтъ; отъ звѣзды называемой Сиріусъ доходитъ онъ до насъ (по вычисленію Астрономовъ) въ теченіи 6 лѣтъ и 4 съ половиной мѣсяцовъ. Ежели въ 8 минутъ и 7 съ половиною секундъ пробѣгаетъ онъ отъ солнца до земли болѣе 20 милліоновъ географическихъ миль; що какое ужасное проспранство долженъ пробѣжать въ теченіи 6 лѣтъ и 4 съ половиною мѣсяцовъ? Етаго еще мало; есть звѣзды, которыхъ лучи, по Гершелю, не прежде достигнутъ нашей планеты, какъ по истеченіи двухъ милліоновъ годовъ; какъ же велико должно быть разстоянie, на которомъ онѣ находятся отъ земли? Мысль теряется въ семъ ужасномъ пространствѣ! Но постигаемые предѣлы вселенныя можно ли принять за дѣйствительные? Природу, какъ вмѣстилище всего сотвореннаго, легче вообразить сферою, которой центръ всюду, а окружность нигдѣ. Природа въ семъ значеніи взятая не

есть предметъ наслѣдованія, но составляетъ только предметъ благоговѣйнаго удивленія величію Творца ея.

Неизмѣримое пространство вселенныя неминуемо предполагаетъ и многоразличіе существующаго въ ономъ чрезвычайное. Ежели съ сею цѣлію обратимъ вниманіе на одну нашу планету, и тутъ не можемъ довольно надивиться оному: роды описанныхъ только растѣній считаются цѣлыми десятками тысячъ; но сколько еще неизвѣстныхъ, сколько въ каждомъ родѣ видовъ, а въ видѣ различій? Въ животномъ царствѣ многообразіе еще разительнѣе: не говорю о наливникахъ (infusoria), открываемыхъ посредствомъ микроскопа; одинъ классъ насѣкомыхъ представляетъ легіоны. Чтожъ если погрузимся въ океанъ, и спустимся до цен[illegible] земли; какимъ мы будемъ поражены многоразличіемъ тѣлъ, имѣющихъ намъ встрѣтиться?

Если мы смотримъ на природу съ этой стороны, т. е. если стараемся постигнуть совокупность всего видимаго, усиливаемся, такъ сказать, сдѣлать счетъ тѣламъ, природу составляющимъ; въ такомъ случаѣ она представляется намъ храмомъ безпредѣльной обширности, въ коемъ усам-

приваются безчисленные предметы, уже произведенные (producta), или: съ той стороны разсматриваемая природа представляется намъ темъ, о чемъ можно сказать: *есть* (amplexus eorum, quae sunt), и кажется находящеюся въ покоѣ, какъ нѣчто содержимое.

Но ежели на сіи произведенія обратимъ болѣе вниманія; если будемъ проникать глубже сію совокупность видимаго; то не можемъ не замѣтить, что сіе нѣчто содержимое, произведенное, издали кажущееся покойнымъ, все находится въ движеніи; тамъ міры, постоянно вращаясь на осяхъ своихъ, съ невѣроятною быстротою носятся вокругъ центральныхъ свѣтилъ; здѣсь моря дышатъ, такъ сказать, въ отливѣ и приливѣ водъ своихъ; тамъ грохотъ громовъ колеблетъ атмосферу, и изъ ней: то льются дожди, то сыплются разкаленные камни; здѣсь потрясается земля; сгнѣленные во внутренности оной огни, прорываясь на поверхность, выносятъ съ собою рѣки разплавленныхъ жаромъ ихъ металловъ и земель; а тамъ милліоны растѣній и животныхъ, возникая и исчезая, представляютъ непрерывное волненіе. Природа, разсматриваемая съ сея

стороны, не кажется болѣе произведенною только, но непрерывно измѣняющеюся (amplexus eorum, quae fiunt), и что надобно замѣтить особенно, при всей измѣняемости остается неизмѣняемою: всѣ животныя и растѣнія, однѣ медленнѣе, другія скорѣе, но всѣ вообще умираютъ, разрушаются; и не смотря на то природа не пустѣетъ; одно умираетъ, другое родится; словомъ: природа постоянно измѣняется и постоянно остается тѣмъ же, чѣмъ по манію Всемогущаго вышла изъ ничтожества. Назовемъ ету всегдашнюю измѣняемость природы *производимостію*, а то, что она при всегдашней производимости, остается одинаковою, назовемъ пребываемостію; и выразимся такъ: *въ природѣ мы находимъ всегдашнюю пребываемость при непрерывной производимости*; т. е. природа ежемгновенно измѣняется и постоянно остается одинаковою, производится и пребываетъ. Что ето значитъ? Чтобъ не теряться только въ общемъ, остановимъ наше вниманіе на частномъ и именно: возмемъ въ примѣръ живошное тѣло: оно пока живетъ, непрерывно измѣняется: однѣ начала превращаются въ его вещество, другія извергаются; и ето совер-

шается ежемгновенно; не смотря на то оно при своей непрерывной измѣняемости, остается одинаковымъ, производится и пребываетъ, — оно *живетъ*. Главнѣйшій признакъ, существеннѣйшее отличіе жизни есть пребываемость въ производимости. Замѣтивъ сіе, обратимся къ природѣ: она, какъ сказано выше, находится во всегдашнемъ дѣйствіи, въ непрерывномъ движеніи, и симъ сохраняется ея цѣлость; всегдашнею производимостію, непрерывною измѣняемостію поддерживается ея неизмѣняемая пребываемость; непрерывно разрушается и непрерывно возникаетъ, производится и пребываетъ — она живетъ. Произведеніе всесовершенной Жизни мертво быть не можетъ.

Солнечныя системы представляются умствующему наблюдателю отдѣльными органами великаго живаго цѣлаго, органами всеобщаго организма; каждая солнечная система относится къ цѣлой природѣ какъ часть, къ частямъ же, ее составляющимъ, содержится какъ цѣлое своего рода; потомъ каждая планета относится къ солнечной системѣ, какъ часть къ своему цѣлому; сама по себѣ есть также цѣлое и цѣлое живое. Тѣло наше живетъ, поколику въ

органы, имѣя собственную жизнь каждый существуя отдѣльно, содѣйствуютъ общей жизни, поддерживаютъ цѣлость нашего организма; уничтожить *напр.* органъ дыханія; наше тѣло болѣе не живетъ, разрушается; такъ цѣлая природа живетъ въ своихъ частяхъ, а части поддерживаются жизнію цѣлаго; такъ живетъ и наша планета; ея основа (partes solidae) — земля; ея кровь (humores) — воды; ея дыханіе — воздухъ; органы ея вѣчнаго возникновенія — растенія и животныя; органъ мышленія — человѣкъ, вѣнецъ творенія, коимъ временное примыкается къ вѣчному.

При всемъ несмѣтномъ многоразличіи существующаго, при всей безчисленности дѣйствій и явленій, мы замѣчаемъ постоянный, непремѣнимый порядокъ въ ходѣ природы; во множествѣ находимъ единство; съ этой стороны природа кажется самою гармоніею, въ безчисленныхъ движеніяхъ обнаруживающеюся и безконечною своихъ разнообразностію поддерживаемою.

Сорвать завѣсу, сокрывающую отъ насъ пружины сей гармонической машины; открыть главную причину всѣхъ ея несмѣтныхъ движеній и тамъ — при самомъ началѣ дѣятельности природы, возрузить

знанія истины, словомъ: образовать общую теорію природы и при ея свѣтѣ благоговѣйною мыслію погружаться въ дѣла Всесотворшаго, проходя всѣ многоразличныя явленія въ пространствѣ и времени — вотъ цѣль нашихъ изслѣдованій! Къ сему-то знанію, къ сей-то истинѣ стремится духъ человѣка такъ постоянно во всѣхъ вѣкахъ. Пусть невѣжество—сіе могучее чудовище—искомый свѣтъ отдѣляетъ отъ него ужасными безднами; пусть покрываетъ оный самымъ хаосомъ; онъ не престанетъ усиливаться, прорываться сквозь всѣ мраки, перелетать всѣ пропасти, стремясь къ своему высокому назначенію.

Стремленіе сіе направляется съ двухъ противуположныхъ точекъ, которыя суть: *опытъ* и *умозрѣніе*, или природа изслѣдывается двумя способами: аналитическимъ—емпирическимъ и синтетическимъ—умозрительнымъ. По первому способу во главу угла полагается опытъ, и на немъ зиждется все знаніе; по второму — умозрѣніе; по первому отъ явленій восходятъ къ началамъ, по второму отъ началъ къ явленіямъ. Совокупность свѣдѣній первымъ способомъ пріобрѣтенныхъ называется *емпирическими*, а вторымъ — *умозрительными*. Естественно-

ными Науками. Какой способъ превосходнѣе, это было и есть предметъ прѣній; большинство голосовъ на сторонѣ емпиріи; но большинство голосовъ не всегда служитъ доказательствомъ справедливости; собственное разсужденіе и изслѣдованіе никогда не вредятъ истинѣ.

Стремленіе познающаго въ насъ духа въ изслѣдованіи природы таково: то, что встрѣчаетъ онъ являющимся въ пространствѣ и времени, силится свести на понятія; картину явленій силится превратить въ картину дѣйствій, силъ и законовъ; словомъ: силится списать природу. И такъ, науки, имѣющія предметомъ природу, составляютъ списокъ оной.

Списокъ цѣнится по мѣрѣ его приближенія къ подлиннику; по сему, чтобъ оцѣнить Естественныя Науки—етотъ списокъ природы, надобно изслѣдовать: имѣетъ ли онъ сходство съ своимъ подлинникомъ.

Сходство понятій съ познаваемымъ предметомъ называется истиною, ето же есть и знаніе; ибо „знаемъ," можемъ только сказать о томъ предметѣ, съ которымъ наши понятія сходны; въ противномъ случаѣ мы его не знаемъ.

Теорія въ наукахъ, какъ изображеніе внутренняго хода явленій, есть представительница нашихъ объ нихъ понятій; по сему увѣриться въ истинѣ теоріи можемъ только тогда, когда убѣдимся въ сходствѣ нашихъ понятій съ внутреннимъ ходомъ явленій.

Сходство понятій съ предметомъ можетъ быть только одно; по сему и говорится: *истина одна*; многихъ сходствъ понятій съ предметомъ быть не можетъ; если же гдѣ встрѣчаемъ различныя представленія одного и того же предмета; то на вѣрное сказать можемъ: здѣсь господствуетъ ложь; ибо истина и ложь вмѣстѣ существовать не могутъ; истина одна; — изъ ея царства изключается все съ нею разнородное. Естественныя Науки имѣютъ одинъ предметъ — природу; по сему и сходство понятій съ оною должно быть одно; теорія природы, какъ представительница сего сходства, должна быть одна; всѣ Естественныя Науки должны образоваться по одной формѣ, подъ вліяніемъ одной теоріи; по одному сходству понятій съ природою; ибо многихъ сходствъ быть не можетъ. Таковы ли Естественныя Науки, обработываемыя емпирически? Въ етомъ спискѣ природы замѣтна ли та гармонія, которая

господствуетъ въ его подданникъ? Физика, говорятъ, объемлетъ всю природу; по сему бы она должна быть первою образовательницею общей теоріи для всѣхъ Естественныхъ Наукъ; но мы въ ней самой не видимъ единства началъ; въ ней находимъ столько же теорій различныхъ, сколько и предметовъ; а иногда и на одинъ предметъ не одну, а многія теоріи. Естественная Исторія считается также одинъ цѣлымъ, и именно: Естествоописаніемъ; но стоитъ только бросить поверхностный взглядъ на части сей науки, и не льзя не замѣтить въ этомъ спискѣ природы ужаснѣйшаго безобразія; по, что должно быть картиною трехъ царствъ природы, въ прелестнѣйшей связи между собою состоящихъ, представляется картиною безпорядка, неустройства, безсвязности; ибо раздѣленіе минераловъ, растѣній и животныхъ основывается на различныхъ началахъ. Физіологія въ Медицинѣ должна играть ту же роль, какая свойственна Физикѣ въ общемъ кругѣ Естественныхъ Наукъ; Физіологія равно какъ Физика должна образовать такую теорію, которая бы отражалась во всѣхъ частяхъ цѣлаго, къ коему она принадлежитъ; но ничего въ Медицинѣ нѣтъ; Физіологія имѣетъ

одинъ начала, свои теорiи; Патологiя, которая есть нечто другое, какъ обратная Физiологiя, имѣетъ другiя; Фармокологiя свои; Терапiя также свои, и всѣ вообще имѣютъ не одну, а многiя теорiи. И такое разноначалiе, вывѣска несовершенства, существуетъ въ той наукѣ, которой поборники готовы истощить все краснорѣчiе, всѣ умствованiя для доказательства, что опытъ есть единственное, прочнѣйшее основанiе знанiя.

Отъ чегожъ зависитъ такое несовершенство Емпирическихъ Наукъ? Неужели занимающiеся оными доселѣ еще обманываются, что опытъ есть вѣрнѣйшiй путь къ истинѣ? Неужели великiе мужи, коихъ имена внесены уже въ книгу безсмертiя, какъ *напр.* Галилей, Баконъ, Ньютонъ, Бюффонъ, Соссюръ, и проч. были такъ слабы, что не могли поставить себя выше всеобщаго предразсудка и опытъ былъ ихъ кумиромъ? Важность лицъ, когда дѣло идетъ объ истинѣ, ничего незначитъ: amicus Aristoteles, amicus Plato, sed magis amica veritas.

Природа, какъ явленiе въ пространствѣ и времени, находится въ непрерывной производимости, состоящей въ превра-

щенiи одного и того же вещества въ многоразличныя формы. Сie положенiе противорѣчитъ атомистической теорiи, господствующей въ емпирическихъ наукахъ; по сей послѣдней находятся многоразличныя вещества, начала; и ежели природа кажется производящею; то она, не другое что дѣлаетъ, какъ только составляетъ сiи вещества, коихъ различное содержанiе причиною различiя тѣлъ. Сiя теорiя совершенно неправильна. Въ органической природѣ часто въ глазахъ нашихъ совершается образованiе тѣлъ съ такими началами или составными частями, какихъ со всѣмъ не было въ той средѣ, въ коей ихъ образованiе совершалось; такъ *напр.* извѣстно изъ опытовъ извѣстнѣйшихъ естествоиспытателей, что много находится извести въ пеплѣ деревъ, возросшихъ въ землѣ, не содержавшей ни пылинки извести. Въ крови животныхъ находится желѣзо тогда, какъ въ пищѣ, ими употребляемой, не открывается и слѣдовъ сего металла. Нѣкоторыя растѣнiя, будучи сожигаемы зелеными, даютъ въ произведенiи щелочи, а въ пеплѣ тѣхъ же самыхъ растѣнiй, но сожженыхъ высохшими, находится известь. Однѣ и тѣ же животныя, будучи сожжены, пре-

вращаются въ пепелъ, въ коемъ находятся различныя минеральныя вещества, и, будучи разрушены посредствомъ гніенія, образуютъ чернозем (humus). Нѣкто Шрадеръ въ Берлинѣ дѣйствительность образованія новыхъ веществъ во время растительнаго процесса доказалъ самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ посредствомъ выращенія нѣкоторыхъ хлѣбныхъ растѣній, посаженныхъ сѣменами въ чистѣйшемъ сѣрномъ порошкѣ, поливаемыхъ одною перегнанною водою и такъ сохраненныхъ, что ни пыль, ни дождь не могли на нихъ падать, словомъ: земляныя частицы ниоткуда и ни какимъ образомъ не могли быть доставляемы; между тѣмъ, по разложеніи оныхъ, найдено довольное количество вновь образовавшихся минеральныхъ веществъ, какъ то: кремнистой и квасцовой земель, углекислой извести и углекислой мыловки, сказовъ: желѣзнаго и марганцоваго. Очевидно, что сіи вещества образовались во время растительнаго процесса изъ перегнанной воды; ибо она только въ семъ опытѣ испребялась, а сѣрный порошокъ оставался въ прежнемъ количествѣ.

Сего довольно, чтобы показать всю несостоятельность аѳомистической тео-

рiи и имѣетъ подтвержденiе противоположное оной положенiе, а именно, какъ сказано выше: производимость природы состоитъ въ превращенiи одного и того же вещества въ многоразличныя формы.

Различiе формъ въ природѣ органической, какъ замѣчено выше, чрезвычайно; но вещество, служащее матерiаломъ ихъ образованiя одно — слизь. Изъ сравнительной Анатомiи извѣстно, что основа тѣлъ органическихъ есть клѣтчатая плева; изъ ней образуются всѣ плотныя части, а плева образуется изъ слизи; изъ слизи же образуются начально жидкiя части тѣлъ органическихъ.

Очевидно, что многоразличiе формъ вещественныхъ зависитъ не отъ самаго вещества, оно одно; вещество, какъ нѣчто непроницаемое въ пространствѣ, служитъ только основою явленiя — массою, изъ которой образуются различныя формы, а то, что въ веществѣ проявляется, отъ чего зависитъ образованiе той или другой формы, есть нѣчто отъ вещества отличное, совершенно ему противуположное. Назовемъ условно сiе нѣчто веществу противуположное, въ немъ проявляющееся, *идеальнымъ*, а законъ, по коему идеальное

дѣйствуетъ — *идеею* вообще, въ тѣлахъ живыхъ — *идеею жизни*. Послѣ сего касательно образованія различныхъ формъ изъ одного и того же вещества можемъ выразиться такъ: вещество принимаетъ ту или другую форму, смотря потому, какого идеальнаго вліянію подвергается, *напр.* одинъ и тотъ же черноземъ, подверженный дѣйствію на него различныхъ сѣмянъ, превращается въ различныя растительныя тѣла. — Чтобъ убѣдиться въ сей истинѣ, такъ сказать, ощупью; слѣдуетъ только заглянуть въ теплицы и оранжереи.

Въ сѣмени не содержится, какъ нѣкоторые даже и теперь думаютъ, цѣлое растѣніе вещественно; по ихъ мнѣнію ростъ растѣнія есть только развитіе того, что въ маломъ видѣ находится въ зародышѣ. Заблужденіе! — Сѣмя растѣнія до оплодотворенія есть шарикъ, въ окружности плотный, а въ нутри жидкій; въ немъ послѣ оплодотворенія чрезъ нѣсколько дней появляется бѣлая точка, начало зародыша; ему въ актѣ оплодотворенія сообщается одна только возможность опредѣленнаго образованія — идея. Въ сѣмени каждаго растенія содержится форма всѣхъ послѣдующихъ племенъ его рода, но невещественно, а идеально, въ возможности

(in potentia). Сія форма въ возможности— *идея* и есть та внутренняя модель, по которой матеріалъ питанія растѣній превращается въ растительное тѣло, какъ строительный матеріалъ превращается въ зданіе по фигурѣ, родившейся въ головѣ Архитектора. Такъ же образуется и животное тѣло; мы удивляемся красотѣ павлина, огромности слона, кита, словомъ: поражаемся несмѣтнымъ многоразличіемъ животныхъ; всѣхъ ихъ тѣламъ начало одно—слизь; различіе формъ, въ которыя сія превращается, зависитъ отъ идеальнаго.

Формы, которыя вещество принимаетъ, временны; ибо оно дѣйствію того или другаго идеальнаго подвергается случайно; по сему ежели опредѣленный видъ вещественнаго назвать его существованіемъ; то ясно, что сіе существованіе есть только *случайное*, *мнимое*; ибо оно служитъ только отпечаткомъ существованія идеальнаго. Но такъ какъ формы вещества при всей ихъ случайности и недѣйствительности, находятся въ природѣ постоянно: то слѣдуетъ само собою, что дѣйствительно существуетъ только идеальное, а вещественное существуетъ случайно. Чтобъ пред-

ставить мысль сію въ чувственномъ видѣ, вообразимъ безпредѣльно обширное море, сильнымъ вѣтромъ непрерывно волнуемое; первое, что поразитъ насъ при взглядѣ на оное, будутъ пѣнистыя волны, съ ужаснымъ шумомъ воздымающіяся; къ нимъ прикованный взоръ будетъ только видѣть многоразличныя формы пѣнистыхъ возвышеній; замѣтитъ только, какъ одна волна изъ другой раждается и поглащается послѣдующею, какъ онѣ ежемгновенно, исчезая и возникая, представляютъ постоянное явленіе волненія. Море — природа; волны — преходящія формы, явленія; вода въ разныхъ формахъ: т. е. въ волнахъ, то исчезающихъ то возникающихъ являющаяся — вещественное; вѣтры — идеальное; все вмѣстѣ взятое явленіе — производимость природы, а начальная причина сего общаго волненія океана вещественности

Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени Превѣчный!

Видимое для насъ въ каждомъ явленіи есть только случайное, мнимое существованіе, волны въ морѣ (phoenomenon); а сущность онаго (noumenon) скрывается въ идеаль-

номъ. Все видимое движется въ слѣдствіе дѣятельности идеальнаго.

Теперь возвратимся къ способамъ изслѣдованія природы.

Аналитически или емпирически изслѣдывающіе природу утверждаются на опытности; опытность предметомъ можетъ имѣть только то, что подлежитъ чувствамъ; чувствамъ подлежитъ только внѣшнее въ каждомъ видѣ существованія (phoenomenon), а сіе есть только случайное, несущественное въ природѣ; симъ путемъ слѣдуя, т. е. путемъ опытности, можно только дойти до понятіи о случайномъ; но случайнымъ управляетъ нѣчто постоянное, и ето есть идеальное; а идеальное не подлежитъ опытамъ, его не льзя заключить ни подъ воздушной колоколъ, ни въ папиновъ горшокъ. Послѣ сего понятно, почему въ емпирическихъ наукахъ, идущихъ къ своему совершенству путемъ опытности, доселѣ нѣтъ ничего положительнаго; онѣ зиждутся на зыбяхъ взволнованнаго моря, на однѣхъ видимыхъ явленіяхъ; взоръ емпирическихъ естество-испытателей прикованъ къ однѣмъ волнамъ; онъ въ морѣ природы, кромѣ пѣнистыхъ колебаній, ничего невидитъ.

Изъ предыдущаго видно, что природа имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю (phoenomenon) и внутреннюю (noumenon). Внѣшняя сторона есть область *опыта*, *емпиріи*, а внутренняя *умозрѣнія*. Наружность поражаетъ прежде; и потому душа наша, сообщаясь съ міромъ посредствомъ наружныхъ чувствъ, прежде обращается къ внѣшней сторонѣ природы; поражаясь многоразличіемъ, силится все привести къ единству, находя все условнымъ, стремится привести къ безусловному. Единство и безусловное, вотъ цѣль, къ которой мыслящій въ человѣкѣ духъ стремится постоянно и не утомляется; всѣ столѣтія ознаменованы слѣдами его усилій.

Тотъ моментъ дѣйствія души, когда она, чрезъ наружныя чувства обращаясь къ внѣшней сторонѣ природы, все видимое многоразличіе силится привести къ единству, все условное свести на безусловное, называемъ *разумомъ*: противоположный—*умомъ*. Послѣдуемъ за нею въ первомъ моментѣ дѣйствія и съ должнымъ вниманіемъ вникнемъ: много ли она успѣваетъ, другими словами: далеко ли простираются дѣйствія разума? Душа, обращенная посредствомъ чувствъ къ внѣшней сторонѣ природы, при

первомъ взглядѣ поражается многоразличіемъ, ето есть *воззрѣніе*. При воззрѣніи многоразличіе вещей представляется смѣшеннымъ. Разумъ, вникая въ оное, скоро находитъ, что во множествѣ вещей различныхъ находятся и сходныя между собою; по сему размѣщаетъ ихъ въ особые ряды, приводитъ къ единству (Collocatio similium rerum); потомъ разбираетъ: въ чемъ состоитъ ихъ сходство, или: что онѣ имѣютъ между собою общаго? Наконецъ *отвлекая* (Abstractio) отъ нихъ то, что всѣмъ имъ общимъ находитъ, частныя ихъ изображенія оставляетъ въ забвеніи, удаляетъ отъ себя, и удерживаетъ только то *общее*, почему онѣ всѣ сходны; общее, отвлеченное отъ подобныхъ частныхъ, есть *понятіе*, напр. Роза, павлинъ.

При воззрѣніи душа извѣщается только о многоразличіи, которое она должна привесть къ единству и первый къ тому порывъ есть составленіе понятій, при чемъ замѣчаются три момента. 1) *Совмѣщеніе подобныхъ* (collocatio), 2) *Разборъ сходства* (comparatio, analysis), 3) *Отвлеченіе того, что составляетъ сходство*) (abstractio). — Но поелику и понятія, какъ особыя сферы, вмѣщающія общее частныхъ,

имѣющихъ между собою сходство, представляютъ не единство, а многоразличіе; посему разумъ стремится далѣе: и многоразличныя сферы старается соединить въ одну общую; при чемъ поступаетъ также, какъ и при составленіи каждаго понятія порознь, т. е. особыя сферы, снося вмѣстѣ, разбираетъ, что между ими есть общаго, и, отвлекая отъ нихъ сіе общее, составляетъ новую сферу; но и сіи высшія сферы душѣ кажутся еще частными, представляются многоразличіемъ, а ея цѣль — *единство*; потому и сіи сферы силится подвести подъ общее единство. Такимъ образомъ отъ понятій *видовъ* поступаетъ къ понятію *рода*, *порядка* и т. д. Самое высшее понятіе, до котораго доходитъ разумъ, есть *бытіе*, *общее*, отвлеченное отъ всего, о чемъ можно сказать: *есть*. Бытіе есть единство; оно не имѣетъ никакого сказуемаго, кромѣ того, что оно есть подлежащее безъ сказуемаго. Все, о чемъ можно сказать: *есть*, составляетъ его видъ, отъ него уже нечего болѣе отвлекать; оно есть самое простѣйшее, самое *общее*.

Невходя въ подробный разборъ понятій, замѣтимъ, что составленіе оныхъ есть процессъ восхожденія, въ которомъ

каждая ступень къ низшему содержится какъ общее, а къ высшему какъ частное, напр. понятіе *растѣнія* къ понятію *розы* содержится какъ общее, а къ понятію *тѣла*, какъ частное.

Чѣмъ выше восходитъ разумъ, или чѣмъ сфера понятія по объемлемости значительнѣе; тѣмъ она болѣе, такъ сказать, рѣдѣетъ, утончевается; ближайшія къ предметамъ полнѣе, болѣе имѣютъ сказуемыхъ; отъ нихъ, какъ отвлеченій общаго частныхъ, отвлекается еще общее и т. д. *Предметы* (особыя, individua) и *бытіе* составляютъ крайности, конечныя ступени сего восхожденія. Первыя ступени суть ближайшія къ дѣйствительности (realitas), но и здѣсь, т. е. въ первой сферѣ отвлеченія предметы уже исчезаютъ, а остается только то, что есть между ими общаго напр. понятіе *розы* заключаетъ въ себѣ только общность признаковъ розъ, а не самые особыя (екземпляры).

Далѣе восходить значитъ постепенно удаляться отъ предметовъ, отъ дѣйствительности; каждое понятіе содержитъ только общее, гдѣ частныя, отъ коихъ то общее отдѣлено отвлеченіемъ, исчезаютъ, на прим. въ понятіи растѣнія не узнается

уже ни роза, ни сосна, ни липа; словомъ: ни одно изъ особыхъ, отъ коихъ взятое отвлеченіемъ общее составили понятіе растѣнія. Потому каждая сфера понятій представляется пустою, гдѣ дѣйствительность потеряна, и чѣмъ выше сфера понятія, тѣмъ она пустѣе, а самая высшая находится общею пустотою всѣхъ сподчиненныхъ пустотъ. На каждой ступени низшія подчиняются высшимъ, а чрезъ то первыя изъ послѣднихъ, такъ сказать, выпадаютъ; въ сихъ отъ первыхъ остается только общее. Потому самая высшая дѣлается общею пустотою, въ которой всѣ частныя потеряны; а потому самая высшая сфера есть самая большая пустота, гдѣ все многоразличное не къ единству приведено, а обращено въ пустоту.

Разумъ, замѣтивъ такой недостатокъ въ понятіи (если кому покажется страннымъ, что разумъ здѣсь какъ бы олицетворяется, представляется самостоятельнымъ, живымъ, дѣйствующимъ по усмотрѣнію, тому слѣдуетъ припомнить, что подъ именемъ разума понимаемъ душу, обращенную къ внѣшней сторонѣ природы; а душа есть дѣйствительно нѣчто самостоятельное, живое, дѣйствующее по усмо-

трѣнію. Мысль сія сдѣлается еще яснѣйшею, если подъ именемъ разума, будемъ понимать разумъ не однаго человѣка, но разумъ всѣхъ людей вообще и во всѣхъ вѣкахъ, усиливающійся все многоразличное привести къ единству); разумъ, говорю, замѣтивъ такой недостатокъ въ понятіи, дѣлаетъ новое усиліе, чтобъ оный пополнить, а именно: *общее* какъ нѣчто пустое, старается свести на *частное*, общее поставить на видъ въ частномъ, и сіе есть *сужденіе*, второе дѣйствіе разума, въ которомъ онъ общее, какъ нѣчто пустое, несущественное спасаетъ, такъ сказать, на частномъ, какъ существеннѣйшемъ въ сравненіи съ первымъ, или частное подчиняетъ общему, чтобы общее, исчезнувшее внѣ дѣйствительнаго, свести на частное и тѣмъ соединить оное съ дѣйствительнымъ, на пр. Роза есть растѣніе, роза красна.

Во второмъ дѣйствіи замѣчаются также три момента: частное (подлежащее) общее (сказуемое) и моментъ ихъ соединенія, связь (copula).

Частное въ отношеніи къ общему содержится какъ преходящее, случайное къ постоянному на пр. роза есть растѣніе; здѣсь частное *роза*, а общее *растѣніе*; розы

могутъ измѣняться, преходить, быть случайными, а растѣніе постоянно. Съ другой стороны общее представляется пустымъ, внѣ существеннаго изчезающимъ, а частное кажется существеннымъ. Разумъ во второмъ дѣйствіи, частное подчиняя общему, случайное силится сообщить съ постояннымъ; дѣлая сіе, онъ пополняетъ найденный имъ въ понятіи недостатокъ: общее, какъ внѣ существеннаго изчезающее, спасаетъ на частномъ. Онъ силится все случайное свести на постоянное, все многоразличное привести къ единству; вмѣстѣ не хочетъ удалиться отъ существенности. Въ первомъ дѣйствіи онъ замѣчаетъ сіе удаленіе, во второмъ хочетъ возвратиться къ существености, но не достигаетъ сей цѣли; подчиняя частное общему, онъ не низсходитъ еще до самыхъ предметовъ, до дѣйствительности; въ частномъ не видны еще особыя (individua disparent). И потому дѣлаетъ еще новое усиліе; особое старается соединить съ общимъ посредствомъ частнаго, и ето есть *заключеніе*—третье дѣйствіе разума; его моменты: *общее*, *частное*, *особое*, на прим. разумъ, разсматривая людей, какъ особыя, находитъ во всѣхъ нѣчто общее и ето общее есть человѣкъ, какъ

понятіе, или какъ видъ (species); разсматривая человѣка вообще, находитъ на пр. что онъ смертенъ. Смертность въ семъ случаѣ будетъ высшее понятіе слѣд. общее; человѣкъ будетъ въ отношеніи къ нему частное; сказать: *человѣкъ смертенъ* будетъ сужденіе; но въ понятіи: человѣкъ, не видно особыхъ, человѣкъ какъ видъ (species) не умираетъ; умираютъ люди, какъ особыя (individua), потому разумъ общее старается свести на особое посредствомъ частнаго, или особое подчиняетъ общему посредствомъ частнаго, на пр.

Человѣкъ смертенъ,

Петръ человѣкъ,

Слѣд. Петръ смертенъ.

Ето будетъ заключеніе.

Разборъ сихъ трехъ дѣйствій души, обращенной къ внѣшней сторонѣ природы, есть теорія разума, что обыкновенно называютъ *Логикою*.

Начать съ того, что поражаетъ чувствія, естественно; но не естественно имъ кончить всѣ изслѣдованія. Справедливо, что прежде начинаемъ съ видимаго, начинаемъ узнавать емпирически; но и то неоспоримо, что симъ путемъ не можемъ дойти до цѣли естествопознанія, до сдѣл-

ства, изъ котораго бы можно объяснить видимое.

Разумъ доходитъ до единства, но сіе единство есть *пустота*, въ которой все дѣйствительное (reale) изчезаетъ; изъ единства разумомъ найденнаго нельзя вывести многоразличное, а ето и есть важнѣйшая задача; найти единство, которое должно быть внутреннимъ началомъ каждаго явленія, изъ котораго бы можно объяснить внутреннюю сторону природы, коей внѣшняя служитъ только тѣнію. Такое единство есть *идея;* понятіе объ оной назовемъ условно *мыслію*. — Мысль есть также понятіе, но понятіе ума; понятіе разума говоритъ о формѣ вещи, понятіе ума — о самой сущности. *Мысль* слѣдовательно касательно значенія совершенно противуполагается *понятію*. Понятіе есть общность частныхъ, со внѣшней стороны разсматриваемыхъ; мысль есть сущность оныхъ; понятіе есть формальное единство; ибо основаніемъ имѣетъ видимыя формы, внѣшность вещи; мысль есть существенное единство; ибо основаніемъ имѣетъ сущность вещи: мысль извѣщаетъ о внутренности явленія, понятіе только о поверхности онаго; понятіе составляется; мысль раждается и

развивается: понятіе есть предметъ *Логики*, мысль — *Философіи*; понятіе есть произведеніе разума, души обращенной къ внѣшней сторонѣ природы; мысль есть произведеніе ума, души погруженной внутрь себя; понятіе есть луна отраженнымъ свѣтомъ освѣщающая гемисферу ночи — сторону вещественнаго; мысль есть солнце, озаряющее собственнымъ свѣтомъ, гемисферу дня—сторону идеальнаго. Душа, обращенная къ внѣшней сторонѣ природы, можетъ только обогатиться понятіями, а сіи остаются при однѣхъ только формахъ видимаго. Разумъ во всѣхъ трехъ дѣйствіяхъ своихъ не простирается далѣе понятій, и потому онъ ограниченъ; онъ не можетъ проникать во внутренность явленій природы, имѣя удѣломъ скользить только по поверхностямъ оныхъ.

Внѣшняя сторона природы есть область емпиріи; слѣд. поприще разума; внутренняя есть область умозрѣнія, слѣд. поприще ума; надъ тою мерцаетъ луна-понятіе, надъ сею горитъ солнце-мысль; идущіе по первому находятъ только отраженіе, отпечатки идеальнаго; идущіе по второму созерцаютъ или силятся, по крайней мѣрѣ, созерцать самое отражающее—*идею*.

Начало емпиріи — явленія; умозрѣнія — самопознаніе; ходъ емпиріи — *наведеніе* (inductio), умозрѣнія—*выводъ* (deductio, constructio); емпирія отъ окружности устремляется къ центру на удачу; умозрѣніе отъ центра поступаетъ къ окружности на вѣрное. Емпирикъ весь хаосъ, который ему представляетъ многоразличіе тѣлъ естественныхъ, силится привести въ порядокъ, основываясь на тѣхъ или другихъ признакахъ, нимало не заботясь о томъ, какое понятіе родитъ его система о природѣ; потому емпирическія системы такъ сухи, не занимательны. Для умозрителя признаки тѣлъ суть буквы, коими, идеальное проявляясь въ вещественномъ, даетъ себя разумѣть, равно какъ и каждая мысль, облеченная словомъ въ нашихъ книгахъ; его система тѣлъ естественныхъ есть картина развитія царствъ природы: для емпирика природа — груда матеріи, которую онъ силится разложить и описать; для умозрителя она есть Гіероглифъ, начертанный Высочайшею Премудростію, котораго онъ силится постигнуть значеніе.

Впрочемъ умозрѣніе при всемъ его преимуществѣ предъ емпиріею, безъ сей послѣдней недостаточно. Каждое явленіе, слѣд.

и природа, какъ совокупность явленій, есть соединеніе противуположностей (synthesis oppositorum), — совмѣстность идеальнаго съ вещественнымъ; посему умозрительное познаніе и емпирическое каждое отдѣльно, какъ одностороннее—неполно. Для емпириковъ сіе положеніе не понятно; ибо для нихъ извѣстно только то, что подлежитъ чувствамъ. Умозрители напротивъ убѣждены въ необходимости обоюднаго познанія; и потому нимало не чуждаются емпиріи, какъ древніе метафизики; они также, какъ и емпирики, пользуются сдѣланными доселѣ опытами и наблюденіями и сами занимаются оными; но для нихъ опыты и наблюденія — повѣрка началъ, выведенныхъ изъ самопознанія, а не самыя начала.

Часто можно слышать: мы живемъ въ просвѣщеннѣйшія времена; науки идутъ къ своему совершенству исполинскими шагами; однѣ открытія дѣлаютъ за другими. Мечта! число открытій увеличивается— ни слова, а природа остается по прежнему не рѣшенною задачею; открытіе електричества считается блистательною епохою въ исторіи наукъ; но объяснилась съ симъ хотя нѣсколько природа? Ни мало! Что такое електричество, ета янтарность? Откры-

ніе газовъ преобразовало, говоришь, Химію, но что такое газы? Разложеніе щелочей причисляется также къ важнымъ открытіямъ, но что такое металлическія ихъ основанія? Содержаніе составныхъ частей воздуха опредѣлено въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разныхъ слояхъ атмосферы; но проникнула ли натура воздуха? Милліоны процессовъ совершающихся на земной поверхности измѣняютъ содержаніе составныхъ его частей; почему жъ оно остается всегда одинаковымъ во всѣхъ климатахъ и во всѣ времена года? Замѣчено вліяніе галванизма на магнитную стрѣлку; но объяснилось ли симъ електричество, или галванизмъ?

Чѣмъ болѣе дѣлается открытій; тѣмъ болѣе предстоитъ вопросовъ для рѣшенія; емпирическія открытія неболѣе значатъ, какъ умноженіе числа явленій природы; разумъ чрезъ то обогащается, правда: но въ познаніи природы онъ не поступаетъ далѣе; по прежнему остается въ границахъ случайнаго, по прежнему теряется въ пустотѣ понятій.

Опытъ можетъ доводить до открытій, но до знанія оныхъ никогда. Емпирическія свѣдѣнія никогда не могутъ быть

выше обыкновеннаго разсказа; ихъ совокупность не болѣе значитъ, какъ собраніе матеріаловъ знанія, разбросанныхъ въ безпорядкѣ.

Пусть Емпирики выдумываютъ теоріи, чтобъ устроить сей хаосъ: но ихъ усилія тщетны; они одну ложь замѣняютъ другою: *напр.* предположеніе Флогистона въ горючихъ тѣлахъ составляло въ свое время теорію Химію, и она казалась тогда истиною; открытія Лавуазье показали всю ея ложность; послѣ сего водворилась антифлогистическая теорія, но и она оказалась ложною. Новое открытіе ведетъ къ новой Теоріи, и то, что предъ тѣмъ принимали за истину, выдается за ложъ. Узнавать теоріи Емпириковъ значитъ переходить отъ старой лжи къ новой. Теорія есть представленіе внутренняго хода явленія; слѣд. не дѣло емпирія; внутренняя сторона природы доступна для ума, а не для разума.

Посему ежели теорія въ Естественныхъ Наукахъ необходимы, и ежели для облегченія успѣха въ оныхъ общая теорія, которой бы всѣ прочія служили только отраженіемъ, должна быть цѣлію подвизающихся на поприщѣ Естествопознанія;

по умозрительный способъ наслѣдованія заслуживаетъ бо́льшее вниманіе ученыхъ, нежели сколько обыкновенно удостоевается онаго; мудрая древность не безъ причины въ *самопознаніи* полагала начало *всякаго знанія*.

П. П.

II.

ЕЩЕ ДВА АПОЛОГА.

I.

НОВЫЙ ДЕМОНЪ.

Съ какимъ сумрачнымъ наслажденіемъ читалъ я произведеніе, гдѣ Поетъ Россіи такъ живо олицетворилъ тѣ непоняшныя чувствованія, которыя холодятъ нашу душу посреди восторговъ самыхъ пламенныхъ. Глубоко проникнулъ онъ въ сокровищницу сердца человѣческаго, изъ нее похитилъ тѣни, неприкосновенныя для простолюдина, — которыми облекъ онъ своего таинственнаго *Демона* (*). Но не только *внутри* существуетъ сей злобный Геній, онъ находится и *внѣ* насъ; послѣдній не такъ опасенъ, какъ первый — но не менѣе мучителенъ.

Въ бесѣдѣ *избранныхъ* сидѣлъ Каллидоръ, юноша исполненный огня, вдохновенія. Пламенные глаза его были обращены

(*) См. Стихотвореніе А. Пушкина: Мой Демонъ. Мнем. часть III, стр. 11.

на *возвышенныхъ*; въ ихъ взорахъ, рѣчахъ онъ встрѣчалъ непонятное черни; неземному — земное въ немъ покарялося. Едва разцвѣтавшая жизнь его развивалась въ наслажденіяхъ высокихъ, и созрѣвала вмѣстѣ съ ними.

Проходилъ день за днемъ. Молча, погруженный въ глубокую думу, юноша не оставлялъ своего созерцанія, но болѣе и болѣе къ нему прилѣплялся. Все плѣняло его въ храминѣ *избранной* и тихій свѣтъ, и спокойная твердость *возвышенныхъ*: и прелестныя, хотя недокончанныя украшенія.

Но вдругъ — хлынулъ вѣтеръ, дверь настежъ и человѣкъ пожилыхъ лѣтъ вбѣжалъ въ храмину; онъ былъ затянутъ въ модный фракъ; золотая цѣпочка грѣла у жилета; на заботливо сложенномъ галстукѣ — проницательность считала часы убитаго времени. Лице его было — смѣсь всѣхъ характеровъ; и не отъ сильныхъ чувствованій изрыто морщинами, которыя ему тщетно бѣлилами хотѣлось загладить; безчувственныя глаза — перебѣгали отъ предмета къ предмету; во всѣхъ движеніяхъ его суетливость, вертляность спорила съ какою-то важностію и педан-

нимомъ. — Улыбка его была насмѣшлива; но онъ умѣлъ ее дѣлать необыкновенно привѣтливою; она нравилась, но плачь его не возбудилъ бы сожалѣнія; никто между *избранными* не зналъ незнакомца, хотя онъ имъ былъ извѣстенъ по слуху; не испугались они его, но смутились, какъ будто онъ засталъ ихъ въ какомъ преступленіи.

Незнакомецъ подошелъ къ Каллидору:

„Что ты здѣсь дѣлаешь!“ говорилъ онъ ему „прелестна ета храмина, но посмотри: уже обветшали ея недокончанныя украшенія; всѣ усилія обитающихъ въ ней не могли довести ихъ до совершенства, даже самая храмина не совсѣмъ достроена. Почтенны мужи въ ней сидящіе, но кромѣ ихъ есть люди на свѣтѣ; — я знаю, понимаю тебя; ты хочешь совершенствоваться; въ своей храминѣ ты еще не многое видѣлъ; познакомься съ тѣми, которые живутъ внѣ ея! — Опытность великое дѣло.“

Незнакомецъ пріятно улыбнулся, протянулъ Каллидору руку, юноша по какому-то невольному чувству подалъ ему свою и послѣдовалъ за незнакомцемъ.

Они выходятъ изъ храмины: и яркія краски ослѣпляютъ глаза Каллидора; разнообразные предметы развлекаютъ вниманіе;

(новость покрывала ихъ радужными цвѣтами); безпрерывный — не непріятный шумъ оглушаетъ его. Предъ нимъ воздвигнуты высокія зданія, пышно украшенныя; казалось и малѣйшій недостатокъ въ нихъ не гнѣздился. Каллидоръ изумляется сему совершенству.

Онъ входитъ въ огромныя палаты—его встрѣчаютъ толпы незнакомыхъ, но прелестныхъ существъ — какъ будто носящихъ образъ человѣческій; всѣ онѣ были, по видимому, въ великой дѣятельности, но оставляли свои занятія и подходили къ Каллидорову спутнику: однѣ привѣтствовали его, другія жали руку; всѣ спрашивали его наставленій и съ благоговѣніемъ ему внимали. — Ето еще болѣе увеличило Каллидорово почтеніе къ незнакомцу. Онъ не переставалъ изумляться, забывалъ о своей прежней храминѣ, былъ въ упоеніи — но вдругъ подулъ легкій вѣтеръ — и палаты заколыхались. Ето поразило Каллидора, прервало минутный восторгъ его — онъ всматривается съ большимъ вниманіемъ на существа его окружающія и что же видитъ? не людей, но несмѣтное количество звѣрей, скотовъ, гадовъ разнаго рода.

Онъ проходитъ изъ зданія въ зданіе — и вездѣ видитъ тѣхъ же животныхъ; къ большому прискорбію замѣчаетъ, что вездѣ *пресмыкающіяся* властвовали надъ прочими; что къ нимъ послѣ его спутника, болѣе всего оказывалось уваженія, а что напротивъ ближайшія къ человѣку животныя — оставались безъ вниманія.

„Гдѣ же люди, которыхъ ты обѣщалъ показать мнѣ?“ восклицалъ нетерпѣливый юноша своему спутнику.

Незнакомецъ не отвѣчалъ ему на вопросъ, твердилъ безпрестанно объ опытности и водилъ его изъ зданія въ зданіе.— Бѣдный юноша заблуждался часъ отъ часу болѣе, вспоминалъ о своей храминѣ; но уже не зналъ какъ найти къ ней дорогу—боялся еще болѣе заблудиться и усталый, въ скукѣ, томленіи уже невольно, какъ слѣпецъ слѣдовалъ за своимъ путеводителемъ.

Тщетно юноша хотѣлъ вспомнить о высокихъ помыслахъ, прежде волновавшихъ душу его. Незнакомецъ не давалъ ему ни на минуту задуматься. Когда въ красотахъ Поезіи Каллидоръ стремился найти отраду,—незнакомецъ вертѣлся передъ нимъ на одной ногѣ и гремѣлъ побрекушками; когда онъ прикасался къ мусикійскому орудію,

чтобы въ согласіи звуковъ неопредѣленныхъ — поглотишь разногласный, рѣзкой шумъ его утомлявшій — незнакомецъ на томъ же инструментѣ наигрывалъ модную пляску; когда несчастный даже въ объятіяхъ сна, въ видѣніи представлялъ себѣ прежнюю храмину — незнакомецъ будилъ его холодною, костлявою рукою. — Когда же выведенный изъ терпѣнія, вспыхнувши отъ досады, юноша съ гнѣвомъ взглядывалъ на своего незнакомца: незнакомецъ или отвѣчалъ ему насмѣшкою, или принималъ на себя важный видъ и педантическимъ тономъ толковалъ о своей важности и достоинствахъ.

Между тѣмъ дни проходили за днями. Каллидоръ мало по малу привыкалъ къ своему спутнику; онъ боялся его, онъ нуждался въ немъ, ибо лишь незнакомецъ могъ защитить его отъ звѣрей и гадовъ, ихъ окружавшихъ.

Наконецъ, зданія не колыхались болѣе въ глазахъ Каллидора; къ чрезвычайному его удивленію животныя нечувствительно стали для него облекаться въ одежду человѣческую; наконецъ онѣ въ самомъ дѣлѣ *людьми* ему казались; онъ не понималъ прежняго своего состоянію; лишь изрѣдко

взглядывая въ зеркало — мнилъ видѣть себя въ образѣ тѣхъ животныхъ, которыхъ прежде ужасался, но почиталъ ето мечтою; день отто дня болѣе и болѣе душею привязывался къ своему спутнику; душею вѣрилъ пышнымъ словамъ его и обѣщаніямъ; по его внушенію подружился съ окружающими ихъ существами, вступилъ въ ихъ кругъ дѣятельности; старался всячески подражать имъ: и пресмыкаться предъ пресмыкающимися и порхать съ насѣкомыми; *животныя* не могли нахвалиться Калидоромъ, и лишь *избранные* жалѣли, за чѣмъ онъ познакомился съ *свѣтскою жизнію*.

Госуд. ордена
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

2.

МОЯ УПРАВИТЕЛЬНИЦА.

На сихъ дняхъ посѣтилъ я одного моего пріятеля, котораго знавалъ еще въ молодости; иногда онъ, какъ водится у насъ, подавалъ великія надежды: учился славно, имѣлъ память острую, умъ гибкій; всѣ думали, что онъ будетъ осьмое чудо міра; Журналисты прославили его Геніемъ, добрые читатели имъ повѣрили; слава его обошла всѣ гостиныя и кабинеты; но прошло нѣсколько лѣтъ—о Геніи нѣтъ ни слуха, ни духа, какъ въ воду канулъ. Меня чрезвычайно огорчало его пропаществіе, которому впрочемъ подобныя каждый день у насъ встрѣчаются; мнѣ хотѣлось узнать причину онаго.

Вхожу къ моему пріятелю, и не узнаю ни его самаго, ни его комнаты: пыль покрывала всѣ книги и бумаги его,—на нихъ даже и признака прикосновенія не было; самъ онъ сидѣлъ, или, лучше сказать, лежалъ въ пуховыхъ креслахъ; безпечно курилась

трубки въ устахъ его; ни огня въ глазахъ, ни жизни въ лицѣ; предъ нимъ лежалъ исписанный листокъ бумаги; я развернулъ его и прочелъ слѣдующее:

„Было время, когда добрыя, почтенныя пепушки гладили меня по головкѣ, глубокомысленные дядюшки давали денегъ или лакомство; въ ето счастливое время я почиталъ ихъ существами, подобными человѣку; ихъ занятія казались мнѣ чѣмъ-то важнымъ, возвышеннымъ; ежели и случалось мнѣ заѣвать опъ ихъ разговоровъ, я въ томъ самаго себя обвинялъ.

„Однажды — о счастливое время! когда вышедши изъ Пансіона, я первый разъ въ жизни видѣлъ какъ пепушка моя раскладывала гранъ-пасіансъ, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на нее и мечталъ о той блаженной минутѣ, когда и я буду въ состояніи постигнуть сію высокую тайну; вдругъ пепушкинъ столъ зашатался и изъ подъ него вылезло существо, котораго описать не умѣю; ето меня такъ испугало, что я изъ гостиной опрометью, въ кабинетъ и — спрятался за грудою книгъ. Съ тѣхъ поръ лишь загляну въ гостиную, а непонятное существо уже тамъ, валяется по столамъ, по диванамъ и я снова бѣжать.

„Робость моя не понравилася ни почтеннымъ тетушкамъ, ни глубокомысленнымъ дядюшкамъ; я съ ними разсорился; они, какъ водится, назвали меня безбожникомъ, вольнодумцемъ; я заткнулъ уши и лишь изрѣдка изъ за груды книгъ съ насмѣшкою на нихъ поглядывалъ.

„Но ета насмѣшливость не прошла безъ наказанія. *Кто противъ дяди и невѣжества?* Между грудами книгъ, за которыми я прятался находилися и творенія нѣкоторыхъ нашихъ модныхъ Поетовъ. Что ни разверну — все вижу изображеніе *непонятнаго существа*, котораго я такъ испугался; вездѣ его хвалили, превозносили, утѣшалися имъ, какъ игрушкою; вездѣ явственно изображался отпечатокъ моего пугалища.

„Я сперва удивлялся, потомъ мало по малу пересталъ дивиться, а наконецъ непонятное существо не казалось мнѣ болѣе страшнымъ.

„Однажды, когда я не могъ довольно налюбоваться мною читанными описаніями *златой безпечности*, *милой нѣги* и проч. игралъ въ *cache cache* съ нашими Поетами т. е. отыскивалъ мысли между словами, и не успѣвая въ семъ предпріятіи, восхищался ихъ піитическою хитростію,—дверь

распежь и непонятное существо вва-
лилося въ комнату. Старая моська моя
весьма ему обрадовалась, бросилася, легла,
съ почтеніемъ у ногъ его, распянулась и
заснула; множество книгъ запрыгали на
полкахъ, какъ будто отозвалося въ нихъ
родное чувство; и лишь молодой котенокъ,
съ негодованіемъ выпустилъ когти. Я
устремилъ на чудное существо неподвиж-
ные взоры и сначала мнѣ показалося, что ето
Каллидоровъ спутникъ: вѣчная сонливость
въ глазахъ, изнѣженные, ослабѣвшіе члены,
подтверждали мое мнѣніе; но всматриваюсь,
и что-же? Ето была женщина, одѣтая въ
мужское платье, вѣроятно, для большей
увертливости,—свойство, которое какъ я
послѣ узналъ, по странному противорѣчію,
было отличительнѣйшимъ въ сей Богинѣ;
она не могла нравиться; но небрежно повя-
занный галстукъ, кое-какъ наброшенная
одежда придавали ей какую-то прелесть;
она казалось угадала мысли мои и сказала:
ты почитаешь меня Каллидоровымъ спут-
никомъ — ошибаешься, я его подруга—*Лѣнь*,
Богиня, не одними Русскими Поетами обо-
жаемая. Древніе не хотѣли и знать меня;
они меня приковывали къ стулу, склады-
вали крестъ на крестъ руки и забывали

обо мнѣ;— но теперь благодаря Каллидорову спутнику и модным Поетамъ, я вышла на свѣтъ, брожу всюду, во все мѣшаюсь, заступаю мѣсто Философіи и Поезіи и какъ увѣряютъ многочисленные мои почитатели, даю щастіе истинное, необманчивое; я хочу быть твоею управительницею.

„Тутъ она ко мнѣ начала ласкаться такъ привѣтливо, раскурила мнѣ трубку, постлала пуховую постель, положила меня, окутала къ теплоеодѣяло —— кто устоитъ противъ женщины, и такой услужливой;— я совершенно отдался въ ея волю.

„Весело мнѣ жить съ нею, ни о чемъ не забочусь; но только правду сказать владычествю ея становится иногда несноснымъ.

„Моя управительница безпрестанно старается усыплять меня — ето-бы и туда и сюда; кажется сама спитъ, а между тѣмъ имѣетъ все время проказить: то засыпаетъ пылью книги мои, то растроиваетъ фортопьяны, то ссоритъ съ знакомыми. Хочу узнать о какомъ либо новомъ открытіи — она начинаетъ доказывать, что съ меня довольно и стараго, начинаетъ приводить въ примѣръ своихъ пріятелей, нашихъ сочинителей рукодѣльныхъ Риторикъ — кто устоитъ противъ такого доказа-

тельства? — Едва хочу я приняться за сочиненье, чернилы мои высущены, перья испорчены, — кто виноватъ? — Управительница. — Хочу рано проснуться, она останавливаетъ, или переводитъ назадъ часы, увѣряетъ, что еще рано и между тѣмъ укутываетъ меня одѣяломъ. Придетъ-ли кто смѣяться надъ моею неволею, она за меня отвѣчаетъ, начинаетъ зѣвать и наконецъ прогонитъ насмѣшника. Хочу-ли даже когда подать милостыню, она хватаетъ меня за руку, не выпускаетъ ее, уставитъ на меня сонливые глаза свои и засыпаетъ вмѣстѣ со мною. Словомъ, она совершенно обладаетъ мною, распоряжаетъ всѣмъ домомъ, всѣми дѣлами, все портитъ, не платитъ долговъ, выкидываетъ напрасно изъ кошелька деньги, люди называютъ меня скупымъ и расточительнымъ, неучью и педантомъ, а кто виноватъ? право не я, все управительница. Случается, что я разсерженный, хочу выполкнуть ее за двери, тогда откуда возмется у ней живость и увертливость, она прыгаетъ изъ мѣста въ мѣсто; и искусно подмѣнитъ важную книгу романомъ, и примется очинивать перья и очиниваетъ ихъ такъ долго, долго,—между тѣмъ, начинаетъ жалѣть, что я мараю

себя, потомъ—такъ привѣтливо улыбаться, что я снова невольно приклоню къ ней отяжелѣвшую голову.

„И теперь едва имѣю время написать сіи строки въ ея отсутствіе, — она отправилась въ гости къ знатному барину, которому недавно поручена судьба милліоновъ — — — но я слышу шаги ея, идетъ моя милая мучительница, вырываетъ изъ рукъ перо, нахлучиваетъ на глаза колпакъ, доброй ночи, читатели!“

Одесск.

III.

ЖЕРТВЫ АМУРУ.

Sed fieri sentio.

Catullus.

Вездѣ, всегда твое я вижу торжество,
Утѣхъ и радости коварно божество,
Любовь! Твой жертвенникъ священный,
Всегда богатый, окруженный
Молельщицъ набожной толпой,
Не преклоняется предъ Зевсомъ и судьбой,
Усерднѣй славится земными племенами.
Чело украсивши цвѣтами,
Мы Дію скудную не часто носимъ дань;
Забывъ Ареевъ храмъ, когда забыта брань;
И дикіе цвѣты, и сотъ пчелы янтарный,
Кошница овощей и гроздія румяны:
Вотъ жертвы рѣдкія хранителямъ отъ бѣдъ!
Судьбѣ не жертвуемъ — украдкою беретъ
Она дары себѣ нерѣдко драгоцѣнны.
Напрасно передъ ней мы падаемъ смущенны,
Напрасно милое желаемъ возвратить:
Пусть жертвы силою добытыя, презрѣнны;
Намъ горькихъ слезъ о нихъ во вѣкъ не осушить!

Тебѣ жъ, Амуръ, тебѣ душисты розы,
И первыя любви — священны, сладки слезы
Счастливый юноша отдать спѣшитъ.
Такъ! поступь тихую, и нѣжный цвѣтъ лаинтъ,
И клятвы пламенны, и оми голубые,
И первый поцѣлуй, и въ слѣдъ за нимъ другіе
Кому, какъ не тебѣ Гликерія хранитъ?
Я видѣлъ вздохъ полусокрытый,
Сей Граціямъ завидный вздохъ:
Волнуя грудь земной Хариты
Онъ въ срѣтенье летѣлъ — къ тебѣ,
прекрасный богъ.
Твой факелъ воспламенилъ и Трою и Персиду,
И юность рѣзвая, когда кипитъ въ ней кровь —
Поетъ тебя — поетъ Киприду
Жрецъ давній — предстаю съ мольбой къ Эроту
вновь:
Когда у дѣвы боязливой
Рука моя украдкой торопливой
Волшебный поясъ разрѣшитъ,
И падая покровъ ревнивый,
Лилейну грудь ея счастливцу обна-
житъ:
Тогда, о день стократъ счастливый!
На олтарѣ любви душа моя сгоритъ.

— й. —

IV.

МЫСЛИ.

Справедливо сравниваютъ младенчество съ старостію. Подъ конецъ жизни болѣзни и молитва возвращаютъ многихъ въ царство сердечной чистоты, изъ коего страсти пылкихъ лѣтъ всѣхъ насъ изгоняютъ.

* * *

Лишенный зрѣнія охотно ввѣряется руководству дитяти, въ которомъ не подозрѣваетъ лукавства возмужалаго возраста: такъ точно и слѣпецъ въ нравственномъ отношеніи не найдетъ способнѣе для управленія его стопами, какъ людей младенчествующихъ незлобіемъ сердца.

* * *

Есть вѣрное средство выводить пятна—на совѣсти: благодарныя слезы облагодѣтельствованныхъ.

* * *

Прекрасно простить обиду; еще прекраснѣе принять съ любовію одолженіе отъ оскорбителя.

*

Мстительный оправдываетъ свои возмездія справедливостію; но кто сказалъ ему, что онъ не погрѣшителенъ въ своемъ сужденіи? Онъ человѣкъ — слѣдовательно можетъ обмануться, слѣдовательно не долженъ опираться на свою справедливость въ дѣлахъ, гдѣ отрѣчься отъ своего рѣшенія уже невозможно.

* * *

Человѣкъ, посягающій на дѣйствіе оскорбительное, грубо ошибается, полагая, что дѣлаетъ вредъ одному предмету своей злобы: онъ безвинно огорчаетъ тѣмъ еще многія тысячи добрыхъ людей, которые когда либо узнаютъ о поступкѣ его съ сожалѣніемъ.

* * *

Время убиваетъ тѣхъ, которые думаютъ убивать его.

* * *

Жизнь праздполюбца есть непрерывный сонъ, который чѣмъ долѣе продолжается, тѣмъ тяжелѣе становится.

* * *

Чувства можно утомить, но не насытить.

* * *

Люди столь дорого цѣнятъ хорошее

объ нихъ мнѣніе другихъ, что даже искренно любитъ тѣхъ только, которымъ могутъ его вперить дѣломъ или обманомъ.

* * *

Свобода есть одна изъ тѣхъ идей, которыя не удалось еще осуіцествить человѣческому роду: врядъ ли и удастся когда!

* * *

Государь не долженъ имѣть другихъ друзей, кромѣ друзей отечества.

* * *

Многіе писатели не терпятъ постороннихъ поправокъ въ своихъ сочиненіяхъ. При всѣхъ могущихъ быть въ нихъ недостаткахъ, сія неуступчивость мнѣ кажется тѣмъ естественнѣе, что каждому родителю приятно видѣть въ дѣтяхъ собственныя свои черты, хотя не совсѣмъ правильныя и не весьма красивыя.

* * *

Спора нѣтъ, что риѳма должна повиноваться здравому разсудку; но что для риѳмы многое говорится, о чемъ прежде не приходило въ голову Поету, ето тяжке не подвержено сомнѣнію. Не вѣрьтежъ, милыя женщины, всему тому, что въ стихахъ вамъ напѣваютъ. Чѣмъ прелестнѣе сочинены оми, тѣмъ менѣе принадлежатъ

вамъ: ето достояніе публики, для которой стихотворецъ никогда за грѣхъ не почитаетъ жертвовать истиной.

* * *

Авторъ, который выводитъ на сцену дураковъ, дурачитъ публику, или самаго себя.

* * *

Умъ и память связаны между собою тѣснѣйшимъ союзомъ, и безъ взаимной помощи обойтись не могутъ; не должно однако полагать, чтобъ они составляли одно и то же. Человѣкъ можетъ употреблять ихъ иногда, отдѣляя другъ отъ друга: такъ, на примѣръ, можетъ онъ по памяти читать молитву, а умъ устремлять совсѣмъ къ другому предмету, измѣняя успѣхамъ своимъ.

* * *

Память ослабѣвшая отъ умственныхъ напряженій, отъ продолжительныхъ несчастій или тѣлесныхъ страданій почерпаетъ малую пользу отъ книгъ, не сохраняя болѣе въ своемъ запасѣ ни предметовъ ихъ содержанія, ни существующей между ими связи. Положеніе грустное для человѣка, страстнаго къ познаніямъ, но не совсѣмъ еще лишенное средствъ, распро-

странить ихъ область безъ пособія начитанности. Науки естественныя не въ теоріяхъ, но въ приложеніяхъ своихъ, дѣйствуя на чувства, оставляютъ сильнѣйшія впечатлѣнія, нежели одни размышленія, отъ простаго чтенія происходящія. Но что еще вѣрнѣе можетъ замѣнить книги въ размноженіи понятій, такъ это безспорно путешествія неторопливыя, съ обозрѣніемъ неповерхностнымъ, по мѣстамъ достойнымъ любопытства.

Нечаевъ.

V.

СПУТНИКИ ЖИЗНИ.

Было время, когда у меня гостила Юность и каждый день бывало шумное сборище и Печалей и Радостей: я радовался, печалился — и былъ невеселъ. Вдругъ сказали мнѣ, что Юность разсталасъ со мною навсегда. Я жалѣлъ о вѣтренномъ другѣ. Вѣстникомъ разлуки нашей была Печаль: она очень обласкала меня, но я затворилъ двери предъ угрюмою посѣтительницей, отказался отъ плаксиваго Сожалѣнія — и умѣлъ назвать къ себѣ нѣсколько старинныхъ моихъ Радостей; но, милыя, вѣтреныя богини мимоходомъ только навѣстили мою хату, прежде всего спросили объ Юности — — не знаю: испугало ли ихъ одиночество моего убѣжища или, я не умѣлъ угощать званныхъ гостей, только Радости не остались со мною. Я сѣтовалъ, жалѣлъ и сталъ жалѣть еще болѣе, когда въ слѣдъ за ними, завернула ко мнѣ блѣднолицая Пе-

чалъ и учтиво объяснила, что она идетъ впереди и послѣ Радостей, навѣщаетъ всѣхъ тѣхъ, у кого бываетъ Радость и пѣмъ съ большимъ удовольствіемъ — старыхъ знакомыхъ; что охотно гостила погостишь у меня, желая укрѣпиться въ силахъ и потомъ скорѣе догонять убѣжавшія мои Радости.

Гостья была не по сердцу — она медленно уходила и ко мнѣ явилась новая, небывалая — явилась Грусть и поселилась со мною: она раздѣлила со мною и прогулки, и заботы и бездѣйствіе. Дыханіе Грусти плетворно — съ нею тѣсно въ городѣ, душно на полѣ — грустно вездѣ: вездѣ, гдѣ я хотѣлъ полюбоваться милымъ, порадоваться прекраснымъ, забыться — Грусть становилась предо мною; — она заслоняла ясное солнце, она туманила предо мной природу, она клеветала на людей—усыпляла меня шопотомъ недовѣрчивости, будила говоромъ ожесточенія, и когда Надежда пѣснями хотѣла усыпить настоящее, Грусть шептала мнѣ о прошедшемъ; когда Забвеніе закрывало прошедшее — Грусть раздирала мрачную завѣсу будущаго, и бѣлый свѣтъ мнѣ не взвидѣлся!

Не знайте ее, друзья мои, этой убійственной спутницы нашей: и Печаль убиваетъ, но ударъ ея легче: онъ мгновенный, рѣшительный; Грусть — томитъ и съ горькою улыбкою, по каплѣ вливаетъ ядъ свой въ полную чашу жизни. Грусть суетлива, — знакомыхъ у ней толпа, куда ни явитесь съ ней въ деревни, въ городъ — вездѣ ея служники, въ видѣ тощихъ ученыхъ, вялыхъ пріятелей, навязчивыхъ друзей, безталантныхъ Поэтовъ, крикливыхъ спорщиковъ, жеманныхъ красавицъ. Грусть знакома съ Завистью — и кого познакомитъ она съ этою злодѣйкою, тотъ погибъ навсегда! Меня уволили отъ этой чести — можетъ быть потому, что звонъ золота не оглушалъ меня и смотря на огромныя палаты богачей, я видѣлъ, какъ Грусть дружески пожимала руки швейцаровъ и отдавала визитныя карточки хозяевамъ. Но другая знакомка ея Скука повадилась ко мнѣ и когда подъ разговорами ихъ засыпалъ я, нерадостные, но зловѣщіе сны посѣщали меня. — Есть старикъ, посѣдѣвшій съ юныхъ лѣтъ: онъ опирается на костыль познаній, вѣчно думаетъ о прошедшемъ, не знаетъ будущаго, не понимаетъ настоящаго — его зовутъ Опытомъ.

Онъ любитъ догонять людей и вѣчно оспается на зади, если Юность и воображеніе ведутъ человѣка; онъ вѣчно задумчивъ и угрюмъ, дѣлаетъ добро тихонько, украдкою, хмурится — при улыбкѣ, улыбается со вздохомъ — за то и люди не любятъ его, какъ росповщика, у котораго занимаютъ деньги за большіе проценты. — Но я встрѣтился съ нимъ, когда онъ былъ веселъ, и прежде я видалъ его, но бывшій спутникъ мой Юность, разлучалъ насъ. Юность не любитъ Опыта; говоритъ, что старикъ этотъ скученъ, мраченъ, — Опытъ признавался мнѣ, что они не дружны съ Юностью — „впрочемъ такова моя доля,“ говорилъ онъ со вздохомъ — „ни съ кѣмъ не могу сладить: люблю дѣлать добро и — не умѣю; приду ли совѣтовать — моя угрюмость дѣлаетъ совѣты мои несносными. Прибавь, что я вѣчно опаздываю: часто, спѣшу помогать — и застаю людей на смертной постелѣ — или съ Отчаяніемъ; а это хуже смерти, — отчаяніе закляпой врагъ мой. Признаюсь еще въ слабости: я раздумчивъ, что узналъ вчера, передѣлываю сего дня, и не ручаюсь, что завтра не передѣлаю опять. По сіе время въ 7000 лѣтъ, и открылъ правда

нѣсколько мстишь и успѣлъ увѣрить людей въ ихъ правдѣ, такъ, на примѣръ, что дважды два четыре и .... другихъ теперь не вспомню...." — Видно ихъ много — подумалъ я — но скажи: не знакома ли тебѣ неразлучная спутница моя Грусть. — „Кому жъ незнакома она? Я часто встрѣчаюсь съ нею когда объ руку Скуки, ходитъ она и въ царскихъ чертогахъ и въ ученыхъ кабинетахъ и въ диванныхъ красавицъ." — И такъ она вездѣ, воскликнулъ я — вездѣ и всегда. — „Нѣтъ правила безъ исключенія — еще также одно изъ моихъ открытій: вотъ идетъ врагъ ея и мой другъ, спроси у него — я знаю, что онъ умѣетъ избавляться самъ и избавлять другихъ отъ Грусти и Скуки." Я взглянулъ: мѣрными шагами приближался ко мнѣ юноша — *весь здоровье* — сказалъ бы я, если бы пожелалъ двумя словами выразить видъ его. — Мы пошли вмѣстѣ: его ходьба утомила меня, я устававалъ, но не отставалъ; заманилъ его къ себѣ и при первомъ взглядѣ на юнаго моего спутника Скука, на тотъ разъ бесѣдовавшая съ Грустью, убѣжала не оглядываясь. — „А! это Трудъ," вскричала Грусть; добро пожаловать — „мы

ужившемся.“—Врядъ ли — загрежѣлъ Трудъ— и Грусть затрепетала.

Не много прошло времени — въ самомъ дѣлѣ Грусть ссорилась съ Трудомъ, но не отставала отъ насъ, какъ совсѣмъ неожиданно милый, добрый товарищъ Труда — полнощокое Довольство пришло навѣстить насъ и осталось съ нами: оно поставило цвѣты на окнахъ моей хаты; сбросило съ полки Юнга и Вертера; развеселило меня своими разсказами; — вотъ начали къ намъ собираться друзья его — Грусть безпокоилась и задумывалась.

Тутъ ярко заиграли лучи солнечные, цвѣты показались мнѣ душистѣе, небо лазурнѣе. „Пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу лучшаго друга нашего,“ — сказали мнѣ всѣ мои спутники — всѣ, кромѣ Грусти. — Не помню, куда шли мы, не помню гдѣ мы были, гдѣ очутились — когда я могъ уже чувствовать, могъ понимать себя и мнѣ было хорошо, хорошо какъ на небѣ: рука объ руку шла со мною подруга — не знаю небесная, не знаю земная — „она *твоя* — ты не *одинокъ*!“ говорили мнѣ люди.— Вы ее видѣли, друзья мои! — Но за чѣмъ не могу я перелить въ душу вашу этаго чистаго, неземнаго восторга, когда въ первый разъ

она сказала мнѣ: *люблю тебя!* и хата моя показалась мнѣ храмомъ. Послѣ сказывали, что Зависть, Скука и Грусть набрасывали на дорогу нашу терніи — я не примѣтилъ ихъ: Трудъ и Веселье—другъ, котораго ходили мы встрѣчать, забросали терны цвѣтами.

Грусти слѣдъ простылъ. Я помню ету блаженную минуту, когда я въ первый разъ плакалъ въ объятіяхъ моей подруги и въ ету минуту впорхнула къ намъ легкокрылая Радость — незванная и нежданная; Довольство обнималось съ Весельемъ; въ растворенную дверь заглянулъ сѣдой знакомецъ мой Опытъ. — „Друзья! будущее!“ заворчалъ онъ — но я указалъ ему на мою подругу, на моихъ спутниковъ — и угрюмое лицо его завеселѣло ....

Н. Полевой.

VI.

АМУРЪ ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Подражаніе Гёте).

До зари сидѣлъ я на утесѣ;
На туманъ глядѣлъ я недвижимый;
Простираясь будто холстъ безцвѣтный,
Покрывалъ сѣдой туманъ окрестность.
Вдругъ предсталъ мнѣ незнакомый мальчикъ.
„Что сидишь ты,“ говоритъ онъ, „праздный?
Что глядишь на этотъ холстъ безцвѣтный?
Или ты на вѣкъ утратилъ жажду
Бодрой кистью вызывать картины?“
На него взглянулъ я и помыслилъ:
Нынѣ ужъ учить и дѣти стали!
„Брось тоску,“ вѣщалъ онъ, „лѣнь и скуку!
Или съ ними въ чемъ успѣть мечтаешь?
Посмотри, что здѣсь я нарисую!
Перейми, мой другъ, мои картины!“
Тутъ онъ поднялъ пальчикъ, алый пальчикъ,
Схожій цвѣтомъ съ юной, свѣжей розой;
Имъ онъ водитъ по ковру тумана,
Имъ онъ пишетъ на холстѣ безцвѣтномъ. —
Съ верьху пишетъ ясный образъ солнца
И слѣпитъ мой взоръ его сіяньемъ

И лучи сквозь облака проводитъ
И огнемъ края ихъ обливаетъ.
Онъ рисуетъ зыбкія вершины
Лѣса, напоеннаго росою;
Протянувъ прелестный рядъ пригорковъ,
Не забылъ онъ и воды сребристой;
Въ даль онъ пролилъ свѣтлый ручеечикъ
И казалось, въ немъ сверкали блески,
Въ немъ струи кипѣли, будто жемчугъ!
Вдругъ цвѣточки всюду распустились:
Ими долы, брегъ, холмы пестрѣютъ,
Въ нихъ багрецъ, лазурь и злато блещутъ;
Деринъ подъ ними свѣтитъ изумрудомъ:
Горы блѣдной сѣдиной одѣлись;
Сводъ небесъ подъялся васильковый!
Весь дрожалъ я — и восторга полный,
На творца смотрѣлъ и на картину.
„Не совсѣмъ дурной я живописецъ!“ —
Молвилъ онъ: „признайся, — мой пріятель,
Подожди жъ: конецъ вѣнчаетъ дѣло!“
Вотъ онъ снова нѣжною рученкой
Возлѣ лѣса рисовать принялся;
Губки закусивъ, трудился долго,
Улыбался и чертилъ и думалъ!
Я взглянулъ и что же вдругъ увидѣлъ?
Возлѣ рощи милая пастушка,
Ликъ прелестный, грудь подъ снѣжной дымкой,
Стройный станъ, живыя щечки съ ямкой;
Щечки тѣ подъ прядью темныхъ кудрей,
Отражали сладостный румянецъ,

Отражали пальчикъ живописца!
„Мальчикъ! мальчикъ!“ — я тогда воскликнулъ:
„Такъ писать, скажи мнѣ, — гдѣ учился?“
Восклицанья продолжать сбирался,
Но Зефиръ повѣялъ вдругъ и, тронувъ
Рощу и подернувъ рябью влагу,
Быстрый заклубилъ покровъ пастушки —
И тогда (о, какъ я изумился!)
Вдругъ пастушка поднимаетъ ножку,
Вдругъ пошла и близится къ утесу,
Гдѣ сидѣлъ я и со мной проказникъ!
Что же, тутъ, когда все всколебалось,
Роща и ручей, цвѣты и ножка,
Дымка и покровъ прелестной милой, —
Други, вѣрьте, что и я не пробылъ
На скалѣ одинъ скалой недвижной!

В. Кюхельбекеръ.

VII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ПОЛУДЕННОЙ ФРАНЦІИ.

ПИСЬМО XLIII.

МАРСЕЛЬ.

$\frac{31}{19}$ Января, 1821.

Съ того времени, какъ мы живемъ вдвоемъ, я познакомился гораздо короче съ нашимъ молодымъ художникомъ (*); съ дня на день нахожу въ немъ болѣе и болѣе расположенія ко всему прекрасному и высокому. — Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, оставилъ мнѣ здѣсь свою небольшую библіотеку Нѣмецкихъ Классиковъ: нашъ живописецъ еще очень мало читалъ; стараюсь его нѣсколько познакомить съ отечественною его словесностію. — Иногда вечеромъ мы читаемъ вмѣстѣ или сильнаго,

---

(*) Живописцемъ, котораго А. Л. Нарышкинъ взялъ съ собою изъ Дрездена.

страстнаго Бюргера или божественнаго *мечтателя* — Шиллера или милаго пѣвца Гёльти; нерѣдко книга упадаетъ у меня изъ рукъ и непримѣтно начинается у насъ разговоръ о природѣ, о поэзіи, о сердцѣ человѣческомъ.—Эти вечера, мой Д....., меня всякій разъ переносятъ въ нашъ родимой Лицей, въ нашъ фехтовальный залъ, гдѣ мы съ тобою читали тѣхъ же самихъ поэтовъ и не рѣдко съ непонятнымъ какимъто трепетомъ углублялись въ тѣ же таинства красоты и гармоніи, страстей и страданія, наслажденія и чувствительности! — Можетъ быть, мой другъ, и ты вспомнишь лѣта нашей безпечности и ея радости, когда сообщу тебѣ содержаніе нашего вчерашняго разговора.

Мой юноша признался мнѣ, что нѣкогда при имени поэта представлялъ себѣ полубога безъ слабостей и пороковъ. — Нынѣ, читая ихъ жизнь, онъ видитъ, что по большой части ихъ душа была возмущаема страстями, что они не рѣдко писали иначе, нежели жили: это противорѣчіе его мучитъ; онъ готовъ счесть ихъ лицемѣрами! — Что отвѣчать ему на его сомнѣнія? — Уже ли, кромѣ дарованія, ничто не возвышаетъ великаго пѣвца надъ толпою?

Поэтъ — принимаю это слово въ самомъ высокомъ значеніи — всегда говоритъ то, что чувствуетъ: искренность первое условіе вдохновенія. — И такъ въ то мгновеніе, когда онъ учитъ времена и народы и разгадываетъ тайны Провидѣнія, онъ точно есть полубогъ безъ слабостей, безъ пороковъ, безъ всего земнаго. — Но самая способность къ вдохновеніямъ предполагаетъ пламенную душу, ибо только пламя можетъ воспылать къ небу! Что же есть пища сего пламени? — Великія страсти. — Онѣ молчатъ, они исчезаютъ, когда орелъ летитъ къ солнцу; но потомъ голодъ гонитъ его съ высоты, онъ падетъ на добычу и вонзаетъ въ ея бока когти: уже ли за то вы уподобите орла ворону? — Есть сильныя или холодныя души, которыя могутъ на всю жизнь сковать свои страсти: но они не знаютъ вдохновенія! Курцій былъ пылкій юноша; я увѣренъ, что онъ не чуждался даровъ Венериныхъ и Вакховыхъ! Педантъ въ своемъ кабинетѣ и глупый мѣщанинъ въ харчевнѣ судятъ о великихъ полководцахъ и говорятъ съ видомъ рѣшительнымъ. „Наполеонъ здѣсь сдѣлалъ ошибку непростительную; Суворовъ долженъ былъ предпринять такое-то движеніе; Ку-

тузовъ забылъ то, — опустилъ другое, не успѣлъ совершить третіе!“ потомъ наши мудрецы, торжествуя, смотрятъ кругомъ себя и кажется, ожидаютъ, чтобы всѣ почтенные слушатели закричали въ одинъ голосъ: „о! въ сравненіи съ вами, Милостивые Государи, Наполеонъ и Суворовъ школьники!“ — То же съ поэтами: имъ завидующъ и въ то же время желаютъ показать презрѣніе къ ихъ дарованію. — Но чернь не способна даже къ заблужденіямъ душъ великихъ. — Люди, странныя, непоняшныя созданія! Вы гоните и ненавидите вашихъ благодѣтелей: наслаждайтесь ихъ геніемъ; идите по пути, который вамъ указываютъ и помните, что они живутъ среди пороковъ и развращенія, живутъ между вами, что душа ихъ способнѣе вашей принимать впечатлѣнія и легче увлекается властительной минутою. Почему брызжетъ жаба ядъ на смиреннаго свѣтляка? — Онъ блеститъ, ибо блестѣть и жить для него одно и то же: онъ и не думалъ гордиться передъ нею блескомъ своимъ! И если бы вы знали, враги дарованія, если бы вы знали какою цѣною оно покупается! — Поэтъ нѣкоторымъ образомъ перестаетъ быть человѣ-

комъ: для него уже нѣтъ земнаго счастія. Онъ постигнулъ высшее сладострастіе и наслажденія міра никогда не замѣнятъ ему порывовъ вдохновенія, столь рѣдкихъ и оставляющихъ по себѣ пустоту столь ужасную! онъ блуждаетъ по землѣ, какъ изгнанникъ, ищетъ и никогда не находитъ успокоенія. — Узы семѣйственной жизни для него милы, но тягостны; онъ понимаетъ тихое счастіе, но не способенъ къ нему. — Въ однѣхъ буряхъ, въ борьбѣ съ неумолимою судьбою взоръ его проясняется и грудь дышетъ свободнѣе: — жизнь и движеніе — вотъ его стихія! онъ съ радостію погибнетъ средь общаго разрушенія подъ гуломъ грома и при заревѣ пожаровъ, но не въ сосіоняніи безъ ропота доживать свой вѣкъ среди мѣлкихъ страстей и сплетней, въ толпѣ набожныхъ Ксантиппъ, глупыхъ остряковъ и тѣхъ презрительныхъ юношей, которые, будучи заранѣе посвящены во всѣ таинства притворства и благопристойности, развратны до гнусной отвратительности, но умѣютъ скрыть свое распутство отъ глазъ свѣта и пользуются особенною милостію молодыхъ и старыхъ раздавательницъ добраго имени. Поэтъ предпочитаетъ страданіе вялому, мертвому

спокойствію. — И такъ простите ему, если онъ не всегда Стоикъ, если, желая чѣмъ нибудь наполнить душу, желая дать хотя какой нибудь предметъ своему внутреннему волненію, онъ иногда раздѣляетъ съ вами ваши нечистыя наслажденія и въ своей безпечности забываетъ осторожность, которая прикрываетъ ваши заблужденія непроницаемою завѣсою!

Страстный, пламенный, чувствительный юноша рѣшился быть поэтомъ: удивитесь по крайней мѣрѣ его отважности! — Онъ прочелъ опыты тѣхъ своихъ предшественниковъ, которыхъ смерть скосила не созрѣвшихъ или которымъ страсти, судьба и люди оборвали наконецъ крылія.— Онъ бродилъ между ихъ твореніями; между сими дикими развалинами пышнаго, недостроеннаго храма. Можетъ быть, избытокъ дарованія погубилъ ихъ; можетъ быть, они были бы безсмертны, если бы было слабѣе пламя, пылавшее въ ихъ персяхъ! — Онъ знаетъ все это, знаетъ, что его ожидаютъ труды Алкидовы, клевета, гоненія, бѣдность, презрѣніе, зависть, предательство, ненависть, — ненависть самыхъ друзей его и покровителей, ибо онъ не исполнитъ ихъ требованій и уничто-

жить всѣ расчеты и надежды ихъ! — Умри онъ съ голоду, пожмутъ плечьми и скажутъ: мы это предвидѣли! и пусть благодарятъ ихъ всѣ поэты временъ настоящаго, минувшаго и будущаго, если не прибавятъ: ничто же ему! — Юноша геній знаетъ все это — и рѣшается быть поэтомъ.

Въ обществѣ живописецъ говоритъ: „я живописецъ,“ — купецъ: „я купецъ,“ — и безтолковой баринъ: „я Князь такой-то!“ и притомъ надуваетъ подзобокъ, носъ возноситъ къ небесамъ и не замѣчаетъ смиренныхъ поклоновъ своихъ ласкателей! скажи поэтъ: „я поэтъ“ — и со всѣхъ сторонъ подымется громкій хохотъ. — „Почему?“ спросилъ я однажды двухъ моихъ знакомыхъ; они оба утверждали, что свѣтъ совершенно правъ, но долго не могли доказать, почему онъ правъ. — Бившись съ четверть часа, наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ въ полголоса: c'est comme qui dirait, je suis vertueux!

Мы замолчали.—Не знаю, чувствовалъ ли мой пріятель всю силу, весь вѣсъ своего золотаго изрѣченія!

„Поезія есть добродѣтель!“ говорилъ и Жуковскій; но чернь не правѣ не пой-

рить поэту Жуковскому. — Въ устахъ же человѣка вовсе непоэтическаго это: „comme qui dirait!“ неоцѣненно! — Повторимъ же: поэзія есть добродѣтель и душа вдохновенная сохраняетъ въ самомъ паденіи любовь къ добродѣтели, въ самыхъ порокахъ она ищетъ великаго; — ея заблужденія подобны грозному водопаду, изверженіямъ Везувія и рокоту грома небеснаго: они разрушаютъ, но въ то же время изумляютъ и возбуждаютъ благоговѣніе! — Но не всякій — даже хорошій стихотворецъ можетъ назваться поэтомъ: напротивъ всякій мужъ необыкновенный, съ сильными страстями, пролагающій себѣ *свой собственный* путь въ мірѣ — есть уже поэтъ, если бы онъ и никогда не писывалъ стиховъ и даже не учился грамотѣ. Аттила и Говардъ такіе же поэты какъ Руссо, Жанъ-Поль и Байронъ! Буало великій стихотворецъ, а Гг. Ф. и Ц. врали, не смотря на рифмы и глупость произведеній ихъ. — Вѣрнѣйшій признакъ души поэтической страсть къ высокому и прекрасному: для холоднаго, для вялаго, для сердца испорченнаго, необходимы правила, какъ цѣпь для злой собаки, а хлыстъ для лѣнивой лошади; но поэтъ дѣйствуетъ по вдохновенію и сколь же мало гордится

своею жизнію, какъ своими твореніями, ибо чувствуетъ, что все ему данное есть даръ свыше, а онъ только бренный сосудъ той божественной Силы, которая обновляетъ и возрождаетъ человѣчество!

ВЪѢЗДЪ ВЪ ИТАЛІЮ.

ПИСЬМО L.

НИЦЦА.

20 Февраля, 1821.

Прелестная, благословенная страна Ерская; рай полуденной Франціи! — И я былъ на твоихъ вѣчно зеленыхъ, роскошныхъ горахъ; въ твоихъ благоуханныхъ долинахъ; и я дышалъ твоимъ воздухомъ, разтвореннымъ и въ зиму запахомъ фіялокъ, розъ, цвѣтовъ померанцовыхъ и дикаго левкоя! — Мое воображеніе иногда составляло себѣ на сѣверѣ образъ Эдема: но этотъ образъ ничто въ сравненіи съ садами, рощами, лугами Ерскими. — Друзья!

въ холодной Ингріи вы не можете представить себѣ живой лазури *этаго* неба, неизъяснимо нѣжной, неизъяснимо восхитительной, подобной сладостной синевѣ незабудокъ: одни голубые глаза невинной, 16-ти лѣтней красавицы могутъ превзойти ее своимъ тихимъ пламенемъ, — любовію и томностію, которыми исполнены! — Все здѣсь живетъ, все производитъ, все радуется: самыя разсѣлины скалъ покрыты цвѣтами, самыя стѣны разореннаго монастыря и разрушеннаго Сарацынскаго замка одѣты плющемъ, повеликою, виноградными лозами. — Гдѣ утесы хотя нѣсколько покрыты пескомъ или глиною, вездѣ распустились богатые свѣтлозеленые ковры, на которыхъ отдыхаютъ усталые, но ненасытные взоры. — Миндальныя дерева здѣсь уже отцвѣли и развернули мягкіе листочки (*). Мы взошли на высоту до самаго замка; гора выше всѣхъ окружающихъ: передъ нами вдругъ открылось столь рѣдкое зрѣлище картины ни съ какой стороны неограниченной; во всѣ направленія зрѣніе могло простираться и ему не было предѣ-

---

(*) Миндальное дерево сперва цвѣтетъ, потомъ уже распускается.

ловъ, кромѣ слабости чувствъ человѣческихъ; оно блуждало по хребтамъ и высотамъ холмовъ и горъ, въ сокровенной глубинѣ темныхъ доловъ, по блестящему морю и островамъ Споэхадскимъ, лежавшимъ передъ нами, какъ нѣкогда передъ Моисеемъ земля обѣтованная, по легкимъ, воздушнымъ вершинамъ ближнихъ миндальныхъ лѣсочковъ и въ безднѣ неба, которое здѣсь необъятнѣе, нежели гдѣ нибудь, но въ тоже время неизъяснимо привѣтливо. На сѣверѣ синева эѳира всякій разъ напоминала мнѣ ничтожество всего земнаго и внушала душѣ тоску и желанія; но здѣсь небо и земля одно дивное, прелестное цѣлое; здѣсь не раздѣляешь вселенной, наслаждаешься и чувствуешь тишину совершенную.

Еръ (Hyères) нѣкогда славился апельсинными, померанцовыми, лимонными садами; но въ ужасную зиму съ 1819-го на 1820-ой годъ онѣ всѣ погибли; въ извѣстномъ саду Филя въ одну ночь 18,000 деревъ сдѣлались жертвою стужи. — Старожилы не запомнятъ такихъ морозовъ, ибо за тридцать лѣтъ въ 1789 году они хотя причинили много вреда молодымъ усадьбамъ, но крайней мѣрѣ пощадили всѣ старыя деревья; въ прошломъ

же году все умерло, все было истреблено: и столѣтнія маслины и праотцы Агрумієвъ (*) и огромныя пальмы, краса всей области. — Разсказываютъ что за 111 лѣтъ такая же спужа прошла черезъ земной рай Ерскій и что тогда большая часть жителей принуждены были оставить родину. — И такъ, не смотря на чудную прелесть, въ коей видѣлъ я Еръ и его окрестности, въ мою бытность роскошныя красоты сей сладостной стороны не льзя было и сравнить съ тѣми, которыя здѣсь нѣкогда цвѣли и блестѣли. — Вотъ по чему, можетъ быть, вы съ удовольствіемъ прочтете описаніе здѣшнихъ садовъ, каковы они были во время пребыванія здѣсь госпожи Брунъ (**) навѣстившей Еръ въ Декабрѣ 1806-го года. — Госпожа Брунъ, какъ и мы, остановилась въ гостиницѣ добраго Феликса Сюзанна.

„Передъ нашими окнами," говоритъ она, „простираются по обѣимъ сторонамъ Агруміи густыми садами и рощами. — Они нынѣ представляютъ между блестящихъ листьевъ всю лѣствиницу великолѣпныхъ Гесперидныхъ яблоковъ, начиная

(*) Родовое названіе апельсинныхъ, помераицовыхъ и лимонныхъ деревьевъ.

(**) Извѣстной Нѣмецкой писательницы.

съ зеленѣющаго золота лимона полусозрѣвшаго до яркаго огня апельсиновъ и мрачнаго пламени померанцовъ. — Сіи рощи наконецъ оканчиваются виноградниками, которые въ свою очередь окружаются нѣжновосходящими холмами, покрытыми великолѣпными лѣсами маслинъ; на скатѣ передъ пышнымъ домомъ Филя, невольно подумаешь, что находишься въ краю басень и сказокъ, куда вдругъ ударомъ волшебнаго жезла перенесены дѣти отдаленнѣйшихъ странъ свѣта, и всѣ въ дивномъ согласіи зеленѣютъ, цвѣтутъ, богатятся плодами: Азійскія пальмы и плакучія вѣтлы Вавилонскія, Бананы, пришельцы изъ Америки, Мимозы съ береговъ Сенегала, надъ шумящимъ водоскатомъ Панируъ, оставившій отлогіе луга великаго Нила; на стѣнахъ цѣпѣнѣющій Алоэ и, возвышаясь въ высоты воздушныя, дерева лимонныя и померанцовыя; вокругъ по всѣмъ тропамъ и грядамъ душистыя фіялки, резеда, цвѣтущія мирты и гéліотропіи, перемѣшанные съ растѣніями съ мыса Доброй Надежды странными, образованными, кажется, по прихоти дикой фантазіи: все это соткано — въ одно волшебное цѣлое, и никогда я еще не вспо-

минала такъ живо царство Фей и очарованія!

Мы спустились въ садъ; простираясь въ необъятное насъ принялъ тѣнистый лѣсъ Агрумієвъ: дерева, преклоняя долу вѣтви отягченныя золотымъ бременемъ, не могутъ даже прикрыть листьями изобилія плодовъ своихъ. — Во всѣ направленія дорога пересѣкается длинными аллеями, которыхъ конецъ убѣгалъ бы отъ зрѣнія, если бы не блестѣло даже изъ глубочайшаго отдаленія спѣлое золото. — Апельсинныя деревья можно раздѣлить на бѣлянокъ и смуглянокъ. — Вѣтви и листья первыхъ свѣтлозеленаго яблочнаго, плоды— чистаго палеваго цвѣта; вторыя горятъ мерцающею темною зеленью, а плоды яркимъ желтоватымъ пурпуромъ.“

Я прочелъ это описаніе, когда уже видѣлъ Еръ и насладился его остальными прелестями. Признаюсь, въ противномъ случаѣ, я лишился бы и того, что еще уцѣлѣло.

ПИСЬМО LI.

НИЦЦА.

$\frac{24}{12}$ Февраля.

Проѣздъ нашъ отъ Ера до Ниццы доставилъ мнѣ два дня полной, богатой жизни и воспоминаніе о нихъ одно еще поддерживаетъ меня теперь, когда моя усталая душа ищетъ успокоенія или восторга или боли и находитъ одну тоску и скуку. Человѣкъ странное, непонятное созданіе! Меня не веселитъ роскошная природа Италіи! чувствую, что мнѣ нужна независимость и нужно участіе, чтобы быть счастливымъ. — Но я удержусь отъ ропота и постараюсь оживить себя, говоря съ вами о минутахъ радости. Мы выѣхали 16 числа послѣ обѣда изъ Ера. — Солнце склонялось къ Западу: вокругъ насъ все цвѣло и жило и все раждало во мнѣ мечтанія. — Я мыслями былъ на лѣсистыхъ берегахъ моей родимой Авиноры, — гдѣ я впервыя вздохнулъ для чувства и наслажденія; я былъ дитя и вся душа моя идиллія. — Въ моемъ воображеніи не было опредѣленнаго образа; но то, что въ немъ мелькало и изрѣдка меня тѣшило, меня ис-

полняло тихаго веселія. Когда день началъ погасать, мы выѣхали на большую дорогу и миновали выдающійся хребетъ холмовъ, по которымъ цѣпь деревень и мѣстечекъ простирала въ воздухъ свои башни. Луна взошла и зажглись мои давніе знакомцы привѣтныя, мирныя звѣзды; вечеръ былъ нехолоденъ: едва ли въ Маѣ мѣсяцѣ такіе вечера спускаются на тундры Ижорскія.— На первой станціи разсѣлись мы съ А. Л.....емъ, потому что не было лошадей для всѣхъ насъ. — Черезъ часъ (я между тѣмъ бродилъ по полю съ живописцемъ) — отправились и мы въ дальнѣйшій путь, но снова принуждены были остановиться въ мѣстечкѣ Корнуйль, недоѣзжая Фрежюса и ждать возвращенія почтильоновъ. Мы зашли въ деревенскую бѣдную харчевню, велѣли сварить себѣ кофе и присѣли съ хозяйкою къ смиренному камельку, въ которомъ пылали передъ нами дерево лимонное и померанцовое, мирты и маслины: огонь самый роскошный и поэтическій, но въ то же время терзающій сердце, если подумаешь, что онъ слѣдствіе общаго несчастія! Черезъ полчаса зашли къ намъ молодой человѣкъ и двѣ очень хорошо одѣтыя, престарѣлыя женщины. Мы сочли ихъ съ

начала за проѣзжихъ; но вскорѣ узнали, что это здѣшнія помѣщицы съ племянникомъ. — Хозяйка имъ очень обрадовалась: старушки присѣли къ огню и я вспомнилъ Фенелона, посѣщавшаго подобнымъ образомъ своихъ прихожанъ и подданныхъ. — Наши дамы принадлежали къ старому доброму времени и къ древнему Французскому дворянству: онѣ были ревностныя аристократки и всею душою вѣровали въ величіе Лудовика XIV. — Ихъ разговоры показывали большую начитанность и старинное воспитаніе: обращеніе было чрезвычайно занимательное соединеніе Французской живости, добродушія, простоты временъ патріархальныхъ и Феодальной величавости: племянникъ доброй неиспорченный сынъ природы и страстный обожатель военной славы своего народа. Онъ повелъ меня и живописца въ садъ своихъ родственницъ. — Не люблю деревьевъ испорченныхъ ножницами садовника: здѣсь не было другихъ; кипарисы и мирты, карубенъ и земляничникъ являлись мнѣ въ странныхъ, чудовищныхъ видахъ. — Но весь день проведенный мною былъ необыкновенень; въ теченіи цѣлыхъ сутокъ я казался самому себѣ дѣйствующимъ лицемъ

волшебной сказки или романа: и въ первый разъ въ жизни я съ удовольствіемъ останавливалъ взоръ на дикихъ очеркахъ сихъ воспитанниковъ искусства, освѣщенныхъ очаровательнымъ свѣтомъ мѣсяца и оттѣняемыхъ рѣшеткою. — Невольно забывался я при лепетѣ источника, упадающаго въ каменный водоемъ, обросшій повеликою, нарцисомъ и фіялками.

По утру мы прибыли въ Фрежюсъ и наскоро посмотрѣли здѣшнія примѣчательныя развалины. Фрежюсъ былъ въ Римское владычество важнымъ торговымъ городомъ; здѣсь много слѣдовъ великаго народа: арена, амфитеатръ, капище. — Съ Фрежюса начинается рядъ городовъ и мѣстечекъ прославившихся событіями Наполеоновой жизни. — Въ рыбачей деревушкѣ не подалеко Фрежюса вышелъ онъ на берегъ, возвращаясь изъ Египта и Франція пала къ ногамъ его; изъ той же самой деревушки 1814 года, сверженный съ престола Бурбоновъ и Карла Великаго, онъ отправился въ свое первое заточеніе; потомъ по ту сторону лѣсистаго Эстреля, по высотѣ коего проложилъ въ свое царствованіе славный путь, соединяющій Италію съ Франціею, между городами Канномъ и Ан-

нибами — онъ вдругъ снова явился съ горстью отважныхъ; и съ начала пробирался черезъ темные Эстрельскіе долы, по грознымъ скаламъ и стремнинамъ, по мрачнымъ рощамъ и болотамъ, непроходимымъ для всякаго другаго. — Когда мы спускались съ Эстреля почтильонъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ Буонопартъ перешелъ большую дорогу, чтобы снова спуститься въ пустынную глушь, въ темноту тѣсныхъ ущелинъ и проходовъ: я тогда живо вообразилъ себѣ этаго чуднаго человѣка, который промѣнялъ славу на власть, власть на уединеніе, уединеніе на жизнь разбойника и снова съ дивной быстротой пріобрѣлъ потерянный престолъ и снова съ него палъ въ глухое заточеніе! — Онъ нынѣ еще дышетъ, читаетъ Англійскія вѣдомости, обѣдаетъ и ужинаетъ: но жизнь его уже кончилась; онъ уже умеръ для свѣта.

Лѣсистый, дикій Эстрель напомнилъ душу мою Оссіановскими видѣніями; я много шелъ пѣшкомъ и чувствовалъ себя счастливымъ, когда — видѣлъ себя совершенно однимъ посреди высокихъ деревьевъ, надъ пурпуровою бездною вечерѣющихъ долинъ, подъ небомъ, которое здѣсь напоминало мнѣ наше въ ясный осенній день; чувствовалъ

себя счастливымъ, когда только издалека слышалъ стукъ приближающейся кареты, смотрѣлъ, какъ внизу зажигали пастухи ночные огни и солнце утопало въ раскаленныхъ облакахъ и разсыпало послѣднее золото по высотамъ маслинъ, сосенъ и пиній. Мы прибыли въ Каннъ: луна освѣщала заливъ и городъ; — воды тихо плескали въ берегъ и струились чистымъ жемчугомъ.— Насъ хотѣли удержать, увѣряя, что ворота будутъ уже заперты въ Антибахъ, но, боясь заставить ждать А. Л. мы рѣшились ѣхать, полагая, что онъ ночуетъ въ Антибахъ, рѣшились, пріѣхавъ дождаться въ каретѣ открытія воротъ. Между тѣмъ А. Л. предупредилъ на границѣ караулы; мы объѣхали послѣдній городъ Франціи и насъ пропустили безъ малѣйшей остановки. — Я спалъ и когда проснулся въ Ниццѣ долго не зналъ, гдѣ я; долго еще думалъ, что мы въ Антибахъ или въ какомъ нибудь другомъ пограничномъ мѣстечкѣ Франціи.

ПИСЬМО LII.

НИЦЦА.

8 Марта. / 24 Февраля. 1821.

Мы еще въ Ниццѣ и можетъ быть, пробудемъ здѣсь еще недѣлю: тѣмъ лучше, ибо уже не застанемъ худой погоды въ Парижѣ! — Не могу впрочемъ сказать, чтобы я проводилъ здѣсь время чрезвычайно весело: Ницца городъ небольшой, — театра здѣсь нѣтъ, о галлереяхъ не слыхать; заводить знакомство въ моихъ обстоятельствахъ трудно, да кромѣ того и не съ кѣмъ; одно семѣйство Ж. мнѣ нѣсколько ближе и любезнѣе прочихъ, потому что они Русскіе. Но, не смотря на скуку, которая иногда томитъ меня, я долженъ благодарить небо: здоровіе быстро и видимо ко мнѣ возвращается. — Брожу по горамъ и утесамъ, по лѣсамъ и долинамъ, чтобы подкрѣпить себя еще болѣе. Прекрасная, дикая природа здѣшнихъ окрестностей теперь моя единственная подруга, мой единственный утѣшитель въ минуты тоски, которой я еще нигдѣ такъ живо нечувствовалъ во все наше путеше-

ствіе. Мы съ начала остановились въ городѣ въ гостинницѣ: но теперь живемъ на прекрасной дачѣ Госпожи Сентъ-Агапъ по Туринской дорогѣ. — Отсюда я выхожу каждое утро въ десятомъ, хожу вплоть до четвертаго часа, обѣдаю въ четыре; послѣ обѣда отправляюсь въ городъ пить кофе; играю вечеромъ въ шахматы или перечитываю въ сотый разъ Батюшкова, Пушкина, Дмитріева, Державина и ложусь спать; — чтобы завтра также начать, продолжать и кончить день свой: изрѣдка только единообразный порядокъ моей жизни перерывается приглашеніемъ на вечеръ. Для добраго ходока, каковымъ я теперь снова могу назваться, здѣсь много прекраснаго: гора и замокъ Монт-Альбанъ, съ которыхъ видишь подъ собою справа Ниццу, слѣва Вилла-Франку, длинный мысъ съ маякомъ, прекрасный заливъ между мысомъ и Вилла-Франкою; впереди море—безпредѣльное къ Востоку, ограниченное къ Западу прелестными Антибскими берегами и синѣющимъ въ дали хребтомъ Эстрельскимъ; позади, лѣса маслинъ почти до высоты сумрачнаго Винегрье — вотъ зрѣлище, коимъ наслаждался я нѣсколько разъ въ первые дни нашей бытности въ

окрестностяхъ Ниццы!—Оба города Ницца и Вилла-Франка прижимаются такъ сказать къ утесамъ, у подножія коихъ построены; ихъ пристани уютны и неприступны для бурь и порывовъ вѣтра; — башни весело возвышаются въ голубой воздухъ; строенія осѣнены роскошными садами агруміевъ, рощами смоковницъ, маслинъ, плакучихъ вѣтелъ и деревъ миндальныхъ. — Изрѣдка только встрѣчаешь здѣсь голой камень; одряхшія стѣны всегда покрыты плющемъ, скалы обросли тьміономъ, дикими анемонами, лиліями, гіяцинтами; изъ разсѣлинъ выростаютъ алоэ и кактусъ. — Видъ съ гордаго Винегрье, у подножія коего самый Монт-Альбанъ превращается въ пригорокъ, почти тотъ же, но огромнѣе и величественнѣе: съ него, въ ясный день по утру видна Корсика, а къ Сѣверу являются изъ-за голой двуглавой Фондской громады снѣжныя верьхи Альпъ Савойскихъ. — Я былъ на самой высотѣ Винегрье и не жалѣю своихъ усилій: хотя дорога трудна; однако же легче и несравненно пріятнѣе, нежели на нагіе Тулонскіе утесы. — Но намъ не нужно даже и выходить изъ комнаты, чтобы наслаждаться прекрасными видами: передъ на-

шими окнами вдоль Пальона или Паглiона, который теперь почти вовсе безъ воды, но дикъ, широкъ и стремителенъ во время оттепели на снѣжныхъ высотахъ Альпійскихъ, — вдоль Пальона тянется цѣпь лѣсистыхъ холмовъ до самаго подножія горы Фондской: эти холмы усѣяны бѣлыми, чистыми, красивыми загородными домиками; посреди возвышается монастырь Сенъ-Симье, обитель Капуцыновъ ордена Св. Доминика и нѣсколько по ниже другой большой, но запустѣлый монастырь Сен-Понсъ, — построенный, какъ говоритъ преданіе, Карломъ Великимъ для его племянника: возлѣ новаго великолѣпнаго строенія видны еще развалины стараго. — Вокругъ Сенъ-Симье также разбросаны обломки; но они принадлежатъ другому времени и несравненно древнѣе: примѣчательнѣйшіе — остатки амфитеатра сооруженнаго, быть можетъ, еще въ то время, когда въ Никеѣ, Массилійскомъ поселеніи раздавались звуки языка Греческаго: нынѣ жители воспользовались однимъ изъ сводовъ и превратили его въ ворота: лошади и мулы спокойно проходятъ подъ сводомъ, который нѣкогда поддерживалъ зданіе посвященное играмъ и праздествамъ въ

честь Геркулесу Менекескому. — Изъ саду монастыря съ одной стороны видишь далекія бѣлыя горы спокойныя, безмолвныя; съ другой прекрасный городъ, кипящій жизнію; его веселый дымъ и высокія башни, ущесъ, раздѣляющій Ниццу на двѣ половины, увѣнчатый крѣпостью, которую я готовъ назвать Кремлемъ или Капитоліемъ Никейскимъ, — море открытое отовсюду, придающее всему высокую прелесть; далѣе — большую Туринскую дорогу, дачи, густыя, кудрявыя рощи маслинъ. Безпрерывный ропотъ Пальона доходитъ сюда, какъ будто гулъ страстей и бѣдствій человѣческихъ и, подобно ему, погружаетъ въ унынiе.

Я здѣсь былъ въ два часа по полудни. Братья мелькали между деревъ въ бурыхъ рясахъ; нѣкоторые привязывали виноградныя лозы къ смоковницамъ; другіе возделывали землю: я вспомнилъ отшельниковъ первоначальныхъ временъ Христіянства. — На холмѣ нѣсколько выше прочаго сада — роща кипарисовъ темная, уединенная, насажденная для тихаго размышленія. „Сюда!“ подумалъ я — „сюда отъ суетъ, шуму, отъ людей и пороковъ!“ Но я спустился въ садъ, я взглянулъ на монаховъ....

Мнѣ стало душно въ этихъ стѣнахъ и я изъ нихъ почти выбѣжалъ: казалось, минута замедленія лишитъ меня свободы, лишитъ возможности возвратиться въ свѣтъ, гдѣ могу и долженъ думать, трудиться, страдать, бороться съ жизнію. — Не знаю, каковы монахи прочихъ монастырей Римской церкви; а братья обители Сенъ-Симье не надѣлены духомъ терпимости; я, было, хотѣлъ отстоять у нихъ вечерню: но они, узнавши, что я не Католикъ не допустили меня.

В. Кюхельбекеръ.

VIII.

ГИМНЪ БАККХУСУ.

(*Изъ Гомера*).

Славлю дитя знаменитой Семелы, Царя Діониса!
Юноша Богъ Діонисъ, на берегѣ моря явившись,
Тихій стоялъ на приводномъ холмѣ, одинокопустынномъ,
Молодъ, прелестенъ; роскошно волною до плечъ упадали
Черные кудри; лежала на сильныхъ плечахъ багряница!
Быстро тогда, тѣснясь съ красносоруженнаго судна,
Ринулись въ темныя волны стремглавъ Тирсенскіе мужи:
Злая судьба ихъ вела! увидѣли юношу мужи,
Подали знакъ и, море прошедъ, его изловили!
Съ радостнымъ сердцемъ потомъ, возвратясь на высокое судно,
Думали: „сына могущихъ Царей полонить мы успѣли!“
Тутъ на него возложить хотѣли тяжелыя узы,
Но никакія связать не могли его узы и верьви
Льняныя съ рукъ и съ ногъ упадали; съ безмолвной усмѣшкой

Богъ черноокій сидѣлъ, Діонисосъ. Тогда челно-
водецъ
Вдругъ задрожалъ и простеръ окрыленное слово
къ дружинѣ:
„О злополучные! кшо изъ безсмертныхъ вами
поманъ?
Грознаго чолнъ не снесетъ! То страшный Кро-
нидъ, всемогущій
Юпитеръ; Фебъ-Аполлонъ, носитель звонкаго лука,
Или Нептунъ! не слабымъ онъ смертнымъ подо-
бенъ, подобенъ
Жителямъ неба: скорѣй отдайте опять его сушѣ!
Рукъ на него не дерзните поднять, да враждеб-
наго вѣтра,
Бури неистовой вамъ не пошлетъ, вашъ гнѣвный
каратель!“ —
Но ненавистно ему отвѣчалъ пловцевъ повелитель:
„Робкій! не зришь ли по путнаго вѣтра? предай
ему парусъ!
Одаль, вѣщунъ, за руль усадись! о плѣнномъ же
будутъ
Мужи радѣть: мы въ Египетъ и въ Кипръ, я
твердо увѣренъ,
Къ Ипербореямъ его повеземъ и далѣ! но нынѣ
Пусть назоветъ имена своихъ и друзей и сокров-
ныхъ,
Скажетъ богатства свои; намъ добрый даритъ
его Демонъ!“
Такъ говоря, онъ щеглу поднялъ и парусъ раз-
вѣялъ —

Вѣтромъ исполненный парусъ надулся: готовы
къ отплытью
Были пловцы; но вдругъ они видятъ нежданное
чудо!
Палуба вся зажурчала виномъ: нектарная влага,
Свѣтлой рѣкой проліясь, вознесла къ небесамъ
ароматный,
Сладостный паръ: и трепетъ нашелъ на мужей
изумленныхъ!
Вдругъ поднялось виноградное дрво; и гибкія лозы
Вдоль по снастямъ попозли, богатые гроздіе свисли;
Щегли плющемъ обвились, зардѣлись вкусныя ки-
сти,
Вспыхнули всюду цвѣты и весла и носъ увѣнчали!
Видѣли чудо пловцы и, моля, къ челноводцу, взы-
вали:
„Къ берегу правь!“ — Но въ ревущаго льва пре-
вращенный,
Вдругъ съ высоты корабля погналъ ихъ неисто-
вый Бакхосъ;
Тамъ же внупри косматый медвѣдь, сотворен-
ный незапно
Ужасомъ смерти, ярясь, ужасалъ и скакалъ и
метался: —
Левъ же огненнымъ взоромъ глядѣлъ и пловцы
укрывались!
Къ кормчему всѣ притекли, мудреца Медеида об-
стали,
Страха полны, и вдругъ Бассарей, устремившись,
съ разбѣга

Выхватилъ въ сонмѣ вождя. Повелителя гибель
узрѣвши,
Бросились въ море они, но тщетно хотятъ устраниться
Рока, несущаго казнь: всѣ мужи Дельфинами
всплыли!
Но милосердъ и благостенъ къ кормчему былъ
Діонисосъ,
Онъ осчастливилъ его и къ нему обратилъ свое
слово:
„Радостенъ будь, въ душѣ на меня уповай, чел-
новодецъ!
Я Діонисосъ, я шумно-веселый!— Семела младенца
Кадмова дочь родила отъ ложа всесильнаго Зевса!“
О черноокій, о сынъ Кадмеиды, — хвала! и пре-
лестныхъ
Пѣсней никто не поетъ, забывая тебя, Діонисосъ!

В. Кюхельбекеръ.

Царское Село
1817.

IX.

ОЛИМПІИСКІЯ ИГРЫ.

Одинъ я наконецъ на камнѣ одинокомъ!
Какой прелестный, дивный видъ!
Тамъ подъ утесомъ Куръ шумитъ;
И виноградники хватаю жаднымъ окомъ;
Внизу кипящій городъ зрю:
То въ даль меня манитъ огромный верьхъ Казбека,
Ввѣкъ неуниженный ногою человѣка;
То въ древній Персеполь парю!
Но что — какой восторгъ меня объемлетъ?
Что такъ меня тѣснитъ и мой волнуетъ духъ?
Мой изумленный слухъ
Не лету Ангела ли внемлетъ?
И хладъ меня и трепетъ обуялъ;
Въ очахъ моихъ мечты и призраки мелькаютъ —
Явясь вдругъ, вдругъ исчезаютъ:
Мой волосъ на главѣ возсталъ!

* * *

Знакомецъ мощный и прекрасный,
Въ святомъ неистовствѣ ужасный —

Ты въ душу мнѣ вливаешь страхъ!
Куда съ земли ты восхищаешь
Меня на огненныхъ крылахъ?
На свѣтозарныхъ облакахъ
Куда съ собою увлекаешь?
На царскихъ не вели пирахъ
Мнѣ славить гибель и сраженья:
Потухнетъ пламень вдохновенья
Въ ихъ ослѣпительныхъ лучахъ,
Въ златыхъ цѣпяхъ порабощенья!

* * *

Онъ моей мольбы не слышитъ!
Въ даль и въ даль меня влечетъ!
Мнѣ Зефиръ на встрѣчу дышитъ;
Въ свѣтлый край меня несетъ
Бурный пламенный полетъ!

* * *

Мнѣ знакомы эти воды!
Милъ мнѣ этотъ небосклонъ!
Здѣсь цвѣли сыны свободы:
О Пермессъ! о Геликонъ!
О священная Эллада!
Узнаю твой храмъ, Паллада!
Вотъ народъ твой, Аполлонъ!

* * *

И се — я съ высоты Олимпа небу смѣжной
Гляжу на Океанъ спокойный и безбрежной —

И вижу Пизу (*) подъ собой!
Воскресли предо мной младаго міра вѣки:
Бѣгутъ боговъ любимцы, Греки
На славный, всенародный бой! —

* * *

О! дайте мнѣ златую лиру,
Набросьте на меня порфиру;
Взложите на главу вѣковъ!
Совмѣстникъ дерзостный Пиндара,
Я полонъ радости и жара:
Во мнѣ пылающій, змiегубитель Богъ!

* * *

Сраженье зрю пѣвцевъ; пеанамъ ихъ внимаю!
Надъ сердцемъ согражданъ ихъ властвуютъ уста:
Завидна ихъ и сладостна мѣта!
Такъ! соревнуя имъ, я слезы проливаю!
Паритъ надъ поприщемъ восторженный мой духъ:
Свирѣли сладкій гласъ мой восхищаетъ слухъ;
Мнѣ въ перси льется нѣга....
Вдругъ пыль взвилась отъ радостнаго бѣга:
Тоноча землю, юноши текутъ;
На пламенныхъ коняхъ другіе славы ищутъ;
Изъ рукъ иныхъ стрѣла и дискъ и дротикъ свищутъ.
Младымъ соперникамъ съ престоловъ раздаютъ

(*) Пиза или Олимпія въ Элидѣ.

Сѣдые старцы безпристрастный судъ!
Но что — какое новое сраженье?
Я чувства всѣ, всю жизнь въ одно вмѣщаю зрѣнье!

* * *

Борцы побораютъ борцевъ!
Толпа на нихъ смотритъ друзей и отцевъ:
Ихъ руки и ноги сплелись,
Ихъ мышцы и груди срослись,
И длится ихъ бой роковой!
Но вдругъ молодой и прекрасной герой,
Прелестнаго Родоса счастливый житель,
Повергнулъ соперника — всѣхъ побѣдитель!
Рыдаетъ его престарѣлый родитель,
Боецъ знаменитый, сѣдой Діагоръ;
Ожившаго старца сіяющій взоръ
Не хочетъ съ любимцемъ разстаться!
Кто можетъ въ сей мигъ изъ Пелажскихъ сыновъ,
Изъ внуковъ Тантала и внуковъ Боговъ
Въ блаженствѣ съ одряхшимъ героемъ равняться?

* * *

Едва лишь сіяніе новой денницы
Края золотитъ облаковъ:
Бой новый для смѣлыхъ готовъ!
Какъ вихорь летятъ колесницы;
До тучъ поднимается прахъ:
Но вотъ на Родосскихъ, на бѣлыхъ коняхъ

*

Второй Діагоридъ! онъ всѣхъ упреждаетъ;
Онъ пальму у цѣли срываетъ!

* * *

Живаго благочестья полны
Народа потекли безчисленныя волны
Въ священный, благодатный лѣсъ;
Тамъ самъ присутствуетъ Зевесъ,
Тамъ пламень жертвъ предъ нимъ и день и ночь пылаетъ!
На свѣтлыхъ юношей его мастистый жрецъ
Вѣнецъ безсмертный возлагаетъ.
Минувшихъ дней прославленный боецъ,
Въ небесномъ Діагоръ въ восторгѣ утопаетъ:
Въ сынахъ былая жизнь предъ старцемъ воскресаетъ!
Но вдругъ — они берутъ съ главы своей вѣнецъ,
Увѣнчанъ *ихъ* вѣнцемъ, руками *ихъ* отецъ;
Они родителя предъ хоромъ воздвигаютъ
И плещетъ и рыдаетъ хоръ:
„Умри, блаженный Діагоръ!
„Тебѣ здѣсь нѣтъ уже желанья;
„Всѣ лучшія твои свершились упованья;
„Умри, блаженный Діагоръ!“
И се среди торжествъ и воплей восклицанья
Онъ радостный смѣжилъ въ объятьяхъ милыхъ взоръ!

* * *

Сіяй прелестное видѣнье
Изъ тьмы промчавшихся вѣковъ!

Тебя постигло вдохновенье,
Но не возвысишь даръ стиховъ!
Священна та страна, гдѣ ты могло явиться!
Тамъ цѣлый былъ народъ поэтъ;
Но нынѣ наша жизнь безъ радостей влачится
И состарѣлъ нашъ свѣтъ!

В. Кюхельбекеръ.

Тифлисъ
1822.

X.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной,
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ! —
Моей души предѣлъ желанный,
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ! —
Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И тишину въ вечерній часъ
И своенравные порывы! —
Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей;
Но ты взыгралъ неодолимый,
И тонетъ стая кораблей —
Не удалось на вѣкъ оставить

Мнѣ скучный неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій набѣгъ!
Ты ждалъ, ты звалъ: я былъ окованъ!
Вотще рвалась душа моя;
Могущей страстью очарованъ,
У береговъ остался я!
О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ,
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ,
Мою бы душу поразилъ, —
Одна скала, гробница славы!
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы,
Тамъ угасалъ Наполеонъ! —
Тамъ онъ почилъ среди мученій!....
И въ слѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ! (*)
Исчезъ оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ —
Реви, волнуйся непогодой,
Онъ былъ, о море! твой пѣвецъ;
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты ничѣмъ неукротимъ! —

(*) Байронъ.

Міръ опустѣлъ . . . . . (*)

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго помнить буду
Твой шумъ въ вечерніе часы!
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы
И блескъ и тѣнь и говоръ волнъ!

А. Пушкинъ.

(*) Въ семъ мѣстѣ Авторъ поставилъ три съ половиною строки точекъ. Издателямъ сіе Стихотвореніе доставлено Кн. П. А. Вяземскимъ въ подлинникѣ и здѣсь отпечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ подъ пера самаго Пушкина. Нѣкоторые списки онаго, ходящіе по городу искажены нелѣпыми прибавленіями.

Изд.

XI.

ТИМОНЪ или МИЗАНТРОПЪ.

(*Изъ Лукіана — съ Греческаго*).

Тимонъ.

О Зевсъ *дружелюбный*, *гостепріимный*, *миролюбный*, *домовладыка*, *молніеносный*, *клятводержитель*, *дождеродный*, *браневластительный* (1), ты, носящій безчисленныя имена, особливо когда у безумныхъ Поэтовъ не достаетъ мѣры, ты, подкрѣпляющій паденіе стиховъ ихъ, ты хранящій въ нихъ звучное согласіе — гдѣ нынѣ твой *всегремящій перунъ*, *далекогласный громъ и пламенная*, *блестящая и ужасная молнія*? Все ето однѣ пѣсни, одинъ лишь дымъ піитической, одно шумное пустословіе; прославленное, дальнометное, дѣятельное

(1) Здѣсь Луціанъ съ умысломъ собралъ всѣ Епитеты, которыми древніе Поэты величали Зевса.

твое оружіе, не знаю, какимъ образомъ совершенно простыло; оно холодно, ни искры гнѣва не сохраняетъ противу преступниковъ. Скорѣе желающій нарушить кляпву устрашится вчера горѣвшей свѣтильны, нежели пламени твоего всесокрушительнаго перуна. Ему кажется, что ты простираешь простую лучину, огонь и дымъ которой не страшны для него; онъ думаетъ только, что отъ удара ею нанесеннаго, лишь замарается копотью; даже Салмоней (2) дерзаетъ тебѣ противугремѣть, презирая хладный гнѣвъ Юпитера — Салмоней дерзновенный и тщеславный! Ужъ не отъ мандрагоры ли (3) заснулъ ты и не слышишь клятвопреступниковъ, не видишь неправыхъ? Ты ослѣпъ для настоящаго; ты оглохъ отъ старости. Но когда былъ еще молодъ, живой духомъ, быстрый

---

(2) Салмоней — извѣстный Царь Елидскій, сынъ Еола, разъѣзжалъ по мѣдному мосту въ колесницѣ, бросая искуственные огни съ намѣреніемъ получить божескія почести; но подражаніе его кончилось неудачею — онъ пораженъ былъ молніей.

(3) Мандрагора — усыпительное растѣніе.

во гнѣвѣ, многое совершалъ ты противу злочестивыхъ; никогда не провожалъ времени въ праздности, но всегда дѣйствовали перуны, потрясался щитъ, гремѣлъ громъ и непрестанная пробѣгала молнія, какъ будто на полѣ сраженья. Земля тряслась, какъ мука на рѣшетѣ; снѣгъ валилъ кучами; градъ — камнями; наконецъ, чтобъ все высказать на зло тебѣ, дожди хлынули, каждая капля — рѣка — разверзлись источники и такой въ одну минуту разлился при Девкаліонѣ потопъ, что едва одинъ малый ковчегъ могъ пристать къ горѣ Ликоріи, сохранивъ жизнь скудному сѣмени смертныхъ для рожденія великаго зла. Должныя награды ты получаешь отъ нихъ за свое нерадѣніе: никто тебѣ не приноситъ ни жертвъ, ни вѣнцовъ, развѣ на играхъ Олимпійскихъ, и то, не считая необходимостью, но сохраняя древній обычай. Мало по малу, о славнѣйшій изъ Боговъ! они, отставивъ тебя за старостію, откажутъ тебѣ въ почестяхъ: не хочу упоминать, сколько разъ они грабили твои храмы; и на тебя даже наложили руки въ Олимпіи. И ты — гремящій съ высоты, ты не дерзнулъ или послать противу нихъ

псовъ, (4) или созвать сосѣдей, дабы они, спекшись на помощь, схватили мхъ, еще готовящихся къ бѣгству. Но ты, о мужественный сокрушитель Гигантовъ, бичь Гигановъ, ты сидѣлъ, тогда какъ они брили тебѣ волосы, (5) сидѣлъ, держа въ десницѣ десятилактевый перунъ! Когдажъ, о чудотворный! кончится сіе небреженіе? Когда накажешь таковое нечестіе? Сколько надо Фаетоновъ или Девкаліоновъ, дабы унять буйную дерзость смертныхъ? — Но что мнѣ до другихъ! скажу тебѣ о самомъ себѣ. — Я, возведшій на высоту величія столь многихъ Аѳинянъ, бѣдныхъ содѣлавшій богатыми, не щадившій злата для блага друзей, я когда обѣднялъ, не только они не узнаютъ меня, не только на меня не смотрятъ—они, которые доселѣ съ трепетомъ обожали меня, покорные одному знаку; но если случится мнѣ на

---

(4) Собаки почитались у древнихъ вѣрнѣйшими стражами храмовъ.

(5) Лукіанъ здѣсь упоминаетъ о какомъ нибудь похищеніи въ храмѣ Юпитера Олимпійскаго. На статуяхъ Боговъ волосы обыкновенно были золотые и потому не мудрено, что привлекли хищниковъ.

пути встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, они проходятъ мимо меня, какъ будто мимо гробовой упадшей колонны давнишняго покойника, разрушенной временемъ— проходятъ, и не узнаютъ. Да еще издали завидя, сворачиваютъ въ сторону, избѣгая меня, какъ зловѣщей и ужасной встрѣчи— меня, давно ли бывшаго ихъ спасителемъ и благодѣтелемъ? Сими-то несчастіями приведенный въ пустыню, накинувъ рубище, взрываю землю за четыре овола, разсуждая въ уединеніи надъ заступомъ. Одно мнѣ здѣсь утѣшеніе; здѣсь я не вижу толпы, безъ заслугъ богатѣющей — что всего для меня ужаснѣе. Когда же, сынъ Крона и Реи, когда, спряхнувши тяжелый сонъ (ибо ты спишь долѣе Епименида) (6), и снова низвергнувъ перуны, или бросивъ огнь изъ Етны, обымешь все великимъ пожаромъ и явишь гнѣвъ Дія грознаго, мужественнаго, если правду говорятъ Критяне о тебѣ и о твоей гробницѣ? (7).

(6) Епименидъ — извѣстный Критянинъ, который, по преданію, спалъ сорокъ лѣтъ.

(7) Критяне говорили, что Юпитеръ похороненъ близъ города Гноза.

ЗЕВСЪ и МЕРКУРІЙ.

Зевсъ.

Кто ето, Меркурій, кричитъ такъ сильно изъ Аттики у подножія горы Гиметтша? Весь вымаранъ, изсохъ, въ рубищѣ, и кажется, наклонившись, роетъ землю — человѣкъ болтливый и дерзкій. Вѣрно онъ философъ, кто бы иначе осмѣлился такъ грубо говорить съ нами?

Меркурій.

Что говоришь, родитель? Уже ли не узналъ Тимона, сына Ехекратова, Колитейскаго? Ето тотъ, который такъ часто угощалъ насъ изобильными жертвами, недавно былъ богатъ, совершалъ всѣ гекатомбы, у котораго мы привыкли великолѣпно праздновать торжества твои.

Зевсъ.

О судьба, судьба превратная! — Такъ ето тотъ достойный богачъ, который такъ часто бывалъ окруженъ многочисленными друзьями! Чѣмъ онъ страдаетъ? Изсохъ бѣдный, копаетъ землю, какъ наемникъ и тяжелый заступъ ворочаетъ.

Меркурій.

Сказать просто, такъ честность, человѣколюбіе и состраданіе ко всѣмъ бѣднымъ его погубили, а говорить правду, то безуміе, оплошность и неразборчивость въ друзьяхъ. Онъ не видалъ, что благотворить волкамъ и коршунамъ; но несчастный! тогда какъ многіе враны терзали его сердце, онъ почиталъ ихъ друзьями, товарищами, думалъ, что они изъ любви же къ нему наслаждаются пищею; а они, обнаживъ до чиста его кости, оглодавъ ихъ и послѣдній мозгъ старательно изъ нихъ высосавъ, отлетѣли, оставили его изсохшаго, обрѣзаннаго съ ногъ до головы, не узнавая, не глядя на него (да и къ чему?) — не говоря уже о помощи, о благодарности. Вотъ почему онъ сталъ пахаремъ, надѣлъ, какъ видишь, рубище и оставивъ отъ стыда городъ, за малую плату копаетъ землю, обезумѣвъ отъ несчастій, тогда какъ имъ обогащенные съ презрѣніемъ мимо его проходятъ, не зная даже, что и зовутъ его Тимономъ.

Зевсъ.

Ежели человѣкъ не долженъ быть презрѣнъ; въ такихъ страданіяхъ онъ справедливо ропщетъ: ибо мы поступили съ

нимъ, подобно симъ нечестивымъ льстецамъ, забывъ человѣка, который тысячи самыхъ тучныхъ воловъ и козловъ сожигалъ на олтаряхъ нашихъ — еще теперь я обоняю ихъ запахъ. Впрочемъ и нѣкогда было, здѣсь усмирялъ я мятежниковъ, клятвопреступниковъ, грабителей; тамъ спрашился святотатцевъ, которыхъ такъ много стало, что не возможно и устеречь!—ни на минуту не даютъ глазъ сомкнуть; за всѣми етѝми недосугами я давно уже не смотрѣлъ на Аттику, а особливо, какъ Философія и словопрѣнія тамъ воцарились. Въ етихъ битвахъ, въ етомъ крикѣ, невозможно внимать моленіямъ. Должно или, заткнувъ уши, сидѣть праздно, или терзаться скукою, слушая, какъ они велегласно проповѣдуютъ о какой-то добродѣтели, о существахъ безтѣлесныхъ и другихъ пустякахъ. Вотъ почему и забылъ я сего благочестиваго мужа. Меркурій! Сей часъ же возьми Плутуса и отведи его скорѣе къ Тимону. Плутусъ да возьметъ съ собою Сокровище, да останутся они оба у Тимона и да не скоро оставятъ его, даже когда онъ по своей добродѣтели будетъ выгонять ихъ изъ дома. Что̀жъ касается до льстецовъ, до ихъ неблагодарности, ко-

шорую они передъ нимъ обнаружили, я тотчасъ займусь етимъ дѣломъ; они примутъ наказаніе, дай только изготовить перуны. Нынѣ утромъ сокрушились у меня два самые лучшіе; я хотѣлъ поразить сильнѣе мудреца Анаксагора, увѣрявшаго учениковъ своихъ, что будто бы мы Боги во все не существуемъ; не попалъ (Периклъ рукою защитилъ своего учителя) (8), а перунъ, зажегши храмъ Кастора и Поллукса, самъ едва въ прахъ не разбился о камень. Впрочемъ и то будетъ льстецамъ славное наказаніе, когда увидятъ они Тимона вновь разбогатѣвшимъ.

Меркурій.

Вотъ что значитъ кричать, шумѣть и быть дерзкимъ! Видно не только въ тяжбахъ, но и въ прошеніяхъ ето полезно. — На примѣръ сей часъ же Тимонъ изъ бѣднѣйшаго попадетъ въ богатѣйшіе, а чѣмъ, если не крикомъ и свободною искренностію въ молитвахъ онъ привлекъ къ себѣ Діи? Еслибъ Тимонъ молча рылся, сгорбясь надъ

---

(8) Анаксагоръ обвиненъ былъ въ безбожіи. Периклъ защитилъ его въ судѣ своимъ краснорѣчіемъ, котораго одну изъ главнѣйшихъ частей у древнихъ составляли тѣлодвиженія.

заступомъ—и теперь еще рылся бы въ забвеніи.

ЗЕВЕСЪ, МЕРКУРІЙ и ПЛУТУСЪ.

Плутусъ.

Зевесъ, я не пойду къ нему.

Зевесъ.

Какъ, добрый Плутусъ, когда я еще приказываю?

Плутусъ.

Потому что онъ, ей Богу, меня обидѣлъ, выгналъ, разорвалъ на части, меня, друга отца его; только что не вынесъ на вилахъ изъ дома, ну знаешь, какъ люди изъ рукъ огонь бросаютъ. Вѣдь снова же передастъ онъ меня тунеядцамъ, льстецамъ и любовницамъ. Нѣтъ, Зевесъ, пошли меня къ тѣмъ, которые будутъ цѣнить дары мои и пещись о нихъ, къ тѣмъ, у которыхъ я въ чести—предметъ ихъ желаній. Пусть глупцы прилѣпляются къ бѣдности, предпочитая ее намъ и взявъ у ней рубище и заступъ, пусть они довольствуу-

ются четырью оболами, они — пренебрегшіе дарами десяти-талантными.

Зевесъ.

Нѣтъ, Тимонъ такъ не поступитъ съ тобою: заступъ сей научилъ Тимона (если мышцы его не совсѣмъ нечувствительны), предпочитать тебя бѣдности. Да ты, мнѣ кажется, слишкомъ любишь жаловаться. Нынѣ обвиняешь Тимона въ томъ, что онъ, отворивъ тебѣ двери, позволилъ свободно прогуливаться, не запирая, не ревнуя къ тебѣ, а иногда напротивъ ты сердишься на богачей, говоря что они и запорами, и ключами и печатью тебя запираютъ, чтобъ тебѣ и божіяго свѣта не видно было. Ты плакалъ предо мною и жаловался, что задыхаешься въ ужасномъ мракѣ и потому казался намъ блѣднымъ, сухимъ отъ заботъ, простирающимъ пальцы какъ будто что то разсчитывая и грозилъ, схвативши случай, убѣжать отъ своихъ мучителей. Однимъ словомъ, тебѣ жестко казалось спать на мѣдномъ или желѣзномъ ложѣ, какъ Даная невольно дѣвствовать и жить подъ руководствомъ докучныхъ и гибельныхъ учителей, *выгоды* и *разсчета*. Ты говорилъ, что не дѣло они дѣлаютъ, имѣя къ

тебѣ страсть чрезмѣрную; при возможности не смѣя употреблять сокровищъ; безъ свободы питая къ тебѣ любовь; будучи не господами, но неусыпными стражами, не смыкая глазъ, наблюдающими печати и запворы свои; почитая лучшимъ наслажденіемъ не самимъ наслаждаться, но никому не давать участія въ удовольствіи, подобно псу, лежащему на сѣнѣ, который и самъ не ѣстъ правы, и голодному коню не даетъ. Ты еще и смѣялся надъ тѣмъ, что они все берегутъ, хранятъ, а всего чудеснѣе, самихъ себя подозрѣваютъ, не зная, что какой нибудь презрѣнный рабъ, или управитель, или воспитатель дѣтей, тихонько ускользнувъ въ кладовую, издѣваешся надъ малодушнымъ хозяиномъ, между тѣмъ, какъ онъ при тускломъ ночникѣ съ тощей свѣтильною проводитъ ночи за счетами. Какая же въ тебѣ справедливость? Ты недавно его обвинялъ, а нынѣ осуждаешь Тимона за противное.

Плутусъ.

Если хочешь знать истину, объ мои жалобы справедливы. Поступокъ Тимона со мною вѣрно всякому покажется небрежнымъ, необдуманнымъ, безразсуднымъ, какъ

равно и тѣхъ, которые хранятъ, запираютъ меня затворами во мракѣ, стараются о томъ, чтобъ я былъ тученъ, жиренъ, дороденъ, сами ко мнѣ не прикасаются, ни выпускаютъ меня на свѣтъ, чтобъ кто нибудь не увидѣлъ;—равно и сихъ почитаю безумцами, притѣснителями; они меня невиннаго утомляютъ цѣпями, не зная, что вскорѣ оставятъ, отдавши какому нибудь другому счастливцу. Я не одобряю ни первыхъ, ни послѣднихъ; но люблю тѣхъ, которые умѣренно наслаждаются, не отказываются отъ всего, и не истощаютъ въ мигъ всѣхъ сокровищъ. — Разсуди, о Зевесъ, ради Бога, естьли кто, получивъ законнымъ образомъ молодую, прекрасную жену, не будетъ хранить ее, ни питать къ ней нѣжной ревности, но еще самъ желая, чтобъ она прогуливаясь и ночью и днемъ, встрѣчала своихъ обожателей, самъ, отворивъ двери, поведетъ ее на распутіе, моргая ей красотою и всѣхъ къ ней сзывая — не ужели такой мужъ любитъ жену свою? Вѣрно, Зевесъ, ты скажешь нѣтъ, ты самъ такъ часто влюблялся. Естьли же кто напротивъ, взявши законно жену свободную въ домъ свой для рожденія дѣтей, ни самъ не посмѣется къ цѣлующей

возрастомъ и красотою дѣвъ, ни другому не позволитъ взирать на нее; но затворивъ ее безплодную, будетъ хранить ея дѣвственность, утверждая, что онъ ее любитъ, доказывая любовь свою блѣдностью лица, изсохшимъ тѣломъ, впалыми глазами, не безумствуетъ ли онъ, когда вмѣсто того, чтобы наслаждаться бракомъ, убиваетъ сколь благообразную, плѣнительную дѣву, какъ будто хранитель жрицы Церериной? Вотъ почему я жалуюсь, что иные безъ милосердія рвутъ и истощаютъ меня, другіе куютъ цѣпями, какъ бѣглаго, злѣйменаго раба.

Зевесъ.

Да, за чѣмъ же ты жалуешься? Люди обоего рода строго наказываются. Первые, какъ Танталъ, съ пустымъ желудкомъ алкаютъ, открывая уста свои не одно только злато, у вторыхъ, какъ у Финея, Гарпіи отнимаютъ пищу у самаго рта. Но идемъ же къ Тимону, онъ гораздо сталъ благоразумнѣе.

Плутусъ.

Но переставъ ли онъ когда нибудь, какъ изъ бочки бездонной, поспѣшно выли-

вать меня прежде, нежели я совсѣмъ пойду въ нее, какъ будто желая предупредить разливъ, чтобы я, наполнивъ ее черезъ край, не потопилъ и его? Мнѣ кажется, я лью воду въ бочку Данаидъ и напрасно ее наполняю, потому что дно не закрыто; при томъ же оно такъ широко, такъ легокъ выходъ, что не успѣешь влить воду, какъ она ужъ и выливается.

Зевесъ.

И такъ, если не запворитъ онъ всегда открытаго дна, ты тотчасъ выпечешь и онъ снова легко найдетъ рубище и заступъ на отсѣдѣ бочки. Но ступайте. обогатите Тимона; а ты Меркурій, не забудь привести къ намъ Циклоповъ изъ Етны, чтобъ они наточили перунъ нашъ; мы нуждаемся въ остромъ.

МЕРКУРІЙ и ПЛУТУСЪ.

Меркурій.

Пойдемъ же, Плутусъ. Что ето? ты хромаешь? Я не зналъ, другъ мой, что ты не только слѣпъ, но и хромъ.

Плутусъ.

Ето не всегда, Меркурій! Но только лишь когда Юпитеръ меня къ кому нибудь посылаетъ, не знаю самъ отъ чего я и лѣнивъ и хромаю на обѣ ноги, даже такъ, что иногда я еще не достигнулъ конца, а ожидающій меня ужъ и состарѣлся. Если жъ должно оставишь кого нибудь, лечу на крыльяхъ, куда твои птицы! Лишь только данъ знакъ, я ужъ провозглашенъ побѣдителемъ, перескочилъ все ристалище такъ, что иногда и зрители не замѣтили.

Меркурій.

Не правда! Да я многихъ могу назвать тебѣ, которымъ вчера не на что было купить веревку, чтобы удавиться, а нынѣ у нихъ откуда взялось богатство и роскошь; разъѣзжаютъ на бѣлыхъ коняхъ тѣ, у которыхъ и осла никогда не бывало, украшаются пурпуромъ, золотыми кольцами и, я думаю, сами не вѣрятъ, что они не во снѣ богаты.

Плутусъ.

Ето дѣло другое, Меркурій; тогда хожу я не на своихъ ногахъ, не Зевесъ, но Плу-

тонъ посылаетъ меня къ нимъ — Плутонъ всещедрый, обильный въ дарахъ своихъ, что и имя его показываетъ (9). Когда нужно меня переселить отъ одного къ другому, тотчасъ описавъ на бумагѣ, старательно скрѣпивъ подписью и печатью, взявши меня въ беремя, перепасываютъ. А мертвый господинъ мой лежитъ себѣ въ какомъ нибудь темномъ уголкѣ, ветхая простыня наброшена на голыя колѣна, лежитъ—несчастная добыча кошекъ. А наслѣдники уже на площади ждутъ меня, разинувъ рты, какъ неоперенныя пташки, лепечущія при видѣ летящей къ нимъ матери. Какъ снимутъ печать, разорвутъ обвертку, откроютъ завѣщаніе, тутъ провозгласится новымъ господиномъ моимъ или родственникъ, или льстецъ, или какой либо служитель ужъ съ бритой бородою, предпочтительно другимъ юношамъ великую награду принимающій за разнообразныя удовольствія, которыя онъ, уже въ возрастѣ, доставлялъ господину. Онъ, кто бы ни былъ, схвативъ меня вмѣстѣ съ за-

---

(9) Имя *Πλούτων* происходитъ отъ слова *πλουτέω обогащаю.*

вѣщаніемъ, несется на колесницѣ, вдругъ переименовавъ себя изъ какого нибудь прежняго Пиррія, или Дрома, или Тивія, въ Мегаклеи, или Мегабизы, или Протархи, оставляетъ другихъ, которые, напрасно зѣвая, глядятъ другъ на друга и справедливо сожалѣютъ о томъ, что такая рыба сорвалась съ уды, не малую пожравши добычу. Онъ нападаетъ на меня, жестокій, не зная приличія — онъ, который, страшась цѣпей, тотчасъ подымалъ уши, при всякомъ внезапномъ ударѣ хлыста и мѣльницу свою почиталъ храмомъ, — онъ не только становится несносенъ всѣмъ, его встрѣчающимъ, но обижаетъ людей свободныхъ, сѣчетъ рабовъ своихъ, какъ будто испытывая, позволятъ ли ему ето? — до тѣхъ поръ пока или прилѣпленный къ сладострастію, или изъ любви къ лошадямъ, или предавши себя самаго въ руки льстецовъ, которые клянутся, что онъ благообразнѣе Нирея, знатнѣе родомъ Цекропа или Кодра, мудрѣе Улисса, въ шестнадцать разъ богаче Креза—въ минуту несчастный все, что собралъ по немногу нарушенными клятвами, грабежемъ и обманами — расточитъ.

Меркурій.

Ты говоришь почти бывалое. Но скажи мнѣ, когда ты ходишь на ногахъ своихъ, какимъ образомъ, будучи такъ слѣпъ, находишь дорогу? Какъ узнаешь лица, къ которымъ посылаетъ тебя Зевесъ, почитая ихъ достойными богатства?

Плутусъ.

Ты думаешь — я спрашиваю, кто они?

Меркурій.

Безъ сомнѣнія. Ты вѣрно, пренебрегши Аристида, не пойдешь къ Гиппонику, Каллію и другимъ Аѳинянамъ, не стоющимъ и овола. Но безъ шутокъ, какъ ты исполняешь посланія Зевеса?

Плутусъ.

Расхаживаю взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока неосторожно попаду къ кому нибудь, и первый, меня поймавшій, отводитъ домой и владѣетъ мною, благодаря тебя, Меркурій, за неожиданную добычу.

Меркурій.

Такъ ты обманываешь Зевеса? Онъ думаетъ, что ты обогащаешь только тѣхъ, которые по мнѣнію его достойны.

Плутусъ.

Нѣтъ, я справедливъ, другъ мой! За чѣмъ Зевесъ, зная слѣпоту мою, посылаетъ меня искать такой вещи, которой найти

невозможно, которая давно уже оставила смертныхъ, когда и самъ Линкей не скоро найдетъ ее—такъ рѣдка и мала она? Въ городахъ же добрыхъ очень мало, все наполнено злыми, то и не мудрено, что я нападаю на злыхъ и они меня ловятъ.

Меркурій.

Какъ же ты, оставляя ихъ, бѣжишь такъ свободно, не видя дороги?

Плутусъ.

Когда дѣло дойдетъ до побѣга, откуда возьмутся глаза и ноги.

Меркурій.

Отвѣчай еще мнѣ на ето, какимъ образомъ ты слѣпой, да кромѣ того надо признаться, блѣдной, хромой, имѣешь столько обожателей, что всѣ почти смертные къ тебѣ устремляютъ взоры и овладѣвши тобою, почитаютъ себя счастливыми; безъ тебя же не терпятъ и самой жизни! — Не мало людей я знаю, которые такъ несластно тебя любили, что бросались съ высокихъ утесовъ въ глубокія бездны морей, вообразивъ, что ты презираешь ихъ; ибо сначала не кинулъ на нихъ взгляда.

Впрочемъ я увѣренъ, что и самъ согласишься, если знаешь себя, что они бѣснуются, преслѣдуя тебя съ такою любовію.

Плутусъ.

Ты думаешь, что они видятъ меня такимъ, какъ я есть, видятъ, что я слѣпъ, хромъ и имѣю другіе недостатки.

Меркурій.

Да какъ же, Плутусъ, если только они сами не слѣпы?

Плутусъ.

Они не слѣпы, другъ мой, но невѣжество, заблужденіе, нынѣ всѣмъ овладѣвшіи, омрачаютъ ихъ взоры. Да я и самъ, чтобъ не вовсе казаться безобразнымъ, надѣваю прекрасную личину, позолоченную, украшенную дорогими каменьями, и облеченный въ разныя ткани, являюсь передъ ними. Они же, думая видѣть самую красоту олицетворенную, пылаютъ страстію и губятъ себя, если не овладѣютъ мною. Но когда бы кто нибудь въ наготѣ меня показалъ имъ, вѣрно онибъ себя прокляли, увидя слѣпоту свою, узнавъ, что они обожали лице столь ненавистное, столь безобразное.

Меркурій.

Да какъ же, пріобрѣвши богатство и познакомившись съ твою личиной, они все еще обманываются, и если кто вздумаетъ отнять ее, скорѣй отдадутъ свою голову, нежели личину? Не льзя повѣрить, чтобъ они, проникая въ твою внутренность, не знали, что ета личина позолоченная.

Плутусъ.

У меня не мало, Меркурій, въ етомъ помощниковъ.

Меркурій.

Ктожъ они?

Плутусъ.

Лишь только кто либо первый, со мною встрѣтившись, растворитъ настежъ двери и приметъ меня къ себѣ, вмѣстѣ со мною украдкой входятъ высокомѣріе, безуміе, гордость, изнѣженность, дерзость, заблужденіе и тысячи другихъ спутниковъ. Когда они всѣ овладѣютъ его душою: онъ удивляется вещамъ обыкновеннымъ, спремится ко вредному, а меня, виновника всѣхъ золъ, къ нему вошедшихъ, храня[illegible]ъ окруженнаго сими спражами и скорѣе все вы-

терпитъ, нежели согласится меня отпустить.

Меркурій.

Да твое тѣло такъ скользко, Плутусъ, сколь легко убѣгаешь, столь трудно тебя удержать; у тебя нѣтъ на тѣлѣ ни одного твердаго крючка, за который бы можно было ухватиться; но ты подобно вьюну, или змiѣ, какъ по скользишь между пальцами. А бѣдность напротивъ такъ липка, такъ легко поймать ее, такъ крючковано ея тѣло, что, дотронувшись до нее, къ ней прилипнешь и не легко отстать. Но мы заболтались и забыли о важномъ дѣлѣ.

Плутусъ.

О какомъ?

Меркурій.

Да мы не ведемъ съ собою Сокровища, которое намъ всего нужнѣе.

Плутусъ.

Не заботься о немъ. Отправляясь къ вамъ, я всегда оставляю его въ землѣ и велю ему сидѣть у запертой двери и никому не отворять ее, если не услышитъ моего голоса.

Меркурій.

Мы уже вступаемъ въ предѣлы Аттики. Слѣдуй за мною, ухватись крѣпче за полу одежды, пока мы дойдемъ до пустыни Тимона.

Плутусъ.

Хорошо дѣлаешь, Меркурій, что ведешь меня; иначе ябъ могъ, заблудившись, напасть на Ипербола или Клеона. Но что еще за звукъ? какъ будто желѣзомъ бьютъ о камень!

Меркурій.

Еще Тимонъ роетъ каменную, твердую землю. Ба, ба, ба! при немъ Бѣдность, Трудъ, Воздержаніе, Мудрость, Мужество и вся толпа, надъ коей царствуетъ Гладъ; но они гораздо лучше твоихъ тѣлохранителей.

Плутусъ.

Лучше бы намъ убѣжать скорѣе, Меркурій! Что можемъ мы сдѣлать важнаго надъ человѣкомъ, окруженнымъ таковымъ полчищемъ?

Меркурій.

Иначе угодно Зевесу: оставимъ боязнь.

МЕРКУРІЙ, ПЛУТУСЪ, БѢДНОСТЬ съ ея свитою, ТИМОНЪ.

Бѣдность.

Куда ведешь ты, Меркурій, этаго слѣпца?

Меркурій.

Мы посланы къ Тимону отъ Юпитера.

Бѣдность.

Какъ! снова Плутусъ къ Тимону, послѣ того какъ я приняла его, удрученнаго бѣдствіями Роскоши и предавъ Мудрости и Труду, одарила его и мужествомъ и достоинствомъ! Вы такъ презираете бѣдность, такъ легко вамъ ее обидѣть, что отнимаете у нее единое достояніе, возвращенное снова къ добродѣтели, дабы Плутусъ, овладѣвъ имъ, предалъ его снова Дерзости и Тщеславію и содѣлавъ подобнымъ прежнему, изнѣженнымъ, малодушнымъ и безразсуднымъ, бросилъ его мнѣ, какъ изношенную одежду.

Меркурій.

Бѣдность! такъ угодно Зевсу.

Бѣдность.

Удаляюсь. И вы, о Трудъ и Мудрость,

и вы, другіе спутники, послѣдуйте за мною. Быть можетъ, онъ узнаетъ послѣ, что лишился во мнѣ и благодѣтельной помощницы и наставницы всего лучшаго. Пока былъ онъ со мною, здравый шѣломъ, добрый духомъ, онъ велъ жизнь человѣка, наблюдалъ себя, все прочее почиталъ чуждымъ, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ.

Меркурій.

Они удаляются; подойдемъ къ нему.

МЕРКУРІЙ, ПЛУТУСЪ, ТИМОНЪ.

Тимонъ.

Кто вы, проклятые? Или пришли сюда мѣшать трудящемуся наемнику? Но не съ радостію отселѣ пойдете; вы всѣ ужасны! Сей часъ раздавлю васъ сими грудами камней.

Меркурій.

Нѣтъ, Тимонъ, не бросай! Ты не на людей ихъ бросишь. Я Меркурій, онъ Плутусъ. Зевесъ, услышавъ мольбы твои, насъ послалъ къ тебѣ. Прими въ добрый часъ сіи сокровища и оставь труды свои.

Тимонъ.

Вы хоть и Боги по словамъ вашимъ, но у меня возрыдаете. Я всѣхъ равно ненавижу — Боговъ и людей, а етому слѣпому, кто бы онъ ни былъ, непремѣнно быть убиту моимъ заступомъ.

Плутусъ.

Уйдемъ, Меркурій, ради Бога! Онъ, мнѣ кажется, въ припадкѣ. Уйдемъ, чтобъ не было худо!

Меркурій.

Не дурачься, Тимонъ. Оставь свои дикій и грубый нравъ, прими въ объятія благодѣтельное счастіе, твори снова богатыхъ, будь первымъ изъ Аѳинянъ, и презри неблагодарныхъ, счастливыхъ однимъ тобою.

Тимонъ.

Мнѣ въ васъ нѣтъ нужды. Не мѣшайте мнѣ. Заступъ — вотъ мое собственное богатство. Я блаженнѣйшій изъ смертныхъ, если никто меня не трогаетъ.

Меркурій.

Ето безчеловѣчно, мой другъ!

Дію скажу ли сіи несчастныя смертнаго рѣчи! (10)

Тебѣ можно ненавидѣть людей за страданія, отъ нихъ претерпѣнныя; но какъ же ненавидѣпь Боговъ, которые о тебѣ пекупся?

Тимонъ.

Къ тебѣ, Меркурій, и къ Зевсу храню великую благодарность за старанія ваши; Плутуса же ни за что не приму.

Меркурій.

Да почему жъ?

Тимонъ.

Потому что онъ нанесъ мнѣ тысячи бѣдспвій, предалъ меня льспецамъ, знакомя съ людьми злосовѣтными, возбудилъ во мнѣ ненависть, сокрушилъ меня сладострастіемъ, подвергнулъ зависти, и чтожъ наконецъ? оставилъ меня сираго коварно, измѣнпически. Но благодѣтельная Бѣдность, упражняя меня въ трудахъ мужественныхъ, съ истиною и свободою бесѣдуя со мною, мнѣ за труды доспавила необходимое, научила презирать всѣ богатства, во

---

(10) Стихъ изъ Гомеровой Иліады.

мнѣ самомъ основавъ всѣ надежды жизни и показавъ, сколь велико то мое сокровище, котораго не въ силахъ отнять ни льстецъ ласкательствомъ, ни клеветникъ — страхомъ, ни народъ — гнѣвомъ, ни ораторъ — своимъ мнѣніемъ, ни тиранъ — злоумышленіемъ. Укрѣпленный трудами, дѣятельно обработываю сіе поле, не вижу градскихъ бѣдствій и заступъ мнѣ доставляетъ довольство. И такъ возвратись, Меркурій, къ Юпитеру съ Плутусомъ. Я доволенъ буду и тѣмъ, если онъ всѣхъ людей стенать заставитъ.

Меркурій.

Совсѣмъ нѣтъ, другъ мой! Не всѣ сотворены на стенаніе. Оставь твой гнѣвъ, твои незрѣлыя заблужденія и прими Плутуса. Не должно презирать даровъ Юпитера.

Плутусъ.

Хочешь ли, Тимонъ, чтобъ я оправдался передъ тобою? Или ты сердишься, что я говорю?

Тимонъ.

Говори, да только скорѣе, безъ предисловій, не такъ какъ записные Ораторы.

Я позволю тебѣ сказать не много, и то для Меркурія.

Плутусъ.

Кажется мнѣ бы можно побольше поговорить за твое ужасное обвиненіе. Разсмотри, какую нанесъ я тебѣ обиду? я, который былъ виною всѣхъ твоихъ удовольствій и почестей, и первенства, и вѣнцовъ, и другихъ отличій. Чрезъ меня ты сдѣлался достойнымъ уваженія, тебя прославили и стали искать. Если жъ ты пострадалъ отъ льстецовъ, я не виновенъ. Напротивъ я отъ тебя претерпѣлъ обиды, ты меня такъ безчестно бросилъ въ руки людей преступныхъ, горделивыхъ, коварныхъ и всѣми умыслами противу меня возстающихъ. Наконецъ ты говоришь, что я тебя предалъ. Я напротивъ тебя обвиняю, какъ ты, всѣми способами меня изгоняя, едва по шеѣ не выполкалъ изъ дома. И вмѣсто нѣжныхъ ласкателей, почтенная Бѣдность одѣла тебя въ ето рубище! Меркурій свидѣтель, какъ умолялъ я Зевса дозволить мнѣ не ходить къ тебѣ, столь непріязненно меня изгнавшему.

Меркурій.

Но видишь ли ты, Плутусъ, какимъ онъ сталъ нынѣ? Поживъ съ нимъ долѣе — и ты къ нему привыкнешь. Рой, Тимонъ, свою землю. А ты, Плутусъ, вели явиться сокровищу изъ подъ заступа; оно услышитъ твой голосъ.

Тимонъ.

Должно покориться, Меркурій, и снова разбогатѣть. Чего не претерпитъ смертный, когда Боги принуждаютъ? Но посмотри, куда ввергаешь ты меня несчастнаго? До сихъ поръ я провождалъ жизнь блаженную, и снова теперь приму сіе золото, а вмѣстѣ съ нимъ ужасныя заботы, право незаслуженныя.

Меркурій.

Терпи, Тимонъ, для меня, хоть оно и трудно и несносно; по крайней мѣрѣ, чтобы льстецы твои лопнули отъ зависти. А я чрезъ Епну полечу на небо.

ПЛУТУСЪ и ТИМОНЪ.

Плутусъ.

Онъ улетѣлъ, какъ кажется. Мнѣ послышался шумъ крыльевъ. Ты же останься здѣсь. Я уйду отъ тебя и пришлю къ тебѣ Сокровище. Ударяй болѣе землю. А ты, Сокровище златое, покорись сему Тимону и позволь ему взять тебя. Рой же, Тимонъ, доспигай глубины — я удалюсь.

ТИМОНЪ, *одинъ.*

Дѣйствуй, о заступъ, да укрѣпишься ты, да не утрудишься, вырывая наружу изъ нѣдръ земли Сокровище! О Зевесъ чудотворный, вы благосклонные Кориванты, ты — Ермій щедролюбивый откуда мнѣ столько золота! Не сонъ ли ето? Не схватить бы мнѣ по пробужденіи горящихъ угольевъ? Но нѣтъ — ето золото клейменое, красноватое, полновѣсное и на видъ прелестнѣйшее!

О злато, даръ прекрасный смертнымъ! (11)

---

(11) Стихъ изъ Пиндара.

Подобно огню пламенѣющему, ты блистаешь и ночью и днемъ. Приди, о милое, возлюбленное Сокровище! Нынѣ я только увѣрился, что Юпитеръ нѣкогда превратился въ золото. Какая дѣвица не приняла бы на открытыя перси столь прекраснаго любовника, ліющагося чрезъ кровлю? О Мидасъ, о Крезъ — вы, священныя сокровища Дельфовъ, сколь вы ничтожны предъ Тимономъ, предъ богатствомъ Тимона, съ которымъ не сравнится и Царь Персіи! О заступъ, ты — любезное рубище! Теперь всего лучше посвятить васъ Богу Пану. (12) Самъ же я куплю всю ету пустыню, построю надъ сокровищемъ башню, буду спокойно въ ней жить одинъ и здѣсь по смерти думаю найти себѣ и гробъ самый. Мною рѣшено, утверждено закономъ на остатокъ жизни удалиться отъ всѣхъ, не знать никого и всѣхъ презирать. Другъ, знакомый, товарищъ, олтарь состраданія — все ето одни пѣсни. Утѣшать плачущаго, пещись о неимущемъ, — беззаконіе, нарушеніе обычаевъ. Жизнь моя да будетъ уединенна, какъ жизнь лютыхъ звѣрей и

---

(12) По перемѣнѣ рода жизни древніе имѣли обычай приносить жертвы Богамъ защитникамъ

единый другъ мой — Тимонъ! Всѣ прочіе — враги, злоумышленники. Бесѣда съ ними — язва. Когда увижу одного изъ нихъ — тотъ день несчастнѣйшій. Они ни чѣмъ для меня не отличны — отъ мраморныхъ или мѣдныхъ статуй. Не примемъ отъ нихъ ни вѣстника, не заключимъ съ ними договора. Пустыни и горы да будутъ отдѣлять насъ. Трибы, Куріи, сограждане и самое отечество — все лишь холодныя, безполезныя названія — одно тщеславіе людей безумныхъ. Да разбогатѣетъ единый Тимонъ, да презритъ онъ всѣхъ, да наслаждается жизнію одинъ самъ съ собою, устраненный отъ лести и похвалъ нестерпимыхъ! Да онъ одинъ приноситъ жертвы Богамъ, самъ себѣ и сосѣдъ и ближній! На всегда полагаю любить одного себя и если придетъ кончина, самому себѣ возложить на главу вѣнецъ смерти (13). Мизантропъ — да будетъ моимъ именемъ сладостнѣйшимъ, а признаки моего нрава — суровость, жестокость, грубость, гнѣвъ, безчеловѣчіе. Увидѣвши кого нибудь сгарающаго въ огнѣ и молящагс о помощи — тушить смолою

(13) На мертвыхъ обыкновенно полагали вѣнцы при похоронахъ.

и масломъ. Если бы кого несъ мимо меня дождевый потокъ и погибающій, простирая руку, молилъ о спасеніи — ударить его въ голову, чтобъ онъ погрузился и не могъ уже выплыть. Такъ да воспріимутъ они достойное. Предложилъ сей законъ Тимонъ, сынъ Ехекратовъ, Колиттейскій, утвердилъ его въ совѣщаніи съ самимъ собою самъ же Тимонъ. Быть по сему, мы опредѣлили и твердо сему послѣдуемъ. — Но впрочемъ я весьма бы желалъ, чтобъ всѣ узнали мое внезапное обогащеніе,—для нихъ ето бъ было тяжелѣе висѣлицы. Но что такое? Откуда ета быстрота? Оповсюду сбѣгаются запыленные, запыхавшіеся, ну точно у нихъ чутье на золото! Что дѣлать? или взошедши на етотъ холмъ, бросая въ нихъ сверху камни, прогнать ихъ? Или хоть одинъ разъ нарушить законъ и начать съ ними разговоры, чтобъ удобнѣе нанесть удары презрѣннымъ? Ето, я думаю, лучше. И такъ примемъ ихъ — они уже близко. Посмотримъ, кто изъ нихъ первый? — Гнаѳонидъ! — етотъ льстецъ, который вчера мнѣ, просящему милостыню, протянулъ веревку, а у меня выпивалъ цѣлыя бочки. Хорошо онъ сдѣлалъ, что пришелъ. Онъ прежде всѣхъ у меня зарыдаетъ.

ТИМОНЪ и ГНАѲОНИДЪ.

Гнаѳонидъ.

Не говорилъ ли я, что Боги не оставятъ Тимона, мужа доблестнаго? Привѣтствую тебя, о Тимонъ благоразумный, кроткій и веселый собесѣдникъ!

Тимонъ.

Здравствуй, Гнаѳонидъ, ненасытнѣйшій изъ врановъ, преступнѣйшій изъ смертныхъ!

Гнаѳонидъ.

Ты все по прежнему шутишь. Но гдѣ же яства? Я тебѣ принесъ новую пѣсенку изъ новосочиненныхъ дивирамбовъ.

Тимонъ.

Ты споешь мнѣ что нибудь въ родѣ Елегіи, весьма чувствительное—вотъ подъ ещимъ заступомъ.

Гнаѳонидъ.

Какъ! ты бьешь меня Тимонъ? Геркулесъ — будь свидѣтелемъ! Ой, ой, ой! Я представлю тебя въ Ареопагъ за ети раны.

Тимонъ.

И если еще помедлишь уйти, можетъ быть обвинишь меня въ смертоубійствѣ.

Гнѳонидъ.

О нѣтъ! но ты совершенно вылѣчишь мои раны, если не много посыплешь на нихъ золотца: ничто такъ не останавляетъ крови, какъ ето лѣкарство.

Тимонъ.

Ты все еще медлишь.

Гнѳонидъ.

Нѣтъ — бѣгу. Добро тебѣ, коль ты такъ измѣнился!

Тимонъ.

Кто ето плѣшивый—выступаетъ такъ важно? Филіадъ, самый безстыдный изъ всѣхъ льстецовъ. Я наградилъ его цѣлымъ полемъ, дочери далъ приданаго на два таланта за похвалу, которою онъ одинъ, при всеобщемъ молчаніи, превозносилъ мой голосъ, подтверждая клятвою, что онъ сладкозвучнѣе лебединаго, а потомъ, когда я больной, нуждаясь въ изцѣленіи, пришелъ

къ нему — етюпъ честный человѣкъ отблагодарилъ меня палкой.

ТИМОНЪ и ФИЛІАДЪ.

Филіадъ.

О безстыдство! нынѣ только узнаете вы Тимона? Нынѣ лишь Гнаѳонидъ и другъ и собесѣдникъ? Онъ справедливо пострадалъ за свою неблагодарность. Вотъ мы такъ издавна пріятели, ровесники, земляки; но всегда учтиво обходимся, чтобъ не обидѣть другъ друга. — Здравствуй, Государь мой! Берегись сихъ ужасныхъ льстецовъ, которые всегда готовы къ столу, но впрочемъ ничѣмъ другимъ отъ вранонъ не отличаются. Нынѣ не надо никому вѣрить; всѣ злы и неблагодарны. Я несъ было тебѣ таланты для твоихъ необходимостей; но дорогою услыхалъ, что ты пріобрѣлъ неоцѣненное богатство и потому пріщелъ далъ тебѣ сіи наставленія. Но ты такъ премудръ, что, можетъ быть, и не нуждаешься въ словахъ моихъ; ты и самому Нестору могъ бы давать совѣты.

Тимонъ.

— Точно такъ, Филіадъ; но подойди сюда, дай мнѣ наставить тебя вотъ етимъ заступомъ.

Филіадъ.

О люди! Етотъ неблагодарный разбилъ мнѣ черепъ за мои полезные совѣты!

Тимонъ.

Но вотъ и третій — ето Оратеръ Демей съ опредѣленіемъ въ рукѣ, который утверждаетъ, что онъ мнѣ родственникъ. Я въ одинъ день отдалъ за него республикѣ 16 талантовъ, когда за недоимокъ онъ былъ осужденъ, заключенъ въ оковы; я, сжалившись, освободилъ его, а недавно, какъ пришлось ему дѣлить казну для зрѣлищъ прибѣ Ерехтійской и я попросилъ слѣдующей мнѣ части, онъ сказалъ, что не знаетъ, гражданинъ ли я?

ТИМОНЪ и ДИМЕЙ.

Димей.

Привѣтствую тебя, Тимонъ, великое украшеніе народа, опора Аѳинянъ, защита Еллады! Давно уже народъ и оба совѣта собрались и тебя ожидаютъ. Но прежде выслушай опредѣленіе, которое я о тебѣ написалъ: „Поелику Тимонъ, сынъ Ехекратовъ, Колиттейскій, мужъ не только отличный честностью и добродѣтелью, но и всѣхъ мудрѣйшій въ Елладѣ, всю жизнь свою многое совершалъ во славу республики, какъ то: въ одинъ день побѣдилъ на Олимпійскихъ играхъ и борьбою, и въ рыстаніи на прекраснѣйшихъ колесницахъ....

Тимонъ

Но я никогда не участвовалъ въ играхъ Олимпійскихъ.

Димей.

Чтожъ за бѣда? Когда нибудь да будешь. Тутъ еще прибавлено многое кой-что гораздо получше: „въ прошедшемъ году для блага гражданъ одержалъ побѣду около

Ахарны, истребивъ тысячу Пелопонисцовъ.“

Тимонъ.

Какъ? Да меня и въ спискѣ нѣтъ, я и не бралъ оружія.

Демей.

Ты скромничаешь; но мы, забывъ ето, былибъ неблагодарны. „Предлагалъ многія благія мнѣнія и совѣты, мудро управлялъ войскомъ и чрезъ сіе не мало пользы принесъ республикѣ: опредѣлено совѣтомъ, народомъ, въ судѣ Еліейскомъ (14) по трибамъ, каждымъ народомъ Аттики въ особенности и всѣми вообще — возлѣ Минервы въ градской крѣпости соорудить золотую статую Тимона съ перунами въ правой рукѣ и лучами во кругъ головы, увѣнчать его семью золотыми вѣнцами и обнародовать вѣнцы мынѣ на новыхъ праздникахъ Діонисійскихъ, которые для Тимона непремѣнно учредить должно. Сказалъ сіе мнѣніе Ораторъ Де-

(14) Судъ Еліейскій знатнѣйшій судъ у Аѳинянъ, въ которомъ разбирались дѣла народныя; онъ составленъ былъ изъ тысячи человѣкъ.

мей, ближайшій его родственникъ и ученикъ; ибо Тимонъ превосходенъ въ искусствѣ ораторскомъ, какъ и во всемъ, гдѣ пожелаетъ.“ — Вотъ какое тебѣ опредѣленіе! Я хотѣлъ было привести къ тебѣ и сынка, котораго въ честь твоего имени назвалъ Тимономъ.

Тимонъ.

Какъ, Димей? Да ты никогда не былъ женатъ, что и я знаю.

Димій.

Но я женюсь, Богъ дастъ, будущимъ годомъ, нарожу дѣтей и моего первенца (ужъ вѣрно будетъ сынокъ) нареку въ честь твою Тимономъ.

Тимонъ.

Не знаю, женишься ли ты, послѣ такихъ ударовъ?

Димій.

Ой, ой, ой! Какъ — Тимонъ? ты принялся за насилія? ты смѣешь бить людей свободныхъ, чисто свободныхъ, тогда какъ самъ не гражданинъ? Но скоро ты за все

строго будешь наказанъ и за то, что поджегъ крѣпость Аѳинскую.

Тимонъ.

Но злодѣй, вѣдь крѣпость не зажжена— ты явно клевещешь.

Диммей.

Но ты разбогатѣлъ, ты подрылъ казнохранилище.

Тимонъ.

И оно не подрыто — опять еще ложь.

Диммей.

Когда нибудь да будетъ — ужь ты все взялъ, что въ немъ было.

Тимонъ.

Такъ попъ тебѣ въ другой разъ.

Диммей.

Ой, ой моя спинушка!

Тимонъ.

Не кричи — еще будетъ и третій. Смѣшно бы было, если бъ я, безъ оружія

поразивши тысячу Лакедемонянъ, не сладилъ съ подобнымъ тебѣ человѣкомъ. Напрасно бы тогда были мои побѣды на играхъ Олимпійскихъ. Но ето кто? Не Философъ ли Ѳрасиклей? Такъ онъ самый. Развѣсилъ свою бороду, поднялъ брови, ворчитъ что-то про себя, идетъ, бросая на все суровые взгляды Типана, закрывъ волосами чело свое, какъ будто самъ Борей, или Тритонъ, что на картинахъ Зевксисовыхъ. Вотъ онъ — одѣтъ просто, походкой скроменъ, въ одежд благоразуменъ, упромъ много говоритъ о добродѣтели, обвиняя любящихъ наслажденія тѣлесныя, восхваляя умѣренность, но послѣ какъ умывши руки (15) сядетъ за ужинъ и мальчикъ подастъ ему огромную чашу (онъ охотникъ до вина чистаго), тогда-то, какъ будто упившись водою Леты, совершенно противное показываетъ упреннимъ своимъ наставленіямъ, какъ коршунъ хватаетъ куски, толкаетъ сосѣда, всю бороду вымаравъ яствами, ѣстъ за троихъ, гнется, какъ будто думая въ блюдахъ кушанья найти добродѣтель и чисто выти

---

(15) обычай древнихъ передъ столомъ.

раетъ пальцемъ опростанныя чаши, чтобъ ни крошки въ нихъ не осталось. Онъ всегда требуетъ для себя одного или цѣлый пирогъ, или окорокъ и потомъ—обыкновенное слѣдствіе алчности и невоздержанія, забавляется не пѣснями и плясками, но злословіемъ и гнѣвомъ. Тутъ-то за чашею вина пойдутъ рѣчи о воздержаніи и благопристойности; онъ разсуждаетъ, падая отъ безсилія и лепечетъ смѣшнымъ образомъ. Наконецъ выносятъ его изъ-за стола полусоннаго. Но трезвый, онъ никому не уступитъ ни въ обманѣ, ни въ дерзости, ни въ сребролюбіи. Онъ — первый льстецъ, за божбою дѣло не станетъ; ложь и безстыдство имъ управляютъ. Впрочемъ онъ премудръ и ученъ. Етотъ добрый человѣкъ у меня зарыдаетъ. Ба, ба, ба! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались мы, Ѳрасиклей, съ тобою?

Ѳрасиклій.

Не съ тѣмъ я пришелъ къ тебѣ, Тимонъ, какъ тѣ, которые, изумившись пиному богатству сбѣжались, окриленные надеждою серебра, злата и пировъ обильныхъ, чтобы польстить человѣку, подобно тебѣ простому и щедролюбивому. Ты знаешь —

на ужинъ съ меня довольно хлѣба, лучшее мое кушанье — травы, а приправа—горсть соли, питье — въ источникѣ, ето рубище лучше всякой порфиры; золото же я почитаю не драгоцѣннѣе рѣчныхъ камней. Для тебя одного пришелъ я, боясь, чтобъ не развратился ты богатствомъ, симъ гибельнымъ, коварнымъ достояніемъ, которое многимъ часто причиняло неизцѣлимыя бѣдствія. Послушай меня, брось его въ море, оно не нужно для человѣка добраго, могущаго созерцать сокровища любомудрія. Ты не бросай его въ глубину, другъ мой! но вошедши въ воду по колѣна, брось его не подалеку отъ берега — лишь бы я одинъ видѣлъ. Если жъ не хочешь, то еще лучше вынеси его скорѣе изъ дома, не оставь ни овола, раздай все бѣднымъ, кому пять драхмъ, другому мнасъ, третьему — полталанта (16). Не забудь только, что Философъ достоинъ двойнаго или

---

(16) Оволъ—шестая часть драхмы — 15 копѣекъ. Драхма — вѣсила 6з грана, 90 копѣекъ.

Мнасъ — сто драхмъ Аттическихъ — 90 рублей.

Талантъ — 750 и 1000 рублей.

тройнаго подарка. А мнѣ, я не о себѣ прошу, но чтобъ помочь бѣднымъ друзьямъ моимъ, съ меня довольно будетъ, если насыпешь ету сумочку, въ которую едва ли взойдетъ и два медимна Егинейскихъ (17). Мудрецъ долженъ быть умѣренъ и не замышлять ничего сверхъ сумы своей.

Тимонъ.

Ето хорошо — Ѳрасиклей. Но прежде нежели наполню тебѣ мѣшокъ, дай мнѣ наполнить пивою голову толчками, съ прибавкою етаго заступа.

Ѳрасиклей.

О народо-правленіе! о законы! Преступникъ насъ смѣетъ бить въ свободной республикѣ.

Тимонъ.

Ты жалуешься, добрый Ѳрасиклей? Или я обмѣрилъ тебя? Пожалуй я еще сверхъ мѣры прибавлю четыре хиника (18). Но

---

(17) Медимнъ — мѣра Греческая для твердыхъ товаровъ.

(18) Хиникъ — мѣра хлѣбная.

что ето? Какое множество ихъ сходится! Влепсій, Лахесъ, Гнифонъ — цѣлое полчище, но они у меня застенаютъ. Не лучше ли взошедши на ету скалу, дать отдыхъ заступу, а самому, набравши множество камней, сыпать на нихъ градомъ?

Влепсій.

Не бросай, Тимонъ! мы уйдемъ.

Тимонъ.

Но не безъ крови, не безъ ранъ!....

С. Шевыревъ.

XII.

ОЧКИ.

(*Елегія*).

Не удивись, что *я*, съ хорошими глазами,
На помощь къ нимъ искусство пригласилъ;
И зрѣнью моему, стѣсненному очками,
Стеклянныя границы положилъ.
Я молодъ.... но давно на лбу моемъ морщины,
Печать и думы и трудовъ;
Я въ опытѣ узрѣлъ души моей сѣдины
И скорбь дополнила число моихъ годовъ.

* * *

О! было время золотое,
Когда въ очкахъ волшебницы мечты
Я міръ прекраснѣй зрѣлъ — и сердце молодое,
Надеждой полное, не знало пустоты.
Какъ огнь, таинственный повѣренный Природы,
Питаясь на землѣ, стремится къ небесамъ,
Равно душа моя, предупреждая годы,
Отъ сущности земной небеснаго къ мечтамъ
Стремилась.... Ею все въ твореньи оживлялось:
Надеждой будущность была озарена,
Жизнь настоящая веселью отдана

И другомъ искреннимъ минувшее казалось....

. . . . . .

Но сладкой сонъ не продолжился;
Сперва я съ дружбою оставленъ былъ вдвоемъ;
А тамъ и съ ней простился.
И жизнь предстала мнѣ угрюмымъ цвѣтникомъ,
Гдѣ время розы убиваетъ,
Гдѣ время тернія раститъ,
Гдѣ свѣжій миртъ любви весною лишь блеститъ
И смерть гдѣ, можетъ быть, лавръ поздній насаждаетъ.

* * *

Теперь все тотъ же міръ, но я уже не тотъ.
Предъ опытомъ мечты, надежды замолчали;
Очарованья нѣтъ — и хладный грузъ печали
Мой духъ проснувшійся гнѣтетъ.
Въ толпѣ пріятелей ищу напрасно друга;
Ищу, кому бы могъ свой пламень передать,
Съ кѣмъ могъ бы за одно я мыслить, ощущать....
У всѣхъ на языкѣ услуга,
У всѣхъ на сердцѣ зла печать.
Среди младыхъ красотъ напрасно трачу младость,
Ищу напрасно той, съ кѣмъ могъ бы раздѣлить
Надежды, скорби, радость,
Кѣмъ могъ бы сердца я пустыню заселить.
Вотще!.... И часто длань холодную сжимая,
Которую обрядъ, не дружба подаетъ;
Иль взоры на тебя, Алина, устремляя,
Вздыхаю и печаль къ очкамъ моимъ зоветъ:
„О стекла вѣрныя, скажите,

„Что дружбы и любви земля не лишена;
„Что дружба искренна и что любовь вѣрна
„И прежнею мечтой хоть мало мнѣ польстите.“

* * *

Но если въ жизни сей могу быть счастливъ я;
Когда Алины взоръ мнѣ къ счастью путь укажетъ
И грудь любовію взволнуется твоя;
Когда сильнѣй всѣхъ словъ твое молчанье скажетъ,
Что я тобой любимъ; когда твой нѣжный гласъ,
Пріятный, какъ весны летучее дыханье,
Произнесетъ стыдливое признанье;
Тогда, клянусь, въ тотъ самый часъ,
Чтобъ быть счастливѣе, познавъ блаженства цѣну,
Чтобъ видѣть, жить, дышать для милой и любви,
Я снова прогляну — и вмигъ украсятъ стѣну
Очки разбитыя мои.

XIII.

ЛИВОНІЯ.

(*Посвящ. Е. Б. Я.*)

Не встанешь шы изъ вѣковаго праха,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ Креста;
Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
Ливоніи прекрасной красота!
Прошла пора твоихъ завоеваній,
Когда въ огняхъ тревоги боевой,
Вожди побѣдъ, смирители Казани,
Смирялися, блѣднѣя, предъ тобой!

* * *

Но тишина постыднаго забвенья
Не все, не все у славы отняла:
И черныя дѣла опустошенья,
И доблести возвышенной дѣла....
Онѣ живутъ для Музы пѣснопѣнья
Для гордости Поэтова чела!

* * *

Рукою лѣтъ разбитыя громады,
Гдѣ бранная воспитывалась честь,
Гдѣ торжество невѣдало пощады

И грозную разгорячало месть —
Несмѣлый внукъ Ливонца удалаго
Глядитъ на вашъ краснорѣчивый прахъ —
И нѣтъ въ груди волненія живаго,
И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ!

* * *

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья,
Въ душѣ его такая ль тишина,
Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
Является святая старина!
Исполненный таинственной отрады,
Онъ зритъ въ мечтахъ минувшіе вѣка —
Душа кипитъ; горятъ, яснѣютъ взгляды
И падаетъ къ струнамъ его рука!

Н. Языковъ.

XIV.

ПѢСНЯ.

Живу мой другъ тобой всечасно,
Ты правишь бытіемъ моимъ
И съ сердцемъ говорю согласно:
Живу мой другъ тобой однимъ.

* * *

Въ глазахъ моихъ все украшаешь
Мой другъ! присутствіемъ своимъ,
И каждый мигъ напоминаешь,
Что я живу тобой однимъ.

* * *

Пусть бурею природа шмится,
Все взоромъ прояснишь своимъ,
И въ сердцѣ снова повторится:
Живу мой другъ тобой тобой однимъ.

* * *

Съ тобой въ печальномъ разлученьѣ,
Живлюся образомъ твоимъ
И въ сердцѣ слышу изреченье:
Живу мой другъ тобой однимъ.

* * *

Все быстро время увлекаетъ,
Но другомъ я живу моимъ
Любовь и время побѣждаетъ,
Живу мой другъ тобой однимъ.

* * *

Настанетъ часъ разлуки вѣчной,
Въ гробъ съ именемъ сойду твоимъ
Услышишь гласъ любви сердечной:
Жила, мой другъ тобой однимъ.

XV.

СЕКТА ИДЕАЛИСТИКО-ЕЛЕАТИЧЕСКАЯ.

(Отрывокъ изъ Словаря Исторіи Философіи).

(Съ сожалѣніемъ должно признаться, что мы Рускіе еще не богаты Философическими сочиненіями. Правда мы богаты курсами Словесности, Учебниками, ками, краткими и пространными Риторическими и Піитиками, Физическими и Химическими книгами, — но въ нихъ Философія почтена вещію постороннею, излишнею. Нѣтъ ни одного уже не говорю полнаго курса Философіи, нѣтъ даже ни одного Журнала, котораго хотя бы нѣсколько страницъ были посвящены Философіи, — которой бы знакомилъ насъ съ усиліями Геніевъ, друзей человѣчества, подвизающихся на пути къ сей основѣ человѣческихъ знаній, и безъ коей всякое знаніе не имѣетъ никакого существеннаго значенія, точно

также, какъ всякое тѣло безцвѣтно когда не подвержено дѣйствію *свѣта*. Я уже имѣлъ случай упоминать о статьяхъ, совершенно новыхъ и прекрасныхъ по части современнаго Любомудрія, помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ Европы 1822 г. (*).

Но утомилась рука, метавшая бисеръ— и теперь наши Журналы по прежнему наполняются стишками — *о радости и младости* — нелѣпыми толкованіями о безполезности Философіи, и т. п. Но скажутъ мнѣ, что Журналистамъ надобно сообразоваться съ духомъ Публики — согласенъ, но не льзя ли съ одной стороны сообразуясь съ онымъ съ другой стараться привлекать читателей хотя мало по малу къ занятіямъ болѣе возвышеннымъ. — Мы живемъ въ XIX столѣтіи!

Не говорю уже о высшей необходимости истинной Философіи; этой необходимости не выполкуешь глухонѣмымъ; но если бы кто захотѣлъ внимательнѣе посмотрѣть на отношенія, связующія явленія съ ихъ на-

(*) Не считаю нужнымъ оправдываться въ томъ, что не я Авторъ сихъ статей. Онѣ написаны человѣкомъ, который не пойдетъ въ сообщительство съ Г. Булгаринымъ. *Сост.*

чалами: то нашелъ бы, что единственная причина тому, что мы до сихъ поръ и въ искусствахъ и наукахъ — только подражатели есть презрѣніе къ Любомудрію. Ибо возьмемъ для примѣра частный случай: гдѣ у насъ для художника нить Аріаднина въ лабиринтѣ искусства; онъ стремится сотворить что-либо новое, оригинальное, а ему во всѣхъ нашихъ весьма не философическихъ Есшетикахъ твердятъ, что образованіе художника должно состоять въ изученіи образцовъ (nos grands maitres, какъ говорятъ поклонники Лагарповъ и Вольтеровъ) и къ етому присовокупляютъ отъ временъ Аристотеля до сихъ поръ еще повторяемое, но еще непонятое неопредѣленное какое-то *подражаніе природѣ*. Вовлеченный въ заблужденіе условными правилами, пораженный произведеніемъ какого-либо Генія, художникъ забываетъ о собственной дѣятельности и вмѣсто того, чтобы быть соперникомъ сего Генія становится подражателемъ. По неволѣ художникъ останавливается на окружности, когда нѣтъ ему проводника къ средоточію, изъ коего всѣ явленія представились бы ему въ гармонической, живой цѣлости.

Еще мало; не только боятся говорить о Философіи, но даже, какъ замѣчено прежде меня, до сихъ поръ нѣкоторые почитаютъ сію науку не только безполезною, но даже вредною; до сихъ поръ Философа не могутъ себѣ представить иначе, какъ въ образѣ Французскаго говоруна 18 вѣка (*); много ли такихъ, которые могли бы измѣрить, сколь велико разстояніе между истинною, небесною Философіею — и Философіею Вольтеровъ и Гельвеціевъ? а до сихъ поръ найдутся люди, готовые еще сказать съ Сумароковымъ:

Во мудрованіи не трать напрасно словъ,
Коль хочешь въ Небѣ быть, не буди Философъ.

Но Сумароковъ имѣлъ право сказать сіе въ свое время!

Да не почтутъ сіи мысли написанными для того, чтобъ возвысить въ глазахъ читателей цѣну сочиненія, которое я имъ на судъ предоставляю. Хотя всякій

(*) По сему-то мы для отличія и называемъ истинныхъ Философовъ — *Любомудрами*. С.

трудъ по сей части заслуживаетъ уваженіе, уже по своему безкорыстію, ибо часто одна Донъ-Кишотова слава ожидаетъ рыцарей, осмѣливающихся возжигать свѣтильникъ Философіи и возставать съ онымъ противъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и слабоумія; но и Философическое сочиненіе можетъ быть дурно, какъ всякое другое, — и потому не заслуживать вниманія.

Желая сколько въ моихъ силахъ, распространить свѣдѣнія въ настоящемъ смыслѣ полезныя, я уже около двухъ лѣтъ тружуся, хотя и непостоянно, надъ составленіемъ *Словаря Исторіи Философіи.* Почитаю нужнымъ сказать, что въ немъ, сообразственно его названію читатели не должны искать описанія частной жизни Философовъ, какъ-то обыкновенно въ Словаряхъ бываетъ; такія подробности, драгоцѣнныя для Поэта, ничтожны въ глазахъ Любомудра; въ Словарѣ моемъ составляемомъ будутъ исключительно помѣщены одни изложенія самихъ Системъ; ему будетъ предшествовать обзоръ всѣхъ главнѣйшихъ ученій и вліяніе каждаго изъ оныхъ на всеобщее совершенствованіе человѣчества; къ сему-то обзору Словарь

и будетъ принадлежать какъ бы для повѣрки. Зная, что одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ всякаго историческаго сочиненія есть достовѣрность, я вездѣ гдѣ только могъ ссылался на самые источники, а за недостаткомъ оныхъ на людей, уже заслужившихъ довѣренность ученаго свѣта, каковы: Бруккеръ, Буле, Теннеманъ, Штекъ, Дежерандо, Штуцманъ и проч. (*). По прилагаемому здѣсь пусть мыслящіе рѣшатъ — оставить ли мнѣ свой трудъ, или продолжать его съ новымъ рвеніемъ; въ послѣднемъ случаѣ приглашаю всѣхъ занимающихся Философическими науками способствовать мнѣ къ скорѣйшему изданію сего Словаря присылкою изложеній Системъ различныхъ Философовъ. Онѣ будутъ приняты съ благодарностію (**).

(*) Частный человѣкъ не можетъ имѣть всѣ древнія, весьма рѣдкія изданія, а у насъ въ Москвѣ къ сожалѣнію еще нѣтъ открытой Публичной Библіотеки, при теперешней дѣятельности умовъ, необходимо нужной. С.

(**) Разумѣется со всѣми Журнальными условіями, касательно не помѣщенія и проч. Для сего здѣсь собственно и помѣщается и отрывокъ изъ Словаря со всѣми принадлежно-

Здѣсь для образца предлагаю на судъ читателямъ нѣсколько отрывковъ изъ моего Словаря. Я нарочно выбралъ составлявшихъ Секту Идеалистико-Елеатическую. Сія Секта на которую до сихъ поръ мало обращали вниманія (1) замѣчательна по многимъ отношеніямъ:

а) Въ ней первой явилася нѣсколько стройная Система (2) и въ семъ отношеніи самый Анаксимандръ, почитаемый чудомъ древняго міра, долженъ уступить Елеатикамъ; Анаксимандръ, который болѣе поражаетъ великостію своего Генія, смѣлыми идеями касательно мірозданія, какъ бы предчувствіемъ истины, нежели существенною пользою, принесенною Любомудрію въ его цѣлости.

стями дабы желающія участвовать въ оном, могли видѣть какую форму желаю я дать изложеніямъ Системъ. С.

(1) Выключая Германскихъ Писателей. Особенно замѣчательны труды Фюллеборна по сей части. С.

(2) Чрезвычайно любопытный обзоръ сего періода въ ходѣ ума человѣческаго находится у современнаго намъ мыслителя Штуцмана. (См. Stuzmann's Philosophie der Geschichte der Menschheit § 68). Также см. Дежерандо *Hist. comp. d. Syst. de Philos. t. I. p. 448.* С.

b) Секта Идеалистико-Елеатическая вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ была какъ бы предтечею возвышенныхъ мыслей самаго божественнаго Платона, далѣе повторилася въ *средней* Академіи (3), ярко мелькнула между такъ называемыми Александрійскими Неоплатониками (4) одушевила во мракѣ XVI

---

(3) Т. е. разумѣя здѣсь Аркезилая и Карнеада. Въ семъ случаѣ мы держимся раздѣленія Дежерандо (см. *Hist. comp. d. Syst. de Philos. t. 3. p. 106*). Теннеманъ (см. Grundr. der Geschihte der Philos.) также не смѣшиваетъ ихъ съ Академіею Филона и Антіоха; ибо сіи два послѣдніе Секта-тора явственно отличаются отъ первыхъ. Антіохъ не узналъ Платона въ сочиненіяхъ Филоновыхъ, а самъ по свидѣтельству Цицерона былъ болѣе Стоикъ, нежели Академикъ (*Cicer. Quaest. Acad. II. c. 4. 6. 22*); тогда какъ Аркезилай, по свидѣтельству Секста Емпирика, держался совершенно ученія Платонова; и если казался Скептикомъ: то ето была только личина, съ помощію которой онъ испытывалъ своихъ учениковъ. По сему-то многіе находили большое сходство между Аркезилаемъ и Сократомъ; приведенное Секстомъ Емпирикомъ обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ сіе мнѣніе; ибо *сомнѣніе* Аркезилаево не отвѣчаетъ ли *незнанію* Сократову? С.

(4) Т. е, разумѣя здѣсь Плотина, или Нумения. Извѣстны споры ученыхъ о

столѣшія необыкновенное явленіе — Джіордано Бруно, (5) породила великаго духомъ

шомъ, кому изъ нихъ двухъ (Плотина и Нуменіи) принадлежитъ честь созданія Неоплатонизма. Сюда же должно причислить и Аммонія, который по свидѣтельству Евсевія былъ учителемъ Плотина и которому первому вспало на мысль соединить ученіе Академіи съ ученіемъ Лицея. Сюда же причисляются Порфирій, Ямблихій, Проклъ и проч. С.

(5) Можно довольно хорошее понятіе получить о семъ Мыслителѣ прочитавши въ Бруккерѣ: *Inst. Hist. Philos. Per. tert. p. II. l. I. Cap. II §§ I. III, IV, V et VI.* — Бруно въ жизнь свою подвергнулся общей участи мужей великихъ: современники не могли оцѣнить его, они его не понимали. Фрегерій въ своемъ огромномъ Словарѣ: *Theatrum virorum eruditione clarorum*, напечатанномъ въ 1688, въ которомъ помѣщены всѣ возможные ученые отъ 1118 до 1680 года, большею частію совершенно не заслуживающіе вниманія, — Фрегерій совсѣмъ не упоминаетъ о Джіорданѣ Бруно. Одна ненависть Фрегерія къ Бруно какъ Католика не могла произвести такого пропуска. Бель (см. *Dict. T. I. p.* 672) также нападаетъ на Бруно, по причинѣ, о которой мы упомянемъ въ слѣдующемъ замѣчаніи. Съ Беля — списали во всѣхъ книгахъ мнѣніе о Бруно; но любопытно знать на чемъ основывается самъ Бель, онъ говоритъ: „*On prétend*, qu'il (Bruno) fit des livres ou il attaquait les vérités de

Спинозу, (6) наконецъ была основаніемъ Теоріи многихъ новѣйшихъ Мыслителей,

---

la foi.... Jean Henri Ursin m'aprend cela.... il raporte toutes ces choses sur la foi de Scioppius qui en avait fait la relation dans une *certaine* lettre. Le Sieur Nicodeme dit qu'on ne sait pas certainement si tout ce que Jean Henri Ursin débite est veritable," и проч. (См. *D. t. I. p. 672, 673 и Зам. В.*) Вотъ основаніе всѣхъ ложныхъ толковъ о Бруно — вѣрь послѣ етаго Историкамъ. Въ послѣдствіи лучше начали цѣнить его: Картезій обязанъ ему многими своими мыслями, хотя и не сказалъ етаго. С.

(6) Тѣ, которые до сихъ поръ оскверняютъ высокое титло Философа именами Вольтеровъ и Гельвеціевъ удивятся епитету, приданному мною Спинозѣ; но для мыслящихъ сей епитетъ не покажется страннымъ. Люди, каковы Бель, Вольтеръ и имъ подобные, стремившіеся подрыть основаніе Хрістіанской Религіи, встрѣчали важное противудѣйствіе въ Системѣ Спинозы, совершенно основанной на нравственности Христіанской. Она одна изъ всѣхъ тогда бывшихъ Системъ могла рѣшить вопросы, приводившіе въ недоумѣніе другихъ Сектаторовъ, которые хотя и видѣли заблужденія Деистовъ и Атеистовъ; но сами не имѣя твердаго основанія не были въ состояніи рѣшительно отразить нападенія Софистовъ; чтобы избавиться отъ такого препятствія Софисты рѣшились представить

далеко оставившихъ за собою всѣ усилія прежде бывшихъ Любомудровъ.

Система Елеатиковъ не можетъ не заключать въ себѣ многихъ заблужденій,

---

Систему Спинозы совершенно въ превратномъ видѣ и обвинить его въ своихъ собственныхъ преступленіяхъ: Бель напалъ на Спинозу съ длинными, запутанными Софизмами, Вольтеръ съ обыкновеннымъ своимъ орудіемъ — насмѣшкою. Не льзя равнодушно читать нелѣпости, которыя Бель взводитъ на глубокомысленнаго Любомудра; трудно повѣрить въ наше время такому явному обману; но пусть сомнѣвающійся въ томъ заглянетъ въ *Diction. Hist. et Crit- par P. Bayle, edit. de 1720 t. 3.* въ статью о Спинозѣ, съ принадлежащими къ оной замѣчаніями, изъ коихъ опличительнѣйшіе по своей нелѣпости подъ буквами: *A. K. L.* и особенно *N.* и проч. — и потомъ сравнитъ сію статью съ изданными въ 1802 году въ Енѣ твореніями Спинозы (*), коихъ полное заглавіе таково: *Benedicti de Spinoza Opera, quae supersunt omnia, iterum edenda curavit, praefationes, vitam auctoris, nec non notitias, quae ad historiam scriptorum pertinent, addidit Henr. Eberh. Gottlob Paulus.* Такова участь людей, опереживающихъ свой вѣкъ, возвышающихся надъ понятіями обыкновенными: во время жизни Спинозы — спокойствіе его было нару-

(*) Сіе изданіе весьма рѣдко, оно попалось мнѣ случайно.

какъ и всѣ системы, современныя младенчеству рода человѣческаго. Но Историкъ-мыслитель съ любопытствомъ и восхищеніемъ взираетъ на усилія младенчествующаго ума человѣческаго, стремящагося къ открытію таинствъ возвышенныхъ. Одно Откровеніе могло вознести до нихъ человѣка и показать ему путь истинный, чуждый заблужденія. Haec est via recta et secura, in ea errare non possumus.

лаемо невѣждами-современниками, не понимавшими его; и до сихъ поръ тѣже люди, которые называютъ Вольтера Философомъ, честятъ Спинозу гнуснымъ названіемъ Атеиста, когда какъ стоитъ заглянуть хотя въ письма, писанныя Спинозою къ разнымъ лицамъ (находящіяся въ упомянутомъ изданіи) чтобы увѣриться въ прошивномъ. Но тщетно поборотъ усиліе духа; вращаются вѣки и потомки преклоняютъ колѣно предъ прахомъ мужа великаго, долго бывшаго въ презрѣніи; а срамъ ложится на могилу ничтожныхъ, прежде неправедно прославленныхъ. *С.*

КСЕНОФАНЪ.

(Кор. *ξένος* — чужестранецъ; *φαίνειν* — казаться).

За 536 лѣтъ до Р. Х. около 61 Олимпіады (1).

Ксенофанъ, по мѣсту своего рожденія названный Колофонскимъ, есть основатель Елеатической Секты, получившей сіе названіе отъ города Елея въ Греціи, гдѣ сія секта образовалась.

Основаніе сія Секта получила отъ *Италійской*; распалася на два отдѣла: на Секту *Идеалистико-Елеатическую* и *Атомистико-Елеатическую*, иначе на *Елеатиковъ-Метафизиковъ* и *Елеатиковъ-Физиковъ* (2).

Ксенофанъ первый изъ Философовъ показалъ свои умствованія *умозрѣнію* (3).

---

(1) Сіе исчисленіе по Теннеману; оно почитается достовѣрнѣйшимъ. *С.*

(2) О составлявшихъ сію послѣднюю Секту и о ея отличіи отъ Идеалистической будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ. *С.*

(3) Замѣчательно въ отношеніи къ духу времени, что Ксенофанъ, подобно Пармениду, Empедоклу, Ѳалесу и другимъ преподавалъ свое ученіе стихами (см. *Plut. de Orac. § XXXIV*). У древнихъ во время младенчества рода человѣческаго Философія произрастала на полѣ Поезіи и была какъ бы чуждымъ, слу-

Пиѳагорейцы стремилися разнообразіе предметовъ привести къ однимъ началамъ; Ксенофанъ пошелъ далѣе: онъ силился самыя сіи начала вывести изъ безусловнаго единства: Его не удовлетворяли предположенныя его предшественниками: вѣчная, первоначальная стихія, и вѣчная, дѣйствующая сила; сіи предположенія весьма многихъ явленій не объясняли; онѣ не разрѣшали главнаго вопроса Ксенофанова о причинѣ образованія предметовъ.

„Что существуетъ, то вѣчно,“ (*) говорилъ онъ: „ибо ничто не происходитъ изъ ничего.“ (4)

„Если ничто изъ ничего не происходитъ: то вселенная, не могла быть

чайнымъ на немъ растѣніемъ; нашъ вѣкъ, вѣкъ возмужалости; въ наше время Поезія есть кажется случайное растѣніе; оно произрастаетъ не свободно, не отъ внутренней дѣятельности, но отъ внѣшнихъ усилій. Не нашему ли вѣку досталось въ удѣлъ преимущественно поприще Любомудрія?

(4) *Ἀίδιον εἶναί φησιν εἴ τ ἐστιν, εἴπερ μὴ ἐνδέχεται γενέσθαι μηδὲν ἐκ μηδενός. Arist. de Xenophane.* См. St. Gesch. der Phil.

(*) Да не подумаютъ иные, будто бы мы принимаемъ мнѣнія Ксенофана и другихъ Елеатиковъ за истину; мы предлагаемъ ихъ, только какъ матерьялы для исторіи, какъ предметъ для разсужденій и опроверженій.

сотворенною; ибо въ такомъ случаѣ она не существовала до своего рожденія; была ничто (5). Сверхъ того, „продолжалъ онъ“ если бы существо (или существа) могло быть сотвореннымъ, то оно долженствовало бы произойти отъ основанія (*πρωτότυπον*) съ нимъ однороднаго, или разнороднаго. Въ первомъ случаѣ сіе основаніе повторило бы только самаго себя; второе же не возможно, ибо въ существѣ происшедшемъ отъ основанія съ нимъ разнороднаго, должно непремѣнно находится нѣчто такое, чего нѣтъ въ самомъ основаніи, слѣдственно такое, которое не имѣетъ никакого основанія, что нелѣпо.

„Существо не сотворенное, но предвѣчное престать существовать не можетъ, ибо нѣтъ ничего внѣ его, чтобы

По изслѣдованіямъ Фюллеборна между отрывками Аристотеля, подъ названіемъ: *De Xenophane, Zenone et Gorgia* — первые два суть точное изложеніе Ксенофановой Системы.

(5) См. *Plut. de Plac. Philos. l. I. § IV.* „Ксенофанъ думалъ,“ говоритъ, „что вселенная вѣчна и неизмѣняема и не могла быть сотворенною, не предвѣчною. Также см. *Eus. Praep. Evang. l. II. § VIII, Plut. § IV.*

могло положить ему предѣлъ; два существа предвѣчныя взаимно бы себя ограничили и существованіе бы престало. Сіе существо предвѣчное, единое должно быть неизмѣнямо; ибо оно есть *все* и вмѣстѣ *ничто:* оно ни одного особеннаго свойства въ себѣ не заключаетъ, но всѣ безъ исключенія въ себѣ содержитъ; не откуда пріобрѣсти ей новаго свойства.“ (6)

„Такимъ существомъ Ксенофанъ представлялъ себѣ Бога. „Ксенофанъ воззрѣлъ на вселенную,“ говоритъ Аристотель „и назвалъ *единое* — Богомъ.“ (7) Отсюда выводилъ онъ заключенія, коими поражалъ

---

(6) Dogmata Xenophanis ita exponit Aristoteles: (*Metaph. l. I. c. 5*) fieri non posse, ut ex nihilo quidpiam existat: *aeternum* itaque esse et *semper* fuisse, quidquid est; quod aeternum sit, esse infinitum, unum, ex omni parte sibi simile, immobile et immutabile; Deum esse hoc unum incorporeum, aeternum, cujus substantia globosa sit; nihil illud cum hominibus commune habere, totum videre, audire esse simul omnia, nec corpore, nec animo homini comparandum. *Bruck. H. Ph.* p. 246 § IV.

(7) *Εἰς τὸν οὐρανὸν ἀποβλέψας, τὸ ἓν εἶναι φησὶ τὸν θεόν. Arist .Metaph.*

защитни•овъ полиеизма, или многобожія и даже смѣялся надъ ними (8).

„Какъ Богъ есть существо всесовершенное“ говорилъ Ксенофанъ „все въ себѣ заключающее и никакимъ особеннымъ свойствомъ неотличимое, то онъ—*единъ*. Если допустить существованіе нѣсколькихъ Боговъ, то необходимо допустить должно и то, что они суть равны или неравны въ совершенствѣ; если они равны, то ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть существомъ совершеннымъ, быть *Все*; если они не равны, то менѣе совершеннѣйшій долженъ подпасть подъ власть болѣе совершеннаго и слѣдственно перестать быть существомъ всесовершеннымъ.

---

(8) См. Плут. *о суевѣріи* § XXXII, гдѣ онъ приводитъ слова Ксенофана Египтянамъ, которые принося жертвы Богамъ, поражали себя въ грудь и другіе знаки отчаянія показывали: „Если тѣ, коимъ вы приносите жертвы — Боги (и слѣдственно милосердые и всевѣдущіе)“ говорилъ Ксенофанъ „то за чѣмъ вы ихъ упрашиваете; если они люди — за чѣмъ приносите имъ жертвы?“ Также у Плутарха сохранены стихи Ксенофана, въ которыхъ онъ говоритъ, что нѣтъ человѣка, который бы зналъ навѣрное, что такое боги и проч. (См. *о тѣни Постовъ* § VIII).

„Богъ“ продолжалъ Ксенофанъ будучи единымъ, вѣчнымъ, вмѣстѣ и не конеченъ и небезконеченъ: не конеченъ ибо предѣла имѣть не можетъ подобно тѣлу физическому; не безконеченъ,—ибо ето есть свойство ничтожества, а Богъ не есть оное. Онъ не движимъ, ибо нѣтъ столь великаго пространства, гдѣ бы онъ могъ двигаться; онъ движимъ, ибо дѣятельность есть свойство возможнаго совершенства. Онъ подобенъ — лишь самому себѣ; но какъ ничто не можетъ выразить существа единаго, вездѣ самому себѣ подобнаго, кромѣ шара, какъ неподверженной чувствамъ точки изъ самой себя во всѣ направленія равно протягающейся, то приличнѣе всего изображеніе Божества представлять въ видѣ сферы.“ (9) Изъ сего можно заключить, что Ксенофанъ никакъ не почиталъ сферу за самое Божество, какъ нѣкоторые думали (10), но только за Символъ онаго.

---

(9) См. Замѣчаніе 6 къ Ксеноф. и Зам. 1-е къ Парм.

(10) Какъ напр. Бель; (см. *Dict. Hist. Art. Xenophane p.* 2887. Зам. В.) находя сходство между Ксенофаномъ и Спинозою, котораго онъ старался не понимать, Бель не хотѣлъ понимать также и Ксенофана.

Ксенофана не устрашало разногласіе его положеній съ явленіями, подлежащими чувствамъ. (11). Въ такомъ случаѣ онъ говорилъ, что чувства насъ обманываютъ и что не должно довѣрять имъ, что въ чувственныхъ предметахъ мы не можемъ открыть истины, а только подозрѣвать оную. Такимъ образомъ въ отношеніи къ предметамъ чувственнымъ, онъ былъ Скептикомъ, тогда какъ рѣшительно допускалъ справедливость тѣхъ познаній о вселенной, которыхъ мы чрезъ чувства

Любопытно видѣть какъ перетолковываетъ онъ слова Цицерона о Ксенофанѣ. (См. Тамъ стр. же 2886 и *Cicer. de Nat. Deor. p.* I). Здѣсь не льзя довольно распространиться о семъ предметѣ, въ своемъ мѣстѣ будетъ о немъ упомянуто.

(11) Понятія его о явленіяхъ въ Природѣ чрезвычайно сбивчивы и смѣшанны. Онѣ никакъ не соглашаются съ его умозрѣніями; ето объясняется тѣмъ, что Ксенофанъ совершенно отдѣлялъ познаніе міра духовнаго отъ познанія міра вещественнаго. Изложенія сихъ понятій относятся къ Исторіи Физики и потому не входятъ въ составъ нашего Словаря. Сверьхъ того, о нихъ толкуется во всѣхъ Словаряхъ. Мы стараемся знакомить нашихъ читателей съ предметами болѣе важными и неизвѣстными.

пріобрѣсти не можемъ: каковы понятія о вѣчности, единствѣ, безконечности, тожественности—ибо ихъ нѣтъ въ чувственныхъ предметахъ. Не здѣсь ли мелькаютъ искры идей Платоновыхъ? (12).

---

(12) Въ Федонѣ, Платонъ заставляетъ Сократа спрашивать у Симмія: какимъ внѣшнимъ чувствомъ онъ можетъ постигнуть или осязать не только праведное, доброе, прекрасное, но даже величину, здравіе, силу, однимъ словомъ—сущность вещей? — *Ἀλλ' ἄλλῃ τινὶ αἰσθήσει τῶν διὰ τοῦ σώματος ἐφήψω αὐτῶν; λέγω δὲ περὶ πάντων, οἷον μεγέθους πέρι, ὑγιείας, ἰσχύος, καὶ τῶν ἄλλων ἑνὶ λόγῳ ἁπάντων τῆς οὐσίας* et caet. *Plat. Phaed. in Bibl. Class. Script. Pros. Graecor. t.* XXVI p. 87.

ПАРМЕНИДЪ.

(Кор. *παράμενω* — ожидапь).

За 504 лѣтъ до Р. Х. — около 61 и 80 Олимпіады (1).

Елеатикъ-Метафизикъ, послѣдователь Ксенофана Колофонскаго.

Ксенофанъ говорилъ, что чувства обманываютъ; Парменидъ еще болѣе развилъ сію мысль: (2) онъ утверждалъ, что посредствомъ ихъ не льзя открыть никакой истины; вмѣстѣ стремился согласить чувственныя представленія съ умозрѣніемъ; потому главнымъ его вопросомъ было — различіе познаній умозрительныхъ съ опытными.

„Опытность показываетъ“ говорилъ Парменидъ „что чувства насъ обманыва-

---

(1) По Бруккеру — около 69 Олимпіады.

(2) Парменидъ, подобно Ксенофану и другимъ излагалъ ученіе свое стихами. (*Pl. de Or. § XXXIV*). Въ началѣ своей Поемы, сохраненной Секстомъ Емпирикомъ (*Adv. Log. VII*), Парменидъ говоритъ, что не должно ввѣряться чувствамъ, зрѣнію, или слуху; что опвергши лишь сихъ путеводителей и положась на одинъ умъ, можно достигнуть истины. *Деж. Hist. Phil.*

произойти ему? Изъ ничтожества? — Невозможно; не льзя постигнуть ничтожества, или несуществованія. Какая сила могла извлечь что-либо изъ ничтожества, (6) и именно въ опредѣленное время, ни раньше, ни позже? — Нѣтъ! *Сущность вещей безначальна и безконечна.*

„Между пѣмъ, чувства показываютъ, что все въ Природѣ преходитъ: является и исчезаетъ безпрерывно; (7) если сіе справедливо, то нѣчто происходитъ изъ ничего и вышеприведенное положеніе ума ложно; если же сіе несправедливо — то

менидомъ о томъ, что *все* едино, постоянно, само собою условлено (*αὐτὸ ἐν αὐτῷ*) и что нѣтъ пространства гдѣ бы оно могло двигаться.“ Согласно съ симъ говоритъ и Евсевій (*Praep. Evang.* l. II. c. VIII. § V): „Парменидъ утверждалъ, что вселенная, вѣчна и недвижима; едина и не произошла отъ чего-либо; ибо продолженіе есть *мнѣніе* ложное, что чувства не могутъ довести до истины; что существующее внѣ существованія не существуетъ въ самомъ дѣлѣ и проч.“ См. также Платонова *Парменида.*

(6) *Παρμ. Ἐτη. Ex coll. Fül.*

(7) Buhle's Lehrbuch. d. Gesch. d. Phil. I b.

или нѣтъ истиннаго существованія, или видимыя измѣненія суть обманы чувствъ, измѣненія, основанныя на какомъ-то существованіи, но которое можно постигнуть однимъ умозрѣніемъ. (8) *Сущность вещей постигается однимъ умозрѣніемъ,—не льзя ощущать ее.* Въ семъ смыслѣ — *всякій предметъ въ Природѣ есть мысль.*“

Такимъ образомъ изъ сихъ сбивчивыхъ понятій можно заключить то, что Парменидъ отдѣлилъ Философію умственную, или умозрительную Философію *Истины*, отъ Философіи чувственной, или какъ называлъ онъ Философію *Мнѣнія* (9).

Основаніемъ предметовъ чувственныхъ Парменидъ полагалъ Свѣтъ и теплоту

---

(8) „Можно тогда только полагаться на чувства, когда представленія оныхъ поддерживаются умозрѣніемъ.“ *Περι. Ἐπη Ex col. Fül.*

(10) Ea quae veresimiliter ei tribui possunt, his comprehenduntur, — говоритъ Брукеръ (*Iac. Bruc. Inst. Hist. Phil. Per. l. II. c. XI § VIII*). philosophiam duplicem esse, vel secundum opinionem et sensum, id est, secundum mutabilem materiae naturam, vel secundum veritatem et rei essentiam et caet.

„Ѳирный огонь (10) благой, тонкой, самъ съ собою вездѣ тожественный, и ничему другому неподобный, пребывающій лишь въ самомъ себѣ (слово въ слово: онъ лишь съ собою: *ἀτὰρ κἀκεῖνο κατ᾽ αυτό*); противоположное ему: мракъ, существо твердое, тяжелое (11)."

---

(10) . . . . . *αἰθέριον πῦρ*
Ἤπιον ὄν, μέγ᾽ ἀραιὸν, ἑαυτῷ, πάντοσε τωὐτὸν,
Τῷ δ᾽ ἑτέρῳ μὴ τωὐτον· ἀτὰρ κἀκεῖνο κατ᾽ αὐτό
Ἀντία νυκτάδα ἢ. πυκινὸν δέμας ἐμβριθές τε.
Παρμ. Ἔπη — Ex. coll. Füll.

(11) Сверьхъ того, онъ первый сказалъ, что луна освѣщается солнцемъ. (*Plut. de Plac. phil. l. II. c. I. § 26*).

МЕЛИССЪ.

(Кор. *μέλισσα* — пчела, *μέλι* — медъ).

Около 450 до Р. Х. около 83 Олимпіады.

Елеатикъ Метафизикъ, послѣдователь Парменида.

Парменидъ почиталъ сущность вещей существомъ отвлеченнымъ, подлежащимъ одному умозрѣнію, но не сомнѣвался въ точномъ измѣненіи предметовъ, ощущаемыхъ чувствами. Мелиссъ напротивъ представлялъ себѣ сущность вещей чѣмъ-то вещественнымъ и сей вещественности, не имѣющей никакой опредѣленной формы, онъ придавалъ свойства, до которыхъ довело его умозрѣніе (1).

„Если сущность вещей (2) по умозаключенію Парменида,“ говорилъ Мелиссъ, „едина, нераздѣльна, то она не можетъ имѣть какой-либо опредѣленной формы и въ пространствѣ не можетъ быть постигаема. Постигнуть ее можно лишь но

---

(1) Buhle's Lehrbuch d. Gesch. Phil. 1 b.

(2) *Plut. de Plac. Philos. l. I. c.* XXIV. *Bruc. Inst. Hist. Philos. Per.* I. l. II. c. XI § X.

времени, которое въ сущности вещей заключается совершенно, ибо существующее не можетъ престать существовать.“ (3)

Мелиссъ подобно Ксенофану и Пармениду утверждалъ, что не льзя постигнуть что такое Богъ; но сіе говорилъ онъ только въ отношеніи къ древней Религіи; Бога онъ почиталъ, какъ сущность вещей, единую, нераздѣльную, безконечную (4).

---

(3) *Arist. Phys.* III.

(4) *Laert. l. IX. Плут. о чтеніи Поетовъ.* § VIII.

ЗЕНОНЪ.

(Кор. *Ζῆν* Dor. вмѣсто *Ζᾶν* — отъ *Ζάω* — живу).

Около 504 лѣтъ до Р. Х. Между 79 и 80 Олимпіады.

Елеатикъ-Метафизикъ, ученикъ и послѣдователь Парменида.

Зенонъ — явленіе весьма достопримѣчательное въ лѣтописяхъ ума человѣческаго. Онъ явился на сцену въ то время, когда всѣ были вооружены противъ Елеатиковъ за ихъ недовѣрчивость къ чувствамъ. Парменидовой идеѣ объ единствѣ противуполагали многоразличіе предметовъ, утверждаемое опытностію; опроверженію движенія — противупоставлялась безпрестанное измѣненіе предметовъ, ощущаемое чувствами. Зенонъ рѣшился поразить противниковъ ихъ же собственнымъ оружіемъ: разсуждая о какомъ-либо предметѣ, онъ какъ бы бралъ сторону своего соперника, развивалъ ею собственную мысль и доводилъ ее — до нелѣпости.

Вотъ нѣкоторые его силлогизмы, которыми онъ приводилъ въ затрудненіе защитниковъ опытности:

Опроверженіе движенія:

Положимъ, что пущенная стрѣла (1) движется; но въ каждое мгновеніе она находится въ пространствѣ ей равномъ; слѣдственно она въ семъ пространствѣ находится въ покоѣ; слѣдственно она каждое мгновеніе находится въ покоѣ и въ движеніи, что невозможно.

Опроверженіе пространства:

Положимъ, что пространство существуетъ. Въ такомъ случаѣ оно гдѣ-либо находится; т. е. предполагаетъ другое пространство; это пространство предполагаетъ еще другое пространство и такъ до безконечности — слѣдственно нѣтъ пространства (2).

Такого рода сужденія заставили нѣкоторыхъ почитать его Скептикомъ; но это неправда; одно мѣсто у Платона (3) весьма ясно показываетъ, что Зенонъ держался ученія Парменидова и что силлогизмы его были только оружіе для нападенія на противниковъ его учителя.

---

(1) *Arist. Phys.* l. VI. c. IX.

(2) *Arist. Phys.* l. IV. c. III.

(3) *Plat.. Parm.*

Зеноиъ не составилъ никакой особенной системы (4); его цѣлію было поддержать мнѣнія Парменидовы, доказать, что опытность имѣетъ множество различныхъ сторонъ изъ коихъ каждая можетъ быть справедлива и несправедлива, и что слѣдственно опытность ведетъ къ заблужденіямъ; наконецъ, что одно умозрѣніе можетъ довести насъ до истины.

Онъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что примѣръ его силлогизмовъ возбудилъ многихъ подражателей и произвелъ гибельную Секту Софистовъ (*).

Здѣсь оканчиваю мой отрывокъ. Размышляя о сектѣ Елеатиковъ находимъ, что всѣ они взаимно себя поддерживаютъ и какъ бы дополняютъ; такъ, что не каждый въ особенности, но всѣ вмѣстѣ только образуютъ полную Систему; основаніе оной—идея существа безконечнаго, единаго, безусловнаго, тождественнаго со вселенною (5). Вообще открываемъ въ нихъ мысли глубокія, но смѣшанныя,

---

(4) *Eus. Prep. Evang.* l. II. c. VIII. § 6.

(5) Tennemanns Gechid. d. Philos. p. 67.

(*) См. *Софисты*.

видимъ хаосъ готовящійся преобратиться въ новый міръ, но еще не обратившійся; сравнивая же усилія древнихъ мыслителей съ усиліями новѣйшихъ, невольно вспоминаемъ слова Тидемана:

„Исторія Философіи, въ своей цѣлости представляетъ зрѣлище самое утѣшительное: духъ человѣка, однажды возбужденный, не только никогда вспять не обращался, но даже и не останавливался: вѣка не прерывали его стремленія; въ то время когда въ Греціи ослабѣла страсть къ познаніямъ, Философія перешла въ Аравію и тамъ новыя области подчинила своему владычеству; когда любовь къ открытіямъ потухла у Арабовъ, тогда возгорѣлась она на Западѣ и Сѣверѣ Европы и пролила свѣтъ посреди мрака; наконецъ когда Европейцы ограничилися спорами о словахъ, тогда снова возбудили ихъ отъ сна древнія остатки Греческой мудрости, принесенныя изъ Константинополя. Нѣтъ вѣка, который бы не былъ ознаменованъ появленіямъ Мыслителя возвышеннаго, который бы не расширилъ круга познаній человѣческихъ. Что Духъ человѣчества стремится непрестанно — ето неоспоримо; что онъ стремится къ благородному и

возвышенному — ето доказываетъ Исторія. Сколь утѣшительна ета истина! какъ возвышаетъ она душу, особливо въ наше время, когда столько козней, столько нелѣпостей полагаютъ препону совершенствованію; но опираяся на великодушныхъ своихъ служителей, оно торжествовало, оно будетъ торжествовать и ничто не остановитъ его стремленію къ лучшему; ибо надъ вселенною царствуетъ *добро* высочайшее: пусть наука не достигла еще совершенства, котораго мы отъ нея требуемъ; ето не должно ослаблять нашу дѣятельность. Предъ нами миріады вѣковъ, и въ сихъ миріадахъ сколько новыхъ открытій, сколько свѣтлыхъ путей, сколько новыхъ сокровищъ ожидаютъ человѣка! Стремленіе духа его медленно — намъ говорятъ о томъ времена прошедшія; но придетъ сіе щастливое время, ласкающее насъ надеждами столь сладкими, обѣщающее намъ столько новыхъ успѣховъ, — когда бы то ни было — но придетъ оно!“

Одесск.

XVI.

БУРЯ.

Завыла буря; хлябь морская
Клокочетъ и реветъ, и черные валы
Идутъ, другъ на друга сердито налегая,
Бьютъ гнѣвно пѣняся прибрежныя скалы.

Чья непріязненная сила,
Чья *мощная* рука
Сгустила въ тучи облака
И на краю небесъ ненастье зародила?
Кто возмутивъ природы чинъ,
Горами влажными на землю гонитъ море?
Не тотъ ли злобный духъ геенны властелинъ
Что по вселенной разлилъ горе?
Что человѣка подчинилъ
Желаньямъ, немощи, страстямъ и разрушенью
И на творенье ополчилъ
Всѣ силы данныя творенью?
Земля трепещетъ передъ нимъ:
Онъ небо заслонилъ огромными крылами
И двигая ревущими водами
Любуется могуществомъ своимъ.

Иль вѣчнымъ будетъ заточенье!
Когда волнамъ твоимъ я ввѣрюсь океанъ?

Но знай, красой далекихъ странъ
Не очаровано мое воображенье.
Подъ небомъ лучшимъ обрѣсти
Я лучшей доли не умѣю;
Вновь не могу душей моею
Въ краю цвѣтущемъ разцвѣсти.
Межъ тѣмъ отъ прихоти судьбины,
Межъ тѣмъ отъ подлинной отравы бытія,
Въ покоѣ раболѣпномъ я
Ждать не хочу моей кончины;
На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ —
Она отраднѣе гордынѣ человѣка.
Какъ жаждалъ радостей младыхъ
Я на зарѣ младаго вѣка,
Такъ нынѣ, Океанъ! я жажду бурь твоихъ.
Волнуйся, опѣняй утесистыя грани,
Онъ веселитъ меня, твой грозный, дикій ревъ,
Какъ зовъ къ давно желанной брани,
Какъ мощнаго врага мнѣ чемъ то лестный гнѣвъ.

* * * *

XVIII.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ: ЭДА.

Была безпечна, весела,
Когда-то добренькая Эда;
Одною Эдой и жила
Когда-то дѣвичья бесѣда;
Она привѣтно и свѣтло
Когда-то всѣмъ глядѣла въ очи;
Чтожъ измѣнить ее могло?
Чтожъ это утро облекло
И такъ внезапно въ сумракъ ночи?
Она разсѣянна, грустна,
Въ бесѣдахъ вовсе не слышна;
Какъ прежде яснаго привѣта
Ни для кого во взорахъ нѣтъ:
Вопросы долго ждутъ отвѣта
И часто странень сей отвѣтъ!
То жарки щеки, то безцвѣтны,
И тайной горести плоды
Не рѣдко свѣжіе слѣды
Горячихъ слезъ на нихъ замѣтны!
Бывало слишкомъ зашалитъ
Съ красоткой хитрый постоялецъ,
Она къ устамъ приставитъ палецъ,
Ему съ улыбкой имъ грозитъ;
Когда жъ ей серьги подаритъ
Или платокъ повѣса ловкой,

Она красивою обновкой
Похвастать къ матери бѣжитъ,
Потомъ его благодаритъ
Веселымъ книксомъ. Шаловливо
На соннаго его порой
Плеснетъ холодною водой
И убѣгаетъ торопливо
И долго слышенъ дѣтской смѣхъ.
. . . . . (*)
Гдѣ время то? при немъ она
Какой-то робостію нынѣ
Въ своихъ движеньяхъ смущена!
Веселыхъ шутокъ и въ поминѣ
Теперь ужъ нѣтъ! Простыхъ рѣчей
Съ нимъ даже дѣва не заводитъ
Какъ будто сталъ онъ недругъ ей;
За то порой съ его очей
Очей задумчивыхъ не сводитъ!
За то порой, наединѣ
Къ груди лукавца вся въ огнѣ
Сама бѣдняжка припадаетъ
И страсти гибельной полна
Сама уста свои она
Къ лобзаньямъ страстнымъ обращаетъ!

Идетъ поспѣшно день за днемъ.
Гусару дѣва молодая
Уже покорствуетъ во всемъ,
За нимъ она какъ лань ручная
Повсюду ходитъ: то четой

(*) Точки поставлены самимъ сочинителемъ.

Пріемлетъ ихъ въ полдневной зной
Густая сѣнь дубравы сонной;
То пріютитъ безмолвный боръ,
То приглащаютъ гроты горъ
Въ свой сумракъ нѣгѣ благосклонной;
Но чаще въ ближній долъ они
Нисходятъ разными путями.
Тамъ надъ прозрачными струями
Ручья веселаго, въ тѣни
Густыхъ березъ, рябинъ узорныхъ,
Обросшихъ, вѣсти нѣтъ когда,
Два камня, — падшіе изуда
Съ высотъ сосѣдственныхъ нагорныхъ;
Они садятся на траву.
Порой любовникъ въ томной лѣни
Послушной дѣвѣ на колѣни
Кладетъ усталую главу,
Безпечнымъ сномъ глаза смыкаетъ.
Она отъ друга своего
Докучныхъ мошекъ отгоняетъ;
Власами мягкими его
Рукой младенческой играетъ!
Когда-жъ подымется луна
И дикой край подъ ней задремлетъ,
Въ пріютъ укромной свой она
Къ себѣ — — его пріемлетъ.
Но дѣва нѣжная моя
Томится тайною тоскою.
Разъ обычайною порою
У водъ любимаго ручья
Они возсѣли молчаливо.
Глазами въ тихомъ забытьи
Шалунъ слѣдилъ его струи,
Предъ нимъ бѣгущія игриво.

Дорогой сорванный цвѣтокъ
Онъ какъ то бросилъ въ быстрой токъ.
Вздохнула дѣва молодая!
На друга голову склоня,
„Такъ“ прошептала „и меня
Мигъ полелѣя, полаская,
Такъ на погибель бросишь ты!“
У добродушный красоты
Уста въ то время улыбнулись;
Но тутъ же скорбь взяла свое
И на глазенкахъ у нее
Невольно слезы навернулись!
Она косынкою своей
Ихъ отерла и веселѣй
Глядѣть спараяся на друга:
„Нѣтъ, нѣтъ, не кстати мнѣ тоска!
Сего дня жизнь моя сладка,
Сего дня я твоя подруга!
И завтра будешь ты со мной,
И день еще, и спасься можетъ,
Я до разлуки роковой
Не доживу! Господь поможетъ.“

Сковалъ потоки зимній хладъ
И надъ стремнинами своими
Съ гранитныхъ горъ уже висятъ
Онѣ горами ледяными;
Изъ подъ сугробовъ снѣговыхъ
Кой гдѣ вставая головами
Скалы чернѣютъ: снѣгъ буграми
Лежитъ на соснахъ вѣковыхъ.
Кругомъ все пусто. Зашумѣли,
Завыли зимнія мятели.

Что съ бѣдной дѣвицей моей?
Потухъ огонь ея очей,
Въ ней Эды прежней нѣтъ и тѣни:
Изнемогаетъ въ цвѣтѣ дней,
Но чужды слезы ей и пѣни.
Какъ небо зимнее блѣдна,
Въ молчаньи грусти безнадежной
Сидитъ недвижно у окна
Сидитъ и бури вой мятежной
Уныло слушаетъ она,
Мечтая: „нѣтъ со мною друга,
Давно увялъ щастья цвѣтъ:
Чтожъ для меня кончины нѣтъ?
Когда, когда сметешь ты вьюга
Съ лица земли мой легкой слѣдъ!
На сонъ желанной, сонъ глубокой,
О, скоро ль гробъ меня возметъ;
И на него сугробъ высокой
Дыханье бури нанесетъ!“

* * * *

XIX.

ЛЕДА.

Въ странѣ роскошной, благодатной,
Гдѣ Евротейскій древній токъ,
Среди долины ароматной
Катится свѣтелъ и широкъ;
Вдоль брега, Леда молодая,
Еще не мысля, но мечтая,
Стопами тихими брела.
Ужъ близокъ полдень; небо знойно:
Кругомъ все пусто, все спокойно,
Рѣка прохладна и свѣтла;
Брега стрегутъ кусты густые....
Покровы пали на цвѣты
И Леды прелести нагія
Прозрачной влагой приняты.
Легко возлегшая на волны,
Легко скользитъ по нимъ она:
Роскошно пѣнясь, перси полны
Лобзаетъ жадная волна;
Но зашумѣлъ тростникъ прибрежный
И лебедь стройный, бѣлоснѣжный
Изъ за него явился ей.
Сначала онъ, чуть зримый окомъ
Блуждаетъ въ оплывѣ широкомъ
Кругомъ возлюбленной своей;
Въ пучинѣ часто исчезаетъ,
Но сокрываясь отъ глазъ

Изъ водъ глубокихъ выплываетъ
Все ближе къ милой каждый разъ.
И вотъ плыветъ онъ рядомъ съ нею,
Ей смѣлость лебедя мила:
Рукою нѣжною своею
Его осанистую шею
Младая дѣва обняла,
Онъ жмется къ дѣвѣ, онъ украдкой
Ей перси нѣжныя клюетъ;
Онъ въ пѣсни радостной и сладкой
Какъ бы красы ея поетъ,
Какъ бы поетъ живую нѣгу!
Межъ тѣмъ, влечетъ ее ко брегу.
Выходитъ на берегъ она:
Уставъ, въ тѣни густаго древа,
На мураву ложится дѣва
На длань главою склонена.
Межъ тѣмъ не дремлетъ лебедь страстной:
Онъ на колѣняхъ у прекрасной
Нашелъ убѣжище свое;
Онъ сладкозвучно воздыхаетъ,
Онъ влажнымъ клевомъ попрошаетъ
Уста невинныя ея...
Въ изнемогающую дѣву
Огонь желанія проникъ:
Уста разскрылись; томно клеву
Уже отвѣтствуетъ языкъ;
Ужъ на глаза съ живымъ томленьемъ
Набросивъ пышные власы,
Она нечаяннымъ движеньемъ
Раскрыла всѣ свои красы....
Пріютъ свой прежній покидаетъ
Тогда нескромной лебедь мой;
Онъ томно шею обвиваетъ

Вкругъ шеи дѣвы молодой;
Его напрасно отклоняетъ
Она дрожащею рукой:
Онъ завладѣлъ ——
Затрепеталъ крылами онъ,
И вырывается у Леды
И дѣтства крикъ и нѣги стонъ.

* * * *

XX.

РАЗЛИЧНЫЯ ПОТРЕБНОСТИ.

Для ума потребенъ Геній,
Для разсудка — опытъ лѣтъ;
Для гусара — конь игреній,
Для прелестницы — корсетъ.
Для романса нужно чувство,
Для сатиры — ѣдка соль;
Торгашамъ (*) плутовъ искусство,
Скареду — Тартюфа роль;
За дѣвицами — смотрѣнье,
Для ревнивыхъ — сто очей
Для влюбленныхъ — снисхожденье,
И терпѣнье.... для мужей!

С. Н.

(*) Не Литерашурнымъ ли? *Изд.*

XXI.

НА СВИДАНІЕ СЪ СЕСТРОЮ.

Вотъ, мой другъ, и братъ твой нѣжный
Возвращенъ опять къ тебѣ:
Видитъ образъ твой любезный, —
И не вѣритъ самъ себѣ....

Въ сладкомъ сердца упоеньѣ
Гостю мнится, будто сонъ
Льститъ его воображенье,
Что мечтой обманутъ онъ.

Ахъ! увѣрь его скорѣе,
Что прошла пора мечтать,
Обними его нѣжнѣе,
Дай себя разцѣловать!

И своею лаской милой
Разгони, мой другъ, разсѣй
Мракъ въ душѣ его унылой,
Сердце бѣдное согрѣй.

Много слезъ въ семъ разлученьи
Сиротой одинъ онъ лилъ,
Много скорби, огорченья
Безъ тебя опять сносилъ....

Но почто воспоминаньемъ
Намъ смущать столь сладкой часъ? —
Ты со мной!.... вѣнецъ желаньямъ!
Кто теперь счастливѣй насъ?

С. Н.

СТАТЬИ ОСОБЕННЫЯ.

I.

Короткій отвѣтъ Кн. Одоевскаго Г-ну Булгарину.

Скажите мнѣ, Милостивый Государь, Г. Булгаринъ, какой умный и благовоспитанный человѣкъ рѣшится позволить себѣ вольности выходящія за предѣлы всякой благопристойности, которыя вы позволили себѣ въ послѣднихъ No-хъ Литературныхъ Листковъ вашихъ. Васъ прогнѣвали жесткія истины, сказанныя мною вамъ подъ видомъ шутки, совсѣмъ не обидной; васъ раздосадовало то, что я не подорожилъ вашими похвалами. Вѣрю! Но послушайте, Г. Булгаринъ; что не нуждаюсь въ похвалахъ вашихъ я доказалъ ето въ III-й части Мнем.; что не обижаюся вашею бранью—доказываетъ вамъ теперешнее мое хладнокровіе. Я молодъ, не произвелъ ничего еще такого, чтобы могло дать мнѣ право даже на званіе Автора: если суждено мнѣ быть хорошимъ Писателемъ, то брань ваша не достигнетъ до меня; суждено мнѣ быть дурнымъ Сочинителемъ, никакія похвалы Г. Булгарина не спасутъ меня отъ забвенія. — Теперь же оканчи

ваю навсегда Журнальныя перебранки, они мнѣ прискучили, постараюся даже и вамъ не отвѣчать болѣе, ибо время я *также* опредѣляю, какъ отецъ Хемницерова Метафизика.

Вотъ вамъ мой отвѣтъ, Г. Булгаринъ; другой сталъ бы отвѣчать вамъ совсѣмъ иначе; но я — не хочу; я и такъ довольно унижалъ себя, по молодости входя въ сношенія съ людьми, которыя разсуждать не въ состояніи, а шуткъ не понимаютъ и не стоятъ. Прощайте!

P. S. Сверхъ того прошу васъ, Г. Булгаринъ, увѣдомить меня и моихъ читателей изъ какой *извѣстной рукописи* по вашему мнѣнію, взята моя повѣсть; этаго не должно было оставлять на догадку; если вы хотѣли сказать, что мое сочиненіе взято изъ собственной моей рукописи — въ такомъ случаѣ удивляюсь вашему остроумію.

2.

Замѣчанія на письмо къ Изд. Л. Л. Госп.—Ій-ова.

Читатели спросятъ можетъ быть насъ, почему мы не отвѣчаемъ на Критику Г. Ій-ова, помѣщенную въ 21 и 22 N. Л. Л.; не отвѣчаемъ по двумъ причинамъ, 1-е, отвѣты на всѣ его возраженія находятся уже въ III части Мнем., а 2-е, что онъ Г. Ій-овъ преважно доказываетъ, будто-бы давно забытый Бутервекъ щеперь въ великой модѣ, ставитъ его на одну доску съ Шлегелемъ, и сверхъ того говоритъ: *Излишняя ученость едва ли не вреднѣе полуучености.*“ (*) Увѣряю моего милаго и забавнаго Рецензента, что ни я, и никто даже самъ Издатель Сѣв. Арх. и Лит. Л. (что епаго убѣдительнѣе?) неподозрѣваютъ его Г. Ій-ова въ излишней учености — въ етомъ страшномъ грѣхѣ, а Читателямъ моимъ объяснить честь имѣю, что я, съ такими учеными людями, каковъ Г. Ій-овъ никогда не спорю, а встрѣчаясь съ ними униженно кланяюсь и говорю: „Точно такъ, Милостивый Государь, вы правы!“

(*) Съ дипломатическою точностію выписаны слова сіи достойныя Сѣвернаго Архива и Литер. листковъ изъ статьи Г. Ій-ова въ 21 и 22 No Лит. Лист. на 94 стр. стр. 5 и 6 съ вер.

3.

Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ самихъ Издателей.

Принимаясь говорить о нашемъ Изданіи, мы не знаемъ должно ли намъ прежде благодарить Публику за благосклонное принятіе онаго, или извиняться почти въ непростительной медленности, съ которою вышла послѣдняя часть.

Надобно признаться, что Мнемозина явилась въ свѣтъ подъ созвѣздіемъ, весьма неблагопріятнымъ: при самомъ началѣ печатанія два камня, приготовленные для литографированія картинокъ къ I-й части лопнули; и хотя съ большею поспѣшностію (*) были нарисованы вновь картинки, однакожъ не смотря на то, задержали выходъ первой части; замедленіе оной повлекло за собою замедленіе и прочихъ частей; къ етому же присоединилися другія обстоятельства, которыя, какъ обыкновенно говорятъ, совсѣмъ не важны для Публики,

---

(*)И потому весьма неудачно.

но весьма важны для Издателей. Теперь—, желая хотя нѣкоторымъ образомъ вознаградить нашихъ подписчиковъ за долгое, и судя по частымъ, присылаемымъ къ намъ требованіямъ, довольно нетерпѣливое ожиданіе, мы увеличили IV часть почти въ половину болѣе противу прежнихъ; не знаемъ будетъ ли она по етому лучше, но знаемъ, по крайней мѣрѣ, что въ свѣтѣ толщина часто замѣняетъ многія другія достоинства.

Замѣчательно, что Мнемозина еще прежде своего выхода надѣлала много шума: одно названіе оной помѣщенное въ объявленіи, заставило нашихъ *ученыхъ людей* ломать себѣ голову: многіе, очень многіе добивалися, *что такое* Мнемозина, *почему*, *за тѣмъ*, и *какъ* она *Мнемозина*; одинъ изъ таковыхъ Философовъ, желая показать свою ученость преважно спрашивалъ у Издателей: „Мнемозина — не одна ли изъ фурій?“ (*) другіе подобные сему Философы не могли постигнуть какимъ образомъ Изданіе *въ родѣ Альманаховъ* можетъ быть въ 4 тома. Отъ такихъ Судей нѣчего было ожидать добраго и появленіе I-й части Мнемозины подтвердило ето заключеніе.

(*) Нужно ли говорить, что онъ смѣшивалъ Мнемозину съ Немезидою.

Сперва наше Изданіе слегка разшевелило маленькое самолюбіе маленькихъ людей, почитающихъ себя великими; въ послѣдствіи времени объявивъ войну почти всѣмъ Русскимъ Журналамъ, почти всѣмъ старымъ предразсудкамъ (*),— оно необходимо должна была навлечь на себя негодованіе преданныхъ онымъ, должна была испытать всю силу смѣшнаго Журнальнаго мщенія; Издатели предвидѣли ето, знали участь, которая ожидаетъ всякаго, осмѣливающаго издѣваться надъ закоренѣлыми заблужденіями — и заранѣе презирали ничтожный крикъ самолюбиваго невѣжества, которое, будучи довольно своимъ щастливымъ состояніемъ, не хочетъ и не можетъ вообразить, что за тѣмъ кругомъ, которымъ оно себя ограничило, существуютъ какія либо знанія, какой либо особенный образъ сужденія. — Издатели, повторяю, презирали недоброжелательныя о себѣ толки; главнѣйшая цѣль Изданія нашего была—распространить

(*) А что новость, какая бы она ни была всегда находитъ порицателей, тому могутъ служить доказательствомъ нелѣпыя нападки на *Горе отъ Ума*, Комедію Грибоѣдова, на произведеніе истинно дѣлающее честь нашему времени, блистающее всею свѣжестію творческаго вымысла; произведеніе заслужившее уваженіе всѣхъ своихъ читателей, кромѣ нѣкоторыхъ привязчивыхъ говоруновъ, которые, сами не имѣя способности производить, досадуютъ за чемъ другіе ее имѣютъ.

нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи; обратить вниманіе Русскихъ читателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ, заставить говорить о нихъ; положить предѣлы нашему пристрастію къ Французскимъ Теорикамъ; наконецъ показать, что еще не всѣ предметы исчерпаны, что мы отыскивая въ чужихъ странахъ бездѣлки для своихъ занятій, забываемъ о сокровищахъ, вблизи насъ находящихся. И Издатели Мнемозины могутъ похвалиться, что нѣкоторымъ образомъ достигли своей цѣли; Литературные листки, Сынъ Отеч., Сѣв. Архивъ, нападая на Мнемозину, списывали и теперь еще списываютъ изъ нее сужденія о Французской Словесности, о необходимости народной Поэзіи; даже въ Литературныхъ Листкахъ, Мнемозина заставила толковать о Шеллингѣ и Окенѣ, хотя и на изворотъ; заставила Журналистовъ говорить о Нѣмецкихъ мыслителяхъ такъ, что иногда подумаешь, будто бы наши критики въ самомъ дѣлѣ читали сихъ послѣднихъ. — Знакъ добрый! Можетъ быть, недалеко уже то время когда сужденія, основанныя на законахъ непремѣняемыхъ, произведенія, блистающія порядкомъ и свѣтлостію мыслей, займутъ мѣсто нашихъ обыкновенныхъ, пустыхъ, сбивчивыхъ, Журнальныхъ Теорій и Литературныхъ уродовъ; когда истина восторже-

спвуетъ надъ заблужденіями и умолкнутъ наши ничтожные Судіи въ Наукахъ.

За дѣло ли принимался Издатели Мнемозины о томъ пусть разсудятъ люди *мыслящіе*; но, по крайней мѣрѣ, мы дѣлились съ читателями тѣмъ, что сами имѣли, дѣлились малымъ — конечно, но не хотѣли морочить Публику наслышными знаніями; не поступали подобно тѣмъ, которые издаютъ Горація, не зная Латинскихъ склоненій, которые выдаютъ себя за Археологовъ и дѣлаютъ на каждомъ шагу ученическія ошибки, оговариваясь пословицей: *дѣло мастера боится*, не поступали подобно тѣмъ, которые заучивъ нѣсколько страницъ изъ Баште подводятъ все то, что на глаза попадется подъ свои условныя правила.

Наконецъ, да позволено будетъ нашему самолюбію сдѣлать еще одно замѣчаніе: что мнѣнія, которыя мы желали распространить несовершенно ложны, въ томъ увѣряетъ насъ то, что ни одно изъ нашихъ мнѣній не было опровергнуто, а что вмѣсто того, наши противники прибѣгнули къ обыкновенному орудію безсилія: — они стали толковать о вредѣ отъ излишней учености; стали укорять насъ въ хвастовствѣ знаніями; однимъ словомъ, отвѣчали намъ тономъ, который обыкновенно употребляютъ просто людимы, говоря: „*мы люди неученые*.“ — Вѣримъ!

На сей годъ прекращаемъ наше Изданіе, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ можетъ быть, возобновимъ его; и не смотря на всѣ его недостатки, мы ласкаемъ себя надеждою, что люди мыслящіе и истинно просвѣщенные, если и будутъ порицать насъ за недостатки исполненія, то не похулятъ за намѣреніе.

Впрочемъ за чемъ на прощаньи ссориться и съ тѣми изъ нашихъ Судей, которыхъ уличаемъ въ невѣжествѣ и закоснѣніи; миръ со всѣми! Въ доказательство же нашей къ нимъ благосклонности, посвящаемъ имъ нижеслѣдущее преданіе:

ОДИССЕЕВЪ КОНЬ.

(Посвящается многимъ судіямъ и нѣкоторымъ Читателямъ Мнемозины).

Вы вѣрно знаете, друзья мои, милаго простодушнаго *Калликона*! Знаете какимъ слабоуміемъ, истинно завиднымъ въ наше время, одарила его Природа. Вы вѣрно помните, что сдѣлалъ онъ, захотѣвши предаться Морфею: какъ положилъ онъ подъ голову глиняный сосудъ, какъ сосудъ показался ему жесткимъ и какъ чтобы сдѣлать свое изголовье годнымъ къ употребленію, онъ вздумалъ набить его соломою.

Про етаго самаго Калликона я нашелъ странное сказаніе въ одной древней руко-

писи. Ученые Комментаторы увѣряютъ, что она подложная; но чего они не выдумаютъ? Рукопись, вопреки всѣмъ ѣтимъ Господамъ, утверждаетъ, что мой герой находился въ числѣ тѣхъ воиновъ, которые были засажены старикомъ Одиссеемъ въ деревянную лошадь предъ Троею.

Отяготѣвъ отъ даровъ Вакховыхъ, Калликонъ безпечно попятгивался на самомъ мѣстѣ желудка въ огромномъ чревѣ.

„Какъ душно и темно теперь на свѣтѣ говорилъ онъ своему товарищу....“

— Не вѣкъ здѣсь быть—отвѣчалъ ему воинъ, придетъ время и мы выйдемъ отсюда — приготовляй оружіе.

„Выйдемъ?.... куда?“

— На свѣтъ, въ Трою!

„И кто тебѣ сказалъ ето—“ возразилъ Калликонъ засмѣявшись „я давно уже смотрѣлъ во всѣ стороны и теперь твердо увѣрился, что и Грецiя и Троя и весь свѣтъ — все здѣсь, въ етомъ желудкѣ, что больше ничего не существуетъ и существовать не можетъ.“

Вы смѣетесь, друзья мои, рѣчи просподушнаго Калликона, но берегитесь! смотрите какъ смѣхъ вашъ разшевелилъ Калликоновъ нашего времени, какъ грозно выглядываютъ они на васъ изъ своихъ желудковъ, въ которые спрятались съ головой и съ ногами!

Одвск.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЕЙ МНЕМОЗИНЫ.

ФИЛОСОФІЯ.

	Части: I.	II.	III.	IV.
1. Афоризмы изъ различныхъ Писателей по части Современнаго Германскаго Любомудрія (Кн. Одоевскаго) . . .	Страницы: —	84	—	—
2. Кантъ — изъ Сталь-Голстейнъ (А. Боровкова)	—	—	95	—
3. О способахъ изслѣдованія Природы (*пп*) . .	—	—	—	1.
4. Секта Идеалистико-Елеатическая — отрывокъ изъ Словаря Исторіи Философіи (Кн. Одоевскаго	—	—	—	160.

ИЗЯЩНАЯ ПРОЗА.

Апологи:

6. Старики, или Островъ Панхаи (Кн. Одоевскаго)	1	—	—	—
7. Дервишъ (его же) . .	—	—	1	—
8. Солнце и младенецъ (его же)	—	—	4	—
9. Два Мага (его же) . .	—	—	7	—
10. Алогій и Епименидъ (его же)	—	—	9	—

	Части:	I.	II.	III.	IV
11.	Емблемы (В. Т—ва) .	—	—	24	—
12.	Радуга — цвѣты—Иносказанія (Кн. Одоевскаго	—	—	88	—
13.	Новый Демонъ (его же)	—	—	—	35.
14.	Моя управительница (его же)	—	—	—	42.
15.	Спутники жизни (Н. Полеваго)	—	—	—	56.
16.	Одиссеевъ конь (Кн. Одоевскаго	—	—	—	235.

ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ.

17.	Извлеченіе изъ Записокъ Генералъ-Маіора Д. В. Давыдова . .	13	—	—	—

ПУТЕШЕСТВІЯ.

18.	Отрывки изъ Путешествія по Германіи (В. Кюхельбекера) .	61	51	—	—
19.	Отрывокъ изъ Путешествія по Германіи и Полуденной Франціи (В. Кюхельбекера) .	—	—	34	—
20.	Отрывокъ изъ Путешествія по Полуденной Франціи (В. Кюхельбекера)	—	—	—	66.

ПОВѢСТИ, ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНОВЪ, СМѢСЬ.

21.	Адо — Естонская Повѣсть (В. Кюхельбекера)	119	—	—	—

	Части:	I.	II.	III.	IV.
		Страницы:			
22.	Елладій—Картина изъ свѣтской жизни (Кн. Одоевскаго)	—	94	—	—
23.	Бельфегоръ — изъ Махіавеля съ Итальянскаго	—	—	63	—
24.	Слѣдствія Сатирической статьи — отрывокъ изъ Романа (Кн. Одоевскаго	—	—	125	—
25.	Характеръ (его же) .	—	—	63	—
26.	Тимонъ, или Мизантропъ — изъ Лукіана — съ Греческаго (С. Шевырева	—	—	—	105
27.	Многомѣры изъ Жанъ-Поля Рихтера — съ Нѣмецкаго (В. Кюхельбекера)	182	—	—	—
28.	Земля Безглавцевъ (В. Кюхельбекера)	—	143	—	—
29.	Извлеченіе изъ Письма къ Е—ду (О. М.) . .	172	—	—	—
30.	Листки изъ Парнасскихъ Вѣдомостей (Кн. —двск—)				
31.	Мысли (С. Н. . . .	—	—	—	51.

КРИТИКА и АНТИКРИТИКА.

32.	Замѣчаніе на Риторику Г. Мерзлякова (Кн. Одоевскаго)	62	—	—	—
33.	О направленіи нашей Поезіи особенно Лирической въ послѣднее десятилѣтнее (В. Кюхельбекера)	—	29	—	—

	Части: I.	II.	III.	IV.
	Страницы:			
34. Письмо въ Москву къ В. К. Кюхельбекера о затѣяхъ Новостей Литературы и Инвалида Г. Воейкова (Кн. Одоевскаго)	—	—	165	—
35. Отвѣтъ Г. С. (В. Кюхельбекера)	—	159	—	—
36. Нѣчто въ родѣ Опечатки или отвѣтъ Кн. Шаликову (Кн. Одоевскаго)	безъ No.			
37. Разговоръ съ Ѳ. В. Булгаринымъ (В. Кюхельбекера)	—	—	157	—
38. Прибавленіе къ сему разговору или Замѣчанія на статью: Журнальныя статьи (Кн. Одоевскаго)	—	—	178	—
39. Короткой отвѣтъ Кн. Одоевскаго Г. Булгарину	—	—	—	227.
40. Замѣчаніе о ученомъ и глубокомысленномъ Ійовѣ	—	—	—	229.
41. Мнѣніе о Мнемозинѣ самихъ Издателей . .	—	—	—	230.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Отрывки Драматическіе:

42. Отрывки изъ Аристофана (Кн. Шаховскаго)	26	—	—	—
43. Прологъ Трагедіи съ хорами: *Ареіевяне* (В. Кюхельбекера	—	1	—	—
44. Отрывокъ изъ Трагедіи Маріи Стуартъ (Ник. Павлова)	—	86	—	—

	Части:	I.	II.	III.	IV.
СТИХОТВОРНЫЕ РАЗСКАЗЫ:					
45. Святополкъ (В. Кюхельбекера)	*Страницы:* 53	—	—	—	
46. Ручей Улькушъ (С. Нечаева)	112	—	—	—	
47. Конналъ и Гальвина (В. Вердеревскаго) . .	116	—	—	—	
48. Видѣніе	—	47	—	—	
49. Суета суетствій . .	—	—	—	—	
50. Ероны (Е. Раича) .	—	152	—	—	
51. Рогдаевы псы (В. Кюхельбекера)	—	—	13	—	
52. Выкупъ Оссіана (Писарева)	—	—	147	—	
53. Амуръ Живописецъ (В. Кюхельбекера)	—	—	—	63.	
54. Олимпійскія игры (его же)	—	—	—	96.	
55. Отрывки изъ Поемы: Эда (****) -	—	—	—	216.	
56. Леда (****) -	—	—	—	221.	
ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:					
57. Давидъ (А. Г.) . . .	24	—	—	—	
58. Къ Богу (В. Кюхельбекера)	51	—	—	—	
59. Елегія (Н. Павлова) .	111	—	—	—	
60. Елегія (П.....а) .	—	68	—	—	
61. Пѣснь Страдальца (А. Мансурова)	70	—	—	—	
62. Прокляпіе (В. Кюхельбекера)	—	72	—	—	

	Части:	I.	II.	III.	IV.
63. Прощаніе Воина (Кн. Вяземскаго)	Страницы:	45	—	—	—
64. Одиночество — изъ Ламартина (Волкова) .		—	140	—	—
65. Новая Нина (С. Нечаева)		—	133	—	—
66. Демонъ (А. Пушкина)		—	—	11	—
67. Застольная пѣснь Грековъ (С. Нечаева) . .		—	—	58	—
68 Упованіе на Бога (В. Кюхельбекера) . . .		—	—	84	—
69. Свиданіе (—й—) . .		—	—	155	—
70 Смерть Байрона (В. Кюхельбекера)		—	—	190	—
71. Жертвы Амуру (—й—)		—	—	—	49.
72. Гимнъ Бакхусу — изъ Гомера (В. Кюхельбекера)		—	—	—	92.
73. Къ Морю (А. Пушкина)		—	—	—	102.
74. Очки (Елегія) . . .		—	—	—	153.
75. Ливонія (Н. Языкова)		—	—	—	156.
76. Пѣсня		—	—	—	158.
77. Буря (****)		—	—	—	214.
ПОСЛАНІЯ:					
78. Къ Графу Чернышеву въ деревню (Кн. Вяземскаго		47	—	—	—
79. Къ ** при по священии перевода Трагедіи: Марія Стуартъ (Н. Павлова)		171	—	—	—
80. Рылѣеву (К . . . . а) .		—	155	—	—
81. Къ *** (С . . . аго) . .		—	—	31	—
82. Къ Нинѣ		—	—	60	—
83. Къ Барону Розену (В. Кюхельбекера) . . .		—	—	93	—

Части:	I.	II.	III.	IV.
СМѢСЬ.				
	Страницы:			
84. Епиграммы (П....аго) .	110	—	—	—
85. Отрывки изъ Поемы: Искусство любить (В. Головина)	136	168	—	—
86. Епиграммы (Кн. В..аго)	—	44	—	—
87. Вечеръ (А. Пушкина) .	—	85	—	—
88. Сонетъ (С....аго) . .	—	—	23	—
89. Слеза	—	—	33	—
90. Надпись къ портрету Автора Краткой Географіи въ стихахъ . . .	—	—	62	—
91. Альбомъ (С. Нечаева)	—	—	86	—
92. Различныя потребности (его же)	—	—	—	223.
93. На свиданіе съ сестрою (его же) . . .	—	—	—	224.

ИМЕНА ПОДПИСАВШИХСЯ НА МНЕМОЗИНУ, ПО ВРЕМЕНИ ПОДПИСКИ.

В ъ М о с к в ѣ:

Его Сіятельство Кн. П. И. Одоевскій 2 екз.
Ея Превосходительство В. И. Ланская.
Его Сіят. Кн. А. А. Масальскій.
Его Сіят. Кн. Ю. И. Трубецкій.
Ея Сіят. Граф. Н. А. Зубова.
———— Гр. Мих. Ю. Віелгорскій.
———— Гр. Мат. Ю. Віелгорскій.
Его Выс. Ст. Н. Бѣгичевъ.
Его Выс. Д. Н. Бѣгичевъ.
Его Выс. Н. А. Чирковъ.
Ея Прев. А. П. Глазова.
Его Сіят. Кн. В. С. Львовъ.
———— Кн. В. В. Львовъ.
Его Выс. С. Д. Полторацкій.
Его Прев. П. Л. Давыдовъ.
Его Выс. В. Л. Давыдовъ.
Его Выс. А. Л. Давыдовъ.
Его Сіят. Кн. В. М. Кугушевъ.
Ея Выс. Е. И. Мещеринова.
Его Сіят. Кн. И. С. Одоевскій.
Его Выс. Г. И. Дурновъ.
Его Сіят. Кн. Н. И. Трубецкій.
Его Выс. С. П. Жихаревъ.
Ея Выс. Вакселева.
Его Выс. Мальцевъ.
Его Выс. П. П. Коробинъ.
Его Прев. Н. М. Сипягинъ.

Его Выс. А. В. Всеволодскій.
Его Прев. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.
Его Выс. Я. Ѳ. Скорятинъ.
Его Выс. Алмазовъ.
Его Выс. Б. И. Іонъ.
Его Выс. Ершовъ.
Его Выс. М. А. Дмитріевъ.
Его Сіят. Кн. С. М. Голицынъ.
Его Бл. И. Н. Герингъ.
Его Выс. И. В. Чертковъ.
Его. Выс. П. И. Колошинъ.
Его Выс. Ѳ. Ѳ. Малышевъ.
Ея Прев. В. Н. Нарышкина.
Его Выс. Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ.
Его Выс. И. П. Нѣмовъ.
А. Ф. Смирдинъ. 20 экз.
Его Выс. Ленивцевъ.
Его Прев. И. А. Баратынскій.
Его Выс. М. Ф. Митьковъ.
Его Выс. М. Л. Яковлевъ.
Его Выс. Н. А. Охотниковъ.
Его Выс. А. Ѳ. Ягубовичъ.
Его Выс. С. Д. Нечаевъ.
Его Выс. Н. М. Коншинъ.
Его Выс. П. А. Степановъ.
Его Выс. Нащокинъ.
Неизвѣстный.
Его Прев. А. И. Тургеневъ.
Ея Прев. А. П. Дурасова.
Его Выс. В. А. Обрѣзковъ.
Его Выс. Н. М. Бравинъ.
Его Выс. П. Я. Жаровъ.
Его Выс. Д. П. Глѣбовъ.
Его Выс. Ушаковъ.
Его Выс. Д. П. Яковлевъ.

Его Выс. Прев. А. С. Кологривовъ.
Его Прев. А. А. Писаревъ.
Его Прев. Д. Н. Бантышъ-Каменскій.
Его Выс. С. А. Хомяковъ.
Баронъ Штейнгель.
Е. А. Лукошкинъ.
С. Ѳ. Суворовъ.
Господинъ Казановъ.
Оберъ Прав. Мейстеръ П. И. Милицкій.
Его Выс. Кавалевъ.
Ея Выс. Е. П. Струкова.
Его Бл. В. П. Ивашевъ.
Его Выс. Л. Ѳ. Богдановичъ.
А. А. Кулиновскій.
Ямбургскаго Улан. Полка Юнкеръ Н. П. Волковъ.
Его Благ. А. А. Елагинъ.
Я. В. Сленинъ.
Баронъ С. Н. Петровъ.
Іос. Ев. Смолинъ.
Н. А. Сабининъ.
Ген. Лейт. И. В. Чертковъ.
Его Вл. А. А. Санниковъ.
Его Бл. Горностаевъ.
Его Выс. В. М. Кулебякинъ.
Коллеж. Совѣт. И. Д. Грезовскій.
Пол. А. Л. Потехинъ.

Въ Петербургѣ:

Его Пр. Ар. Ал. Сталыпинъ.
Его Бл. М. М. Данауровъ.
——— П. П. Мяплевъ.
——— Ф. С. Хомяковъ.
——— Пусловскій.
Камеръ-Юнкеръ Собанскій.

Неизвѣстный.
Его Бл. И. Д. Лужинъ.
Его Выс. Н. В. Ланской.
Его Сіят. Кн. В. А. Долгорукій.
———— Кн. М. Ф. Голицынъ.
———— Кн. Мещерскій.
———— Кн. Гагаринъ.
———— Гр. Ливенъ.
———— Гр. Е. Ф. Комаровскій.
———— Гр. Манстейфель.
Его Бл. А. А. Сухаревъ.
Его Выс. П. П. Свиньинъ.
Книгопр. Ив. Ив. Большой-Заикинъ.

Въ разныхъ Городахъ:

Его Выс. А. Я. Жмакинъ.
Его Бл. В. И. Мелиховъ.
Его Бл. А. И. Скворцовъ.
Ея Выс. Н. И. Жуковъ.
Его Выс. И. А. Вшоровъ.
Его Сіят. Глав. 1-й Арміи Гр. Ф. В. Остенъ-Сакенъ.
Его Прев. Гр. Гр. Бѣлоградскій.
Его Сіят. Гр. В. А. Мусинъ-Пушкинъ.
Его Выс. В. А. Глинка.
Его Сіят. Гр. М. Д. Толстой.
Его Выс. Ст. О. Вишневскій.
П. Ѳ. Ивановъ.
Его Выс. Ѳ. П. Игнатьевъ.
Его Выс. П. П. Бабкинъ.
Ея Выс. А. А. Наумова.
Его Выс. М. П. Зеровъ.
Его Выс. И. Ѳ. Ефимовъ.
Его Выс. П. П. Алмазовъ.

Его Выс. А. И. Биркенъ.
Его Выс. П. И. Яблочковъ.
Его Выс. П. Я. Исуповъ.
Его Выс. Н. М. Сытинъ.
А. И. Ѳедоровъ.
Ея Выс. Л. Я. Лярская.
Его Выс. Ник. А. Мельгуновъ.
А. Е. Лавровъ. 2 экз.
Ея Выс. Н. Б. Трегубовская.
Его Прев. Р. И. Ховенъ 13 экз.
Его Выс. И. Лихонинъ.
Его Выс. С. П. Петровъ.
Его Выс. И. П. Соболевъ.
Его Выс. И. Б. Ивановъ.
Ея Выс. Е. И. Сабинина.
Его Выс. Ѳ. П. Михайловъ.
Его Выс. И. Ѳ. Ружницкій.
Гвар. Шт. Кап. Н. А. Лопухинъ.
Его Сіят. Гр. С. М. Каменской.
Лейт. 6-го Фл. Эк. П. Станицкій.
Его Выс. Бл. И. Я. Потемкинъ.
Его Выс. Бл. А. М. Мартыновъ.
Его Бл. Г. Ал. Костомаровъ.
Арт. Подпол. Флиге.
Ген. Маіоръ Сталь.
Симб. Вице Губ. Грибовскій.
Его Бл. А. М. Мартыновъ.
Ком. 41-го Ег. пол. Пол. Авенаріусъ.
Ком. Низов. пѣхот. пол. Подпол. Левенштальъ.
Каз. Драг. пол. Шт. Кап. А. Н. Чертковъ.
Ея Выс. С. В. Гринева.
Его Выс. С. С. Веселовскій.

ОПЕЧАТКИ

въ IV части.

Напечатано:				Читай:
Стран.	Стр.			
3	1	с. н.	усамприваются	усматриваются
93	7	—	нарусъ!	парусъ!
—	4	—	повезекъ	повеземъ
95	2	с. в.	устранитьсяся	устранитьсяся
98	2	—	вѣковъ	вѣнокъ
102	15	—	титину	тишину
104	1	—	опустѣлъ	опустѣлъ.
114	1	—	застуномъ	заступомъ
147	6	—	казнонилище	казнохранилище
156	1	—	шы	ты
158	5	с. н.	тобой тобой	тобой
160	6	с. в.	Правда, мы богаты	Правда, мы небѣдны
—	7	—	ками	Лечебниками
171	2	—	младенчеетву	младенчеству
191	9	—	стремленію	стремленія
192	8	—	въ голосѣ	въ головѣ
211	4	—	оною	оной
212	1	—	дѣйствующіе	дѣйствующія
—	14	—	дѣйствующіе	дѣйствующія
223	7	—	дѣтства	дѣвства.
232	2	с. н.	главнѣищая	главнѣйшая.

Непредвидѣнныя обстоятельства задержали выходъ сей IV части уже по отпечатаніи оной. Конечно теперь всякое оправданіе поздно, но Издатели осмѣливаются замѣтить, что какъ ихъ Изданіе, по однимъ полемическимъ статьямъ, составляющимъ прибавочную часть, можетъ быть названо *періодическимъ*, то ранній или поздній выходъ сей части не долженъ, кажется имѣть вліянія на достоинство (какое бы оно ни было) статей, помѣщенныхъ въ оной. Что же касается до полемическихъ статей, находящихся въ сей части у коихъ время должно отнять и малѣйшую цѣну, какую онѣ только могутъ имѣть, то Издатели просятъ охотниковъ до такого рода сочиненій, для лучшаго уразумѣнія, вспомнить жаркіе споры за II и III-ю часть Мнемозины; сверхъ того предувѣдомляемъ ихъ (Гг. охотниковъ), что они съ лихвою будутъ вознаграждены за сію потерю; ибо по стараніямъ нашимъ, мы имѣемъ довольное количество досужихъ и очень горячихъ противниковъ, а потому вѣроятно, что по выходѣ сей части загорятся снова въ періодическихъ изданіяхъ жестокіе споры, отъ коихъ произойдетъ несомнѣнно точно та же самая польза, какая произошла и отъ споровъ за II и III-ю часть.

Еще два слова: совсѣмъ отпечатанная картинка къ сей части, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ должна была быть уничтожена, а другая въ замѣну ея печатается и немедленно будетъ доставлена Гг. подписчикамъ.

СЛЕЗА — РОМАНСЪ.

Слова А. С. Пушкина. Музыка М. Яковлева.

Grazioso.

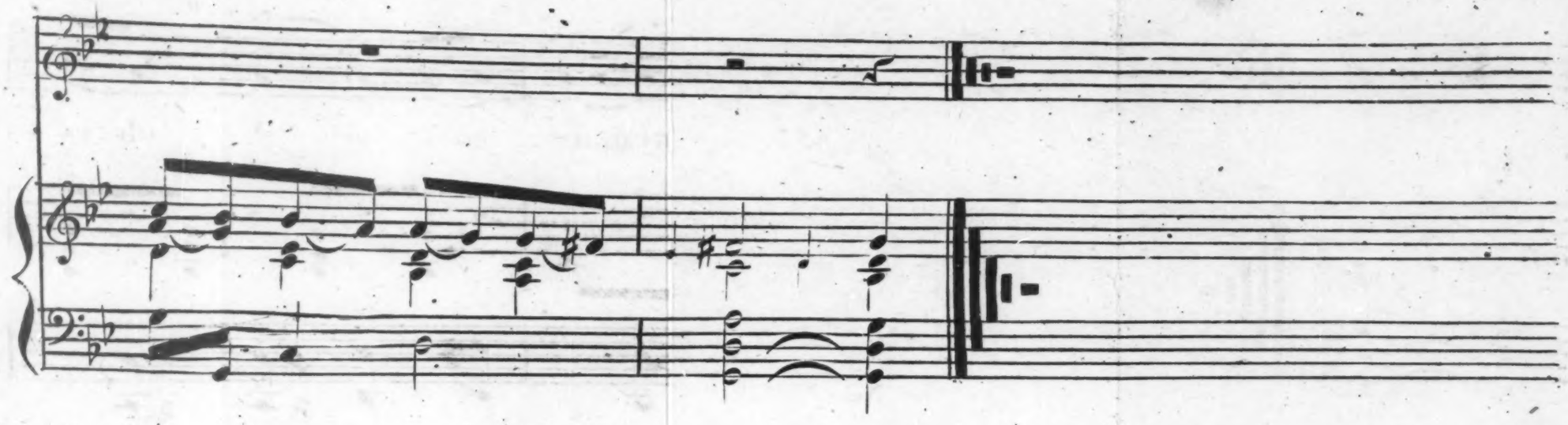
Голосъ

Форте-Піано

Вче_ра за ча_шей пун_ше_во_ю съ гу_

са_ромъ я си_дѣлъ и мол_ча съ мрачно_ю ду_

шо_ю на даль_ній путь гля_дѣлъ.



2.

–Скажи, что смотритъ на дорогу?
Мой храбрый вопросилъ: –
Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводилъ. –

3.

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ:
Гусаръ! ужъ нѣтъ ее со мною"
Вздохнулъ и замолчалъ.

4.

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ...
–Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ?
Стыдись! – онъ закричалъ.

5.

„Оставь, гусаръ! – охъ сердцу больно,
Ты знать не горевалъ:
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ."

Разсматривалъ цензоръ И. Снегиревъ.